

ISSN 2542-1697

**ЭКОНОМИКА.
СОЦИОЛОГИЯ.
ПРАВО.**

**№3 (39)
2025**

ББК 65+60+67

Э-40

Экономика. Социология. Право. №3(39) (2025). Брянск: БГУ, 2025. - Точка доступа: <http://profit-brgu.ru>

Размещено на официальном сайте журнала: 06.10.2025 г.

Председатель Редакционного совета:

Антюхов Андрей Викторович - доктор филологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (БГУ).

Главный редактор:

Бабич Оксана Викторовна - доктор экономических наук, доцент, заместитель проректора по научной работе, международному сотрудничеству, инновационному развитию и цифровизации – начальник управления научной политики БГУ.

Редакционная коллегия:

Алексеев Андрей Алексеевич - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, директор центра инновационного развития ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»;

Бабосов Евгений Михайлович - доктор философских наук, академик, главный научный сотрудник Института социологии Национальной Академии Наук Республики Беларусь;

Голенкова Зинаида Тихоновна - доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН по науке, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

Горбачёв Александр Николаевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин БГУ;

Горина Светлана Алексеевна - доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование» (г. Москва);

Гостенина Валентина Ивановна - доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы БГУ;

Кара Игорь Степанович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права БГУ;

Ковалева Наталья Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, декан финансово-экономического факультета БГУ;

Ковальчук Юлия Александровна - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления активами факультета международных экономических отношений ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;

Крутиков Валерий Константинович - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского»;

Курбонов Абдулхайт Каримович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и аудита Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан);

Мамедов Агамали Куламович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Матюшкина Ирина Алексеевна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления БГУ (ответственный секретарь);

Омелин Виктор Николаевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник

Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва);

Рогова Елена Моисеевна - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и учета, директор центра исследования рыночной эффективности и прикладных финансов Института высшей школы менеджмента ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;

Шилина Светлана Александровна - доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы БГУ.

В данном выпуске сетевого издания - электронного научного журнала «Экономика. Социология. Право.» представлены материалы ученых по указанным направлениям научных исследований. Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

© БГУ, 2025

Журнал и его метаданные лицензированы в соответствии с CC BY-SA

**ECONOMICS.
SOCIOLOGY.
LAW.**

**№3 (39)
2025**

BBK 65+60+67

E-40

3

Economics. Sociology. Law. No.3(39) (2025). Bryansk: BSU, 2025. - Access point: <http://profit-brgu.ru>

Posted on the official website of the journal: 06.10.2025 г.

Editorial Board Chairman:

Antyukhov Andrey Viktorovich - doctor of philology, professor, rector of I. G. Petrovsky Bryansk State University (BSU).

Editor in chief:

Babich Oksana Viktorovna - doctor of economics, professor, deputy vice–rector for research, international cooperation, innovative development and digitalization - head of the scientific policy department, BSU.

Editorial Board:

Alekseev Andrey Alekseyevich - doctor of economics, professor of the chair of business economics and industrial management, director of the center for innovative development, St. Petersburg State University of Economics;

Babosov Evgeny Mikhailovich - doctor of philosophy, academician, head of the department, institute of sociology of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus;

Golenkova Zinaida Tikhonovna - doctor of philosophy, professor, deputy director for science of the institute of sociology of the Russian Academy of Science, head of the center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Gorbachev Alexander Nikolayevich - candidate of juridical sciences, associate professor of the department of state law and civil law disciplines, BSU;

Gorina Svetlana Alekseyevna - doctor of economics, professor, director general of LLC «Audit and Consulting» (Moscow)

Gostenina Valentina Ivanovna - doctor of sociology, professor, professor of the department of psychology, sociology and social work, BSU;

Kara Igor Stepanovich - candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of the department of criminal law disciplines, theory and history of state and law, BSU;

Kovaleva Natalia Nikolayevna - candidate of economic sciences, associate professor, dean of the faculty of finance and economics, BSU;

Kovalchuk Yuliya Aleksandrovna - doctor of economics, professor, professor of the department of asset management, faculty of international economic relations, Moscow state institute of international relations (university) ministry of foreign affairs of the Russian Federation;

Krutikov Valery Konstantinovich - doctor of economics, professor, head of the department of state law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky(Kaluga city);

Kurbonov Abdulhait Karimovich - doctor of economics, professor, head of the chair of economic analysis and audit of the Tajik national University (Dushanbe, Republic of Tajikistan);

Mammadov Agamali Kulamovich - doctor of sociology, professor, head of the department of sociology of communication systems of the Lomonosov Moscow State University;

Matyushkina Irina Alekseevna - candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of economics and management of BSU (Executive Secretary);

Omelin Viktor Nikolayevich - doctor of law, professor, chief researcher at the center for the study of security issues in institutions of the penal correction system of the Federal Penitentiary Institution Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow);

Rogova Elena Moiseevna - doctor of economics, professor, head of the department of finance and accounting, director of the center for market efficiency and applied finance research at the Institute of higher

school of management, St. Petersburg State University;

Shilina Svetlana Aleksandrovna - doctor of sociology, associate professor, professor of the department of psychology, sociology and social work, BSU.

In this network edition - electronic scientific journal «Economics. Sociology. Law.» you can find materials of the scientists in these areas of research. The journal is intended to researchers, teachers, postgraduates and students of higher educational institutions.

The authors are responsible for the accuracy of the factual material used in the articles.

© BSU, 2025

The Journal and its metadata are licensed under CC BY-SA

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Митюченко Л.С., Панин А.Е.</i> Организационно-структурное содержание управления интеллектуальной собственностью предприятия на примере ООО «НПП «Цифрал»	9
<i>Степанова Т.А., Молоканова А.С.</i> Безработица: современное состояние и перспективы развития	16
<i>Проскурякова Е.А., Куприянова Д.М., Воропаева Д.М.</i> Анализ молодежной политики ОАО «РЖД».....	22
<i>Рожков Е.В.</i> Инновационное развитие цифровых платформ: новые подходы и актуальные исследования.....	29
<i>Шагабутинова Л.М.</i> Трансформация рынка труда и профессий под влиянием искусственного интеллекта.....	38

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гостенина В.И., Лифанова Т.Е., Райц В.Е.</i> Социологическое исследование молодежных субкультур как социально-культурного феномена	47
<i>Епремян Т.В., Коваленко К.Г., Сычева Е.Ю.</i> Социологическое исследование системы подготовки профессиональных кадров для социальных служб	62
<i>Мамедов А.К.</i> Социокультурный дискурс власти: интерпретация и генезис	72
<i>Мельников С.Л., Ерохов М.В., Потураев Д.С.</i> Управленческие интенции публичной сферы: дискурс-анализ политического имиджа	84
<i>Михалко Н.Н.</i> Институты гражданского общества в регионе: анализ деятельности общественной палаты Вологодской области.....	95
<i>Савченко И.А., Галкина А.А.</i> Формирование корпоративной культуры в органах государственной власти.....	105
<i>Шилина С.А., Кыштымова А.А., Петрушин А.В., Шилин А.М.</i> Трансформация контента и формата управления комплексным центром обслуживания населения в Брянской области.....	112

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Быков Д.И.</i> Принцип добросовестности и злоупотребление правом: теоретические и практические аспекты.....	124
<i>Иванин А.А., Тяпина Д.А.</i> Соотношение публичных и частных интересов в вопросах установления земельных сервитутов	130
<i>Мальцева Я.В.</i> Охрана прав участников уголовного процесса при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения: теоретико-правовой анализ	138

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Mityuchenko L.S., Panin A.E.</i> Organizational and structural content of enterprise intellectual property management using the example of an OOO "NPP "Tsifral"	9
<i>Stepanova T.A., Molokanova A.S.</i> Unemployment: current state and development prospects	16
<i>Proskuryakova E.A., Kuprijanova D.M., Voropaeva D.M.</i> Analysis of youth policy of Russian railways	22
<i>Rozhkov E.V.</i> Innovative development of digital platforms: new approaches and current research	29
<i>Shagabutinova L.M.</i> Transformation of the labor market and professions under the influence of artificial intelligence	38

SOCIOLOGY

<i>Gostenina V.I., Lifanova T. E., Raits V.E.</i> Sociological study of youth subcultures as a socio-cultural phenomenon	47
<i>Yepremyan T.V., Kovalenko K.G., Sycheva E.Yu.</i> Sociological research of the system of training professional personnel for social services.....	62
<i>Mamedov A.K.</i> Sociocultural discourse of power: interpretation and genesis	72
<i>Melnikov S.L., Erokhov M.V., Poturaev D.S.</i> Managerial intentions of the public sphere: discourse analysis of the political image.....	84
<i>Mikhalko N.N.</i> Civil society institutions in the region: an analysis of the activities of the Vologda oblast civic chamber.....	95
<i>Savchenko I.A., Galkina A.A.</i> Formation of corporate culture in government authorities.....	105
<i>Shilina S.A., Kyshtymova A.A., Petrushin A.V., Shilin A.M.</i> Transformation of the content and management format of a comprehensive public service center in the Bryansk region.....	112

LAW

<i>Bykov D.I.</i> The principle of good faith and abuse of law in civil law: theoretical and practical aspects	124
<i>Ivanin A.A., Tyapina D.A.</i> The relationship between public and private interests in the establishment of land easements	130
<i>Maltseva Ya.V.</i> Protection of the rights of participants in criminal proceedings when applying other measures of criminal procedural coercion: theoretical and legal analysis	138

ЭКОНОМИКА

УДК 347.788.5

ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ПРИМЕРЕ
ООО «НПП «ЦИФРАЛ»

Митюченко Л.С., Панин А.Е.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

На современном этапе развития международной торговли, необходим качественный контроль и защита прав на объекты интеллектуальной собственности. В современную эпоху, когда инновации и знания становятся основными драйверами экономического роста, интеллектуальная собственность играет центральную роль. Цель статьи заключается в анализе методологии управления интеллектуальной собственностью, эффективного использования инновационного потенциала и инфраструктурного обеспечения рынка ИС в условиях инновационной экономики.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, патентные исследования, инновационная экономика, патент, конструкторская документация.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-09-15

Оптимальное управление результатами интеллектуальной деятельности (РИД) требует комплексного подхода, охватывающего все стадии их жизненного цикла – от генерации идеи до коммерческой реализации. В случае создания РИД в процессе плановой научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности организации наблюдается их высокая степень соответствия следующим ключевым параметрам:

- ~ стратегическим направлениям развития организации;
- ~ имеющемуся научно-техническому и производственному потенциалу;
- ~ актуальным потребностям целевых сегментов рынка.

Как показывают исследования, такие результаты интеллектуальной деятельности демонстрируют повышенную адаптивность к процессам внедрения в производимую организацией продукцию или технологические процессы. Данная характеристика создает предпосылки для их успешной коммерциализации, что визуализировано на рисунке 1, отражающем взаимосвязь между этапами создания РИД и показателями их рыночной эффективности [2].

Особое значение приобретает системный характер управления, обеспечивающий синергию между научно-техническим потенциалом организации и рыночными механизмами реализации создаваемых объектов интеллектуальной собственности.

Системное планирование результатов интеллектуальной деятельности (РИД) является характерной чертой организаций, специализирующихся на разработке новых продуктов и технологий. К числу таких организаций относятся научно-исследовательские институты, университеты, научные центры, а также научно-производственные предприятия, сочетающие исследовательскую деятельность с промышленным выпуском продукции. В отличие от крупных структур, малые предприятия чаще сталкиваются со стихийным возникновением РИД, не подкрепленным стратегическим планированием. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) могут осуществляться как в рамках контрактных обязательств перед государственными или коммерческими заказчиками, так и по инициативе самой организации. В обоих случаях ожидается создание патентоспособных решений, что особенно актуально для сфер с высокой конкуренцией, таких как оборонная промышленность. Например, Министерство обороны РФ нередко включает в контракты условия, требующие разработки изобретений или полезных моделей. Получение патента в данном случае выступает не только инструментом правовой защиты, но и подтверждением новизны, промышленной применимости и изобретательского уровня продукта [4].

Рисунок 1 - Схема управления результатом интеллектуальной деятельности [3]

Таким образом, патентование играет ключевую роль не только для коммерческих предприятий, стремящихся к защите своих разработок, но и для научных учреждений, заинтересованных в коммерциализации РИД. Уже на этапе планирования НИОКР определяются ключевые характеристики ожидаемых результатов:

- 1) тип изделия (устройство, метод, вещество, программный алгоритм и т. д.);
- 2) категория объекта интеллектуальной собственности (изобретение, промышленный образец, программа для ЭВМ, топология интегральной микросхемы);
- 3) функциональное назначение и область применения.

Неотъемлемой частью предпроектной стадии являются патентные исследования, направленные на анализ существующих аналогов и выявление патентных лакун. Это позволяет избежать дублирования уже запатентованных решений, а также определить перспективные направления разработки [37]. В случае инициативных НИОКР патентный поиск помогает оценить рыночные перспективы проекта, уровень конкуренции и степень патентной защиты аналогичных продуктов [5].

Несмотря на важность планирования, во многих организациях управление интеллектуальной собственностью начинается лишь после создания РИД, что приводит к упущенным возможностям. Для минимизации таких рисков ГОСТ 34886-2022 обязывает сотрудников уведомлять работодателя о создании служебных изобретений. Однако на практике патентоведы нередко самостоятельно выявляют патентоспособные решения в технической документации, используя следующий алгоритм:

- 1) анализ конструкторской и технической документации;
- 2) сравнительная оценка патентоспособности на основе выявления новых технических решений;
- 3) формирование описания объекта с указанием его функциональных особенностей;
- 4) проведение патентного поиска для определения аналогов;
- 5) сопоставление признаков объекта с ближайшим аналогом;
- 6) верификация данных с разработчиками;
- 7) выявление уникальных признаков, подтверждающих новизну.

Критерии патентоспособности включают новизну, промышленную применимость и изобретательский уровень. Новизна устанавливается путем выявления отличительных признаков, промышленная применимость подтверждается созданием опытного образца, а изобретательский уровень оценивается на основе достижения нового технического результата.

Для стимулирования инновационной активности Р. Купер предложил ряд методов, включая проведение внутренних конкурсов идей, участие сотрудников в профильных мероприятиях, взаимодействие с потенциальными потребителями и междисциплинарное обсуждение проектов. В российской практике ключевыми источниками информации о РИД остаются уведомления разработчиков и анализ технической документации патентными службами.

Дополнительным инструментом управления интеллектуальной собственностью является инвентаризация, позволяющая выявить неучтенные объекты, созданные в прошлом. После идентификации РИД организация осуществляет их учет в реестрах (включая форму 4-НТ Росстата), бухгалтерский учет в качестве нематериальных активов и внедрение в производственные процессы [6].

Крупные предприятия активно используют специализированные программные решения для автоматизации управления патентами и другими объектами интеллектуальной собственности. При этом оценка стоимости РИД варьируется в зависимости от применяемых стандартов и целей (налогообложение, коммерциализация, судебные споры). Таким образом, эффективное управление интеллектуальной собственностью требует комплексного подхода, охватывающего все этапы – от генерации идеи до коммерческого использования [4, 8].

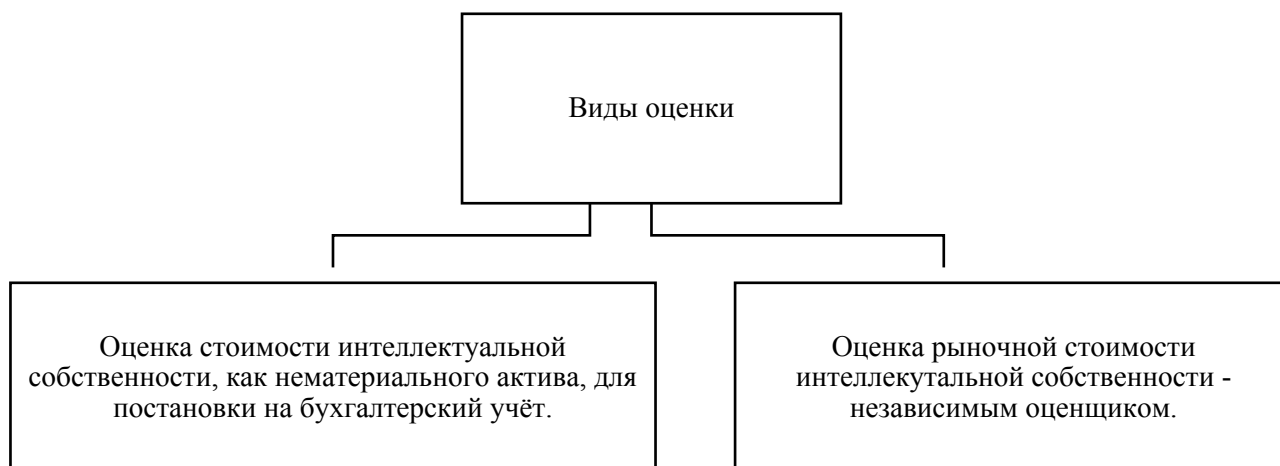

Рисунок 2 – Виды оценки интеллектуальной собственности [6]

В международной практике оценка объектов интеллектуальной собственности преимущественно осуществляется в целях бизнес-планирования, привлечения инвестиционного капитала и стимулирования инновационной деятельности. В отличие от зарубежного подхода, в Российской Федерации подобные оценочные процедуры чаще иницируются по распоряжению вышестоящих органов управления. Следует отметить, что в последнее время в нормативно-правовое поле был введен существенный регуляторный элемент - исключительное право на проведение оценки интеллектуальной собственности было закреплено за независимыми оценщиками, прошедшими государственную аккредитацию и не состоящими в трудовых отношениях с организацией, имущество которой подлежит оценке.

Эмпирические данные свидетельствуют, что в Санкт-Петербурге рыночная стоимость услуг по оценке единичного объекта интеллектуальной собственности варьируется в диапазоне от 50 до 100 тысяч рублей. Примечательно, что данное нормативное требование не распространяется на процедуры оценки нематериальных активов, осуществляемые исключительно для целей их постановки на бухгалтерский учет предприятия [7].

В качестве объекта оценки может выступать как отдельный объект интеллектуальной собственности, так и комплекс взаимосвязанных объектов, объединенных функциональным или технологическим единством. Типичным примером последнего случая могут служить различные модификации одного товарного знака, разработанные для использования в разных

товарных категориях или географических рынках. Такой подход позволяет учитывать синергетический эффект от использования связанных объектов интеллектуальной собственности, что особенно важно при их коммерциализации или включении в уставный капитал предприятий.

Признание объекта интеллектуальной собственности в качестве нематериального актива в бухгалтерском учете требует соблюдения ряда обязательных условий. Прежде всего, объект должен обладать способностью приносить организации экономические выгоды в будущем, что на практике чаще всего выражается в его использовании в производственном процессе. Наряду с этим, организация должна обладать документально подтвержденными правами на данный объект, что может быть удостоверено патентами, свидетельствами или договорами об отчуждении исключительных прав.

Таблица 1 - Сравнительная характеристика видов оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности [5]

Критерий сравнения	Оценка ИС как нематериального актива	Оценка рыночной стоимости ИС
Цель оценки	Управление ИС внутри организации для повышения стоимости нематериальных активов	Внешнее сотрудничество: лицензионные договоры, сделки купли-продажи, инвентаризационные отчеты
Методология оценки	Применение одного из двух методов (в зависимости от характера затрат)	Последовательное применение трех различных методов
Исполнитель оценки	Специализированное подразделение по управлению ИС в организации	Независимые аккредитованные оценщики или оценочные агентства
Сфера применения	Внутрикорпоративное управление активами	Внешние операции и рыночные сделки
Нормативные требования	Регулируется внутренними стандартами компании	Подчиняется государственным и международным стандартам оценки
Значимость результатов	Управленческие решения	Юридические и финансовые последствия

Не менее важным критерием является возможность однозначной идентификации объекта и его отделения от других активов предприятия. Кроме того, предполагаемый срок полезного использования такого актива должен превышать 12 месяцев без планов его реализации в течение этого периода [8].

Первоначальная стоимость нематериального актива определяется на дату его принятия к учету, при этом существует два принципиально различных подхода к оценке. Первый подход ограничивается учетом только прямых затрат на правовую защиту объекта, включая патентные пошлины, услуги патентных поверенных и выплаты вознаграждений авторам, что обычно приводит к относительно невысокой оценке в пределах 10-30 тысяч рублей. Второй подход предполагает более комплексный учет всех затрат, связанных с созданием объекта, в том числе расходов на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, разработку опытного образца, приобретение необходимого оборудования и материалов, а также заработную плату разработчиков, что может увеличить оценку стоимости до нескольких миллионов рублей [9].

В отличие от оценки для целей бухгалтерского учета, определение рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности требует применения профессиональных оценочных методик. В российской практике общепризнанными являются три основных метода оценки: затратный, сравнительный и доходный. Для обеспечения достоверности результатов рекомендуется комплексное применение всех трех методов с последующим сопоставлением полученных значений. Следует учитывать, что ввиду уникальности каждого объекта интеллектуальной собственности и динамичности рыночных условий, срок действия отчета об оценке обычно ограничивается шестью месяцами.

Для проведения качественной оценки необходимо тщательное описание объекта и сбор исчерпывающей информации, включая анализ его правового статуса, технических характеристик, рыночного потенциала и экономических параметров использования. Особое

значение имеет учет отраслевой специфики, в частности, применяемых в различных секторах промышленности коэффициентов рентабельности и ставок роялти [10].

После правового оформления интеллектуальной собственности важнейшей задачей становится защита исключительных прав от нарушений. Крупные организации с развитыми службами управления интеллектуальной собственностью регулярно осуществляют мониторинг рынка для выявления случаев незаконного использования своих разработок. При обнаружении контрафактной продукции правообладатель вправе обратиться в суд с требованием о прекращении нарушения и выплате компенсации, размер которой может определяться либо в размере фактически понесенных убытков, либо в двукратном размере стоимости правомерного использования аналогичной продукции. В случаях причинения значительного ущерба возможно привлечение нарушителей к уголовной ответственности [11].

Таким образом, эффективное управление интеллектуальной собственностью требует комплексного подхода, сочетающего корректный бухгалтерский учет, регулярную профессиональную оценку стоимости активов и надежную систему защиты прав, что в совокупности позволяет максимально реализовать экономический потенциал нематериальных активов организации.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024). - Режим доступа : свободный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Федеральный закон от 21 июля 2012 года № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.». - Режим доступа : свободный. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132905/
3. Котенева, О.Е. Методы управления интеллектуальной собственностью.: учебно-методическое пособие / О.Е. Котенева, А.С. Николаев. - СПб.: Университет ИТМО, 2020. - 108 с.
4. Шведов, В.Г. Основные пути совершенствования в области защиты прав на интеллектуальную собственность / В.Г. Шведов, Е.В. Стельмах, С.А. Соловченков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2016. - Том 6. № 10А. - С. 106-116.
5. Актуальные вопросы международного оборота объектов интеллектуальной собственности в аспекте таможенного регулирования. - Режим доступа : свободный. – URL : <https://video.tpprf.ru/broadcast/news/3307/?ysclid=me9v3rj6ft859137442>
6. Вавилов, Д. В. Управление интеллектуальной собственностью: проблемы практического использования РИД при выполнении работ по государственному заказу / Д. В. Вавилов, М. Н. Киселев // Проблемы развития корабельного вооружения и судового радиоэлектронного оборудования. – 2018. – № 1(14). – С. 4-7.
7. Коровкина, Н. И. Управление интеллектуальной собственностью промышленного предприятия / Н. И. Коровкина, Е. Б. Чачина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 1-1. – С. 70-75.
8. Мухопад, В. И. Управление интеллектуальной собственностью в России: проблемы и пути их решения / В. И. Мухопад // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. – № 2. – С. 2-13.
9. Ильина, И. Е. Научный потенциал и управление интеллектуальной собственностью в регионах России: модели и стратегические ориентиры / И. Е. Ильина, В. В. Медведев, И. Н. Васильева // Управление наукой и наукометрия. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 170-201. – DOI 10.33873/2686-6706.2023.18-2.170-201
9. Мухопад, В. И. Формальное и реальное управление интеллектуальной собственностью в России / В. И. Мухопад // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2024. – № 1. – С. 72-77.

10. Дюсембинов, С. Ж. Стратегическое управление интеллектуальной собственностью / С. Ж. Дюсембинов // Актуальные исследования. – 2024. – № 23-2(205). – С. 33-39.
11. Сапарова, О. Д. Управление интеллектуальной собственностью как стратегия / О. Д. Сапарова, Д. Аннагулиев, О. Артыков // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 12(81). – С. 353-357.

Сведения об авторах

Митюченко Людмила Сергеевна - доцент кафедры экономики и управления, кандидат экономических наук. Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lmityuchenko@mail.ru

Панин Александр Евгеньевич - магистрант 2 курса направления подготовки 38.04.01 Экономика направленность (профиль) Цифровая экономика и региональное управление Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: kaifmankill@yandex.ru

UDC 347.788.5

ORGANIZATIONAL AND STRUCTURAL CONTENT OF ENTERPRISE INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT USING THE EXAMPLE OF AN OOO "NPP "TSIFRAL"

Mityuchenko L.S., Panin A.E.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

At the current stage of development of international trade, high-quality control and protection of rights to intellectual property objects is necessary. In the modern era, when innovations and knowledge are becoming the main drivers of economic growth, intellectual property (hereinafter referred to as IP) plays a central role. The purpose of the article is to analyze the methodology of intellectual property management, effective use of innovative potential and infrastructure support of the IP market in the context of an innovative economy.

Keywords: intellectual property, patent research, innovative economy, patent, design documentation.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated 11/30/1994 (as amended on 10/31/2024). - Access mode: free. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Federal Law No. 126-FZ of July 21, 2012 "on Ratification of the Protocol on the Accession of the Russian Federation to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of April 15, 1994." - Access mode: free. - URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132905/
3. Koteneva, O.E. Methods of intellectual property management.: an educational and methodical manual / O. N.E. Koteneva, A. N.S. Nikolaev. St. Petersburg, ITMO University, 2020, 108 p.
4. Shvedova, V. N.G. The main ways of improvement in the field of intellectual property rights protection / V. N.G. Shvedova, E.V. Stelmakh, S.A. Solovchenkov // Economics: yesterday, today, tomorrow. - 2016. - Vol. 6. No. 10a. -pp. 106-116.
5. Current issues of international turnover of intellectual property objects in the aspect of customs regulation. - Access mode: free. - URL : <https://video.tpprf.ru/broadcast/news/3307/?ysclid=me9v3rj6ft859137442>
6. Vavilov, N. V. Intellectual property management: problems of practical application of RID in the performance of work on a state order / D. V. Vavilov, N. N. Kiselyov // Problems of development of ship armament and ship radio-electronic equipment. – 2018. – № 1(14). - Pp. 4-7.
7. Korovkina, N. I. Management of intellectual property of an industrial enterprise / N. I. Korovkina, E. P. Chachina // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2019. No. 1-1. pp. 70-75.

8. Mukhopad, V. I. Intellectual property management in Russia: problems and ways to solve them / V. I. Mukhopad // Patents and Licenses. Intellectual property rights. – 2023. – No. 2. -pp. 2-13.
9. Ilina, Named after E. Scientific potential and intellectual property management in the regions of Russia: models and strategic guidelines / I. E. Ilina, V. N. V. Medvedeva, Named after N. Vasiliev // Science of Management and scientometry. – 2023. - Issue 18, No. 2. -pp. 170-201. – DOI 10.33873/2686-6706.2023.18-2.170-201
9. Mukhopad, V. I. Formal and real management of intellectual property in Russia / V. I. Mukhopad // Patents and licenses. Intellectual property rights. - 2024. – No. 1. -pp. 72-77.
10. Dyusembinov, S. N. Zh. Strategic management of intellectual property / S. N. Zh. Dyusembinov // Current research. – 2024. – № 23-2(205). - Pp. 33-39.
11. Saparova, N. D. Intellectual property management as a strategy / O. N. Saparova, D. N. Annaguliev, O. Artykov // Bulletin of Science. - 2024. - Issue. 2, № 12(81). - Pp. 353-357.

Author's information

Mityuchenko Lyudmila Sergeevna - Associate Professor of the Department of Economics and Management, Candidate of Economic Sciences, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: lmityuchenko@mail.ru

Panin Alexander Evgenievich - 2nd year master's student of the direction of study 38.04.01 Economics orientation (profile) Digital economy and regional Management of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: kaifmankill@yandex.ru

УДК 331.35

БЕЗРАБОТИЦА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Степанова Т.А., Молоканова А.С.

Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I

В данной статье рассматривается современное состояние безработицы РФ и перспективы её развития в условиях современной экономики. Объектом исследования выступают причины и последствия безработицы на уровне страны. Значимость исследования обусловлена влиянием безработицы на социально-экономическую устойчивость и уровень жизни населения. Для анализа использованы методы статистики, сравнительного анализа и прогнозирования. По итогам работы определены основные факторы, формирующие динамику безработицы, а также предложены рекомендации по её снижению и адаптации рынка труда к изменяющимся экономическим условиям.

Ключевые слова: безработица, уровень рождаемости, уровень смертности, статистические данные, трудоспособное население.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-16-21

Безработица — это социально-экономическое явление, при котором часть трудоспособного населения, желающая и способная работать, не может найти подходящую работу в течение определённого времени, несмотря на активные попытки трудоустройства. Это состояние отражает несоответствие между спросом на рабочую силу и её предложением на рынке труда, а также характеризуется не только отсутствием занятости, но и потерей возможности реализовать профессиональные навыки и потенциал человека. В современном контексте безработица выступает индикатором структурных изменений в экономике, влияния технологических трансформаций и социальных факторов, требующих комплексного анализа для выработки эффективных мер регулирования и поддержки.

Безработица остается одной из ключевых социальных и экономических проблем современного общества, оказывая существенное влияние на качество жизни населения и стабильность экономической системы. В настоящее время наблюдается сложная динамика безработицы, обусловленная как глобальными экономическими процессами, так и внутренними факторами, такими как структурные изменения в промышленности, технологический прогресс и трансформация рынка труда. Особое внимание уделяется не только количественным показателям безработицы, но и её качественным характеристикам — длительности, возрастной и профессиональной структуре безработных.

Уровень безработицы является процентным показателем, характеризующим долю экономически активного населения (рабочей силы) определенной возрастной группы, не имеющего работы, но активно ее ищущего. Одной из основных проблем безработицы является как раз таки социальная нестабильность и снижение уровня жизни населения, то есть потеря работы повлечет за собой снижение доходов и вследствие чего – невозможность обеспечить базовые потребности семьи, ухудшение психологического состояния и рост социального напряжения [1].

Безработица в России имеет комплексный характер и обусловлена следующими факторами:

- структурные изменения в экономике: сокращение традиционных отраслей (например, угледобыча, металлургия) и рост новых секторов (ИТ, услуги);
- технологические сдвиги: автоматизация и цифровизация сокращают потребность в низкоквалифицированном труде;
- несовершенство системы образования и квалификации кадров;
- географическая и социальная мобильность населения;
- временные экономические кризисы и внешнеполитические факторы.

Виды безработицы, актуальные для России: фрикционная (связанная с поиском новой

работы), структурная, циклическая и сезонная.

Для повышения репрезентативности данных по субъектам Российской Федерации месячные данные обследования были сформированы в среднем за три месяца на основе трех последовательных выборок. Годовые данные, в свою очередь, составлены в среднем за двенадцать месяцев на основе двенадцати последовательных выборок (табл. 1).

Таблица 1 - Статистические данные уровня безработицы РФ

Год	Уровень безработицы по РФ, %
2012	5,5
2013	5,5
2014	5,2
2015	5,6
2016	5,5
2017	5,2
2018	4,8
2019	4,6
2020	5,8
2021	4,8
2022	3,9
2023	3,2
2024	2,5

На основании данных таблицы 1, сделаем выравнивание в ППП Excel. Составим таблицу с фактическими значениями уровня безработицы с 2012 по 2024 и сделаем прогноз на 3 года вперед. Далее строим линейную диаграмму на основании данных по безработице. Вводим название графика «Уровень безработицы по РФ, %». Добавляем на графике линию тренда, выбираем необходимые функции. Получаем уравнения прямой, параболу, степенную и экспоненциальную функцию, а также коэффициент детерминации и рассчитываем по каждому уравнению значения с 2012 по 2027 год. По итогу вычислений у нас получается график выравнивания (рис. 1).

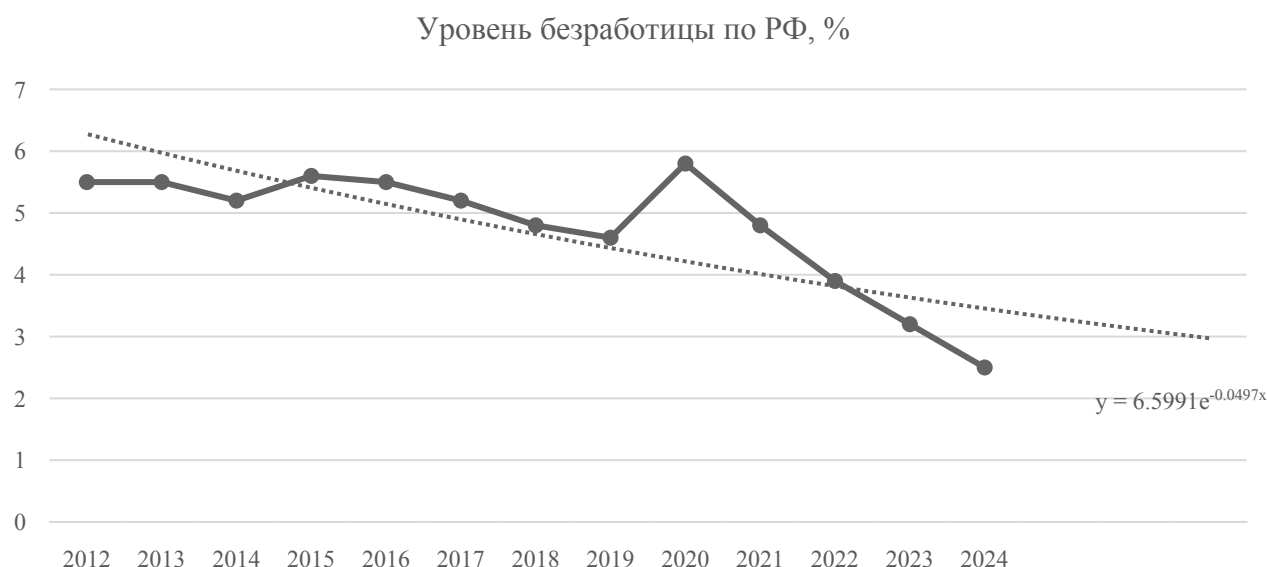

Рисунок 1 - Уровень безработицы в РФ

Исходя из графика, наиболее точно описывает сложившуюся тенденцию по уровню безработицы РФ уравнение $y = -0,0348x^2 + 0,2836x + 4,9853$. Это обусловлено тем, что для данного уравнения коэффициент детерминации (R^2) является наибольшим и составляет 0,824[3]. Чем ближе R^2 к 1, тем лучше уравнение описывает зависимость между

переменными. В данном случае, квадратичное уравнение лучше всего отражает нелинейный характер изменения уровня безработицы, учитывая как период относительно стабильных значений, так и последующее снижение.

Выравнивание данных об уровне безработицы осуществлялось для выявления основной тенденции в динамике этого показателя, сводя к минимуму влияние случайных колебаний и краткосрочных всплесков, таких как пик в 2020 году. Это дало возможность получить более ясное представление о долгосрочном тренде и использовать его для построения прогнозов на будущее. Если игнорировать резкий скачок в 2020 году, в целом наблюдается тенденция к снижению уровня безработицы в России за последнее десятилетие. С 5,2% в 2014 году до 2,5% в 2024 году – это значительное сокращение.

В периоды экономического роста создаются новые рабочие места, что содействует снижению безработицы. Например, реализация крупных инфраструктурных планов может требовать значительного количества рабочей силы.

Сокращение количества трудоспособного населения может приводить к снижению безработицы, даже если количество рабочих мест не меняется.

Внедрение свежих технологий и автоматизация производства могут приводить к сокращению рабочих мест в определенных отраслях, но при этом создавать новые возможности в других сферах.

При условии длительного периода безработицы возможна утрата профессиональных навыков работника, из-за этого в будущем ему будет еще труднее устроиться на подходящую ему работу. Увеличивается и нагрузка на бюджет государства, так как оно вынуждено направлять довольно значительные средства на выплаты пособий по безработице, а также проводить программы переобучения и стимулировать занятость, что снижает возможности инвестиций в развитие экономики [2].

В течение последнего десятилетия уровень безработицы в России подвергался воздействию различных экономических, демографических, технологических и политических факторов. В общем, наблюдается тенденция к снижению безработицы, но внешние шоки, такие как пандемия и санкции, могут значительно повлиять на рынок труда. Эффективное управление этими факторами, адаптация к новым технологиям и грамотная государственная политика в сфере занятости будут ключевыми аспектами для поддержания низкого уровня безработицы в будущем.

Высокий уровень безработицы ведет к снижению доходов населения, росту социальной напряженности и ухудшению демографической ситуации. Длительная безработица снижает квалификацию работников и их конкурентоспособность на рынке труда. Социальные расходы государства на поддержку безработных возрастают, что оказывает давление на бюджет.

Чтобы лучше понять влияние демографических факторов, обратимся к статистическим данным о рождаемости и смертности РФ (рис. 2).

Таблица 2 - Уровень рождаемости и смертности в РФ

Год	Рождаемость по РФ, %	Смертность по РФ, %
2012	13,3	13,3
2013	13,2	13,0
2014	13,3	13,0
2015	13,3	13,1
2016	12,9	12,9
2017	11,5	12,4
2018	10,9	12,5
2019	10,1	12,3
2020	9,8	14,6
2021	9,6	16,8
2022	8,9	13,0
2023	8,7	12,0
2024	8,4	12,5

Данные о рождаемости и смертности напрямую влияют на демографическую ситуацию в стране, что в свою очередь оказывает влияние на рынок труда и уровень безработицы.

В периоды заметного роста смертности, как это наблюдалось в 2020-2021 годах, часть трудоспособного населения выходит из рабочей силы, что может привести к снижению уровня безработицы (поскольку количество людей, ищущих работу, уменьшается).

Длительное снижение рождаемости (как это наблюдается в данных с 2012 по 2024 год) и повышенная смертность (особенно в трудоспособном возрасте) приводят к сокращению численности трудоспособного населения в будущем. Это может создать дефицит рабочей силы, особенно квалифицированных кадров, что затруднит экономический рост.

Резкий рост смертности с 2020 по 2021 мог, с одной стороны, может снизить безработицу за счет сокращения трудоспособного населения, но с другой стороны, вызвать экономический спад из-за потери человеческого капитала и снижения потребительского спроса.

В условиях ускоренной цифровизации экономики и трансформации рынка труда безработица будет испытывать качественные изменения. Ожидается рост спроса на специалистов в IT-сфере, здравоохранении, образовании и экологических технологиях. Однако без адаптации системы образования и программ профессиональной переподготовки часть населения рискует оказаться вне рынка труда.

Современные тенденции демонстрируют рост значимости гибких форм занятости, что влечет за собой трансформацию традиционного понимания безработицы и требует новых подходов к её учету и анализу. В условиях цифровизации экономики и автоматизации производства меняется спрос на квалификации работников, что усиливает проблему несоответствия между навыками трудящихся и требованиями работодателей. Это создает дополнительные вызовы для системы профессионального образования и переподготовки кадров.

На основе анализа данных об уровне безработицы в Российской Федерации с 2012 по 2024 год, а также информации о рождаемости и смертности, можно заключить о сложной и взаимосвязанной динамике демографических и социально-экономических процессов. Снижение уровня безработицы, наблюдаемое в последние годы, нельзя объяснить исключительно экономическим ростом; оно также связано с демографическими факторами, такими как уменьшение численности трудоспособного населения. Кроме того, необходимо учитывать, что такие внешние шоки, как пандемия COVID-19, значительно влияют на рынок труда, приводя к кратковременным, но заметным колебаниям уровня безработицы. Для поддержания низкого уровня безработицы в дальнейшем важно учесть эти факторы при формировании государственной политики в области занятости и образования, а также активно способствовать экономическому росту и созданию новых рабочих мест, особенно в потенциально выгодных секторах экономики.

По данным Росстата на начало 2025 года уровень зарегистрированной безработицы в России составил около 4,8%, что ниже, чем в 2020–2021 годах, когда пандемия COVID-19 вызвала резкий рост числа безработных. Тем не менее, скрытая безработица и недостаточная занятость остаются значительной проблемой. В регионах с монопрофильной экономикой (например, в некоторых северных и сельских районах) уровень безработицы традиционно выше среднего по стране.

Особое внимание стоит уделить молодежной безработице — среди лиц в возрасте 15–24 лет уровень безработицы превышает 10%, что связано с недостатком опыта, несовершенством системы профессионального образования и несоответствием навыков требованиям рынка труда.

Пандемия COVID-19 показала важность гибких форм занятости и удаленной работы, что требует развития соответствующей инфраструктуры и законодательного регулирования.

Примеры безработицы по России:

1. Рост безработицы среди IT-специалистов в регионах с недостаточным развитием

инфраструктуры. В последние годы в России наблюдается парадоксальная ситуация: несмотря на общий рост спроса на IT-услуги, в ряде отдалённых регионов страны уровень безработицы среди IT-специалистов заметно вырос. Это связано с тем, что недостаточное развитие цифровой инфраструктуры и слабая поддержка стартапов не позволяют полноценно использовать потенциал квалифицированных кадров. В таких регионах выпускники технических вузов зачастую вынуждены либо переезжать в крупные города, либо оставаться без работы.

2. Безработица среди женщин 40+ в условиях цифровой трансформации. Современная цифровизация экономики России создаёт новые вызовы для рынка труда, особенно для женщин старше 40 лет. Многие из них имеют богатый опыт в традиционных сферах, но испытывают сложности с адаптацией к новым цифровым инструментам и требованиям работодателей. В результате растёт сегмент скрытой безработицы среди этой категории, что требует разработки специальных программ переквалификации и поддержки.

3. Влияние сезонных факторов на безработицу в сельской местности. В сельской местности России безработица носит ярко выраженный сезонный характер. Например, в весенне-летний период наблюдается значительный спад безработицы благодаря сельскохозяйственным работам, тогда как в осенне-зимний период уровень безработицы резко возрастает. В связи с этим в некоторых регионах внедряются программы по развитию альтернативных видов занятости в несельскохозяйственном секторе, что уже показывает положительные результаты.

4. Новые формы занятости и их влияние на традиционную статистику безработицы. С распространением удалённой работы и фриланса в России появилась новая категория занятых, которая не всегда корректно отражается в официальной статистике. Многие фрилансеры и самозанятые не считаются безработными, хотя их доходы нестабильны и не всегда обеспечивают полноценное социальное обеспечение. Это создаёт необходимость пересмотра методологии подсчёта безработицы и формирования более гибких мер поддержки.

5. Влияние демографического старения на рынок труда и безработицу. Демографическое старение населения России в ближайшие годы окажет значительное влияние на структуру рынка труда. Сокращение численности молодёжи приведёт к дефициту молодых специалистов, что одновременно снизит уровень безработицы среди молодёжи, но создаст проблемы с восполнением квалифицированных кадров в отдельных отраслях. Это требует переосмысления политики занятости и усиления программ переподготовки для старшего поколения.

Рекомендации по снижению уровня безработицы:

- развитие системы профессионального образования и программ переподготовки с акцентом на цифровые и «зеленые» профессии;
- поддержка малого и среднего предпринимательства через налоговые льготы и упрощение административных процедур;
- стимулирование создания рабочих мест в регионах с высоким уровнем безработицы;
- развитие программ социальной поддержки и активной занятости (ярмарки вакансий, консультации, тренинги);
- внедрение механизмов гибкой занятости и дистанционной работы;
- улучшение мониторинга рынка труда и прогнозирования потребностей в кадрах.

Безработица в России остается важной проблемой, требующей комплексного и системного подхода. Анализ её современного состояния показывает необходимость адаптации экономической политики к новым реалиям цифровой экономики и глобальных вызовов. Перспективное развитие рынка труда возможно при условии активного взаимодействия государства, бизнеса и образовательных институтов, что позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Список использованных источников

1. Измайлова Л.Н. Безработица: современное состояние и перспективы развития / Л.Н. Измайлова, И.Е. Жульева // Финансовый вестник. 2022. № 2 (57). С. 66 - 73.
2. Степанова Т.А. Демографические вопросы в аграрном секторе Российской Федерации / Т.А. Степанова, А.В. Воронина // Экономическое прогнозирование: модели и методы: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Воронеж, 14-15 марта 2023 года / Под общей ред. И.Н. Щепиной. Воронеж: Издательство "Истоки", 2023. С. 205 - 207.
3. Хаустова Г.И. Статистика с основами социально-экономической статистики: учебное пособие / Г.И. Хаустова, Е.Б. Панина, Т.А. Степанова. - Воронеж: изд-во ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2020. - 159 с.

Сведения об авторах

Степанова Татьяна Александровна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа, статистики и прикладной математики Воронежского государственного аграрного университета им. Императора Петра I. E-mail: farmacon2009@yandex.ru

Молоканова Анастасия Сергеевна - студент 2 курса экономического факультета (экономическая безопасность) Воронежского государственного аграрного университета им. Императора Петра I. E-mail: nastyha204@mail.ru

UDC 331.35

UNEMPLOYMENT: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Stepanova T.A., Molokanova A.S.

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh

This article examines the current state of unemployment in the Russian Federation and the prospects for its development in a modern economy. The object of the study is the causes and consequences of unemployment at the national level. The significance of the study is due to the impact of unemployment on socio-economic stability and the standard of living of the population. Methods of statistics, comparative analysis and forecasting are used for the analysis. Based on the results of the work, the main factors shaping the dynamics of unemployment were identified, as well as recommendations for reducing it and adapting the labor market to changing economic conditions.

Key words: unemployment, birth rate, death rate, statistical data, able-bodied population.

References

1. Izmailova L.N. Unemployment: current state and development prospects / L.N. Izmailova, I.E. Zhulieva // Financial Bulletin. 2022. No. 2 (57). pp. 66-73.
2. Stepanova T.A. Demographic issues in the agricultural sector of the Russian Federation / T.A. Stepanova, A.V. Voronina // Economic forecasting: models and methods: Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Voronezh, March 14-15, 2023 / Under the general editorship of I.N. Shchepina. Voronezh: Istoki Publishing House, 2023. pp. 205-207.
3. Khaustova G.I. Statistics with the basics of socio-economic statistics: a textbook / G.I. Khaustova, E.B. Panina, T.A. Stepanova. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State Agrarian University, 2020, 159 p.

Author's information

Stepanova Tatiana Alexandrovna - PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Analysis, Statistics and Applied Mathematics, Voronezh State Agrarian University. Of Emperor Peter I. E-mail: farmacon2009@yandex.ru

Molokanova Anastasia Sergeevna - 2nd year student of the Faculty of Economics (Economic Security) Voronezh State Agrarian University named after Of Emperor Peter I. E-mail: nastyha204@mail.ru

УДК 338.2

АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ОАО «РЖД»

Проскурякова Е.А., Куприянова Д.М., Воропаева Д.М.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург

Цель статьи: анализ молодежной политики ОАО «РЖД» и разработка рекомендаций по повышению ее привлекательности для поколения Z. Предмет исследования: молодежная политика ОАО «РЖД». Актуальность темы обусловлена необходимостью привлечения молодых кадров в компанию. Методы исследования: анализ, синтез, классификация, систематизация, инструменты статистической обработки данных. Результаты: выявлены проблемы привлечения и удержания молодежи в компании; предложены рекомендации по повышению привлекательности ОАО «РЖД» как работодателя для поколения Z.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, ОАО «РЖД», поколение Z, Целевая программа «Молодежь ОАО «РЖД».

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-22-28

Введение. Одним из ключевых факторов конкурентоспособности организации является качество ее трудовых ресурсов. Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») - одна из крупнейших транспортных компаний мира, в которой особое внимание уделяется работе с молодежью [2]. Для этого создана система, объединяющая профессиональное обучение, социальные гарантии и вовлечение сотрудников в решение ключевых задач компании. Основы молодежной политики ОАО «РЖД» заложены в следующих документах: Программа развития человеческого капитала ОАО «РЖД» на период до 2025 года и Целевая программа «Молодежь ОАО «РЖД» (2021 – 2025 гг.)» (Программа). Цель Программы - сформировать сообщество активных молодых специалистов, лояльных ценностям ОАО «РЖД», через поддержку карьерного роста, творческой реализации и участия в социально-производственной жизни.

Однако стратегии работы с молодежью требуют адаптации под ценности новых поколений [7]. Демографический спад и конкуренция с IT-сектором обостряют проблему: поколение Z выбирает гибкость и инновации, а не традиционную занятость. Несмотря на свои преимущества ОАО «РЖД» слабо использует цифровые каналы продвижения, что снижает привлекательность бренда для молодежи. Имидж работодателя в цифровую эпоху формируется через вовлечение в актуальные платформы [7], что ставит под вопрос эффективность текущей HR-стратегии компании.

Цель исследования: выполнить анализ молодежной политики ОАО «РЖД» и разработать рекомендации по повышению ее привлекательности для поколения Z. В соответствии с поставленной целью были сформулированы и решены следующие задачи:

- рассмотреть принципы молодежной политики ОАО «РЖД»;
- выявить проблемы привлечения и удержания молодежи в компании;
- выполнить анализ целевых параметров программы «Молодежь ОАО «РЖД» (2021-2025)»;
- предложить рекомендации по повышению привлекательности ОАО «РЖД» как работодателя для поколения Z.

Объект исследования: ОАО «РЖД».

Предмет исследования: молодежная политика ОАО «РЖД» как система стратегий, программ и инструментов, направленных на формирование кадрового резерва компании.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляют нормативно-правовые акты ОАО «РЖД» в области молодежной политики, официальные данные Федеральной службы государственной статистики, годовые отчеты компании, труды отечественных ученых по вопросам молодежной политики ОАО «РЖД».

В исследовании использовались методы анализа, синтеза, классификации, систематизации при рассмотрении вопросов, связанных с молодежной политикой ОАО «РЖД»; методы и инструменты статистической обработки данных при анализе Программы; табличный метод для наглядного представления данных.

Результаты

Реализация молодежной политики в ОАО «РЖД» базируется на многоуровневом подходе, который объединяет образовательные, социальные и организационные аспекты. Центральным элементом стратегии является модернизация системы подготовки кадров. Для этого компания активно развивает партнерские отношения с учебными заведениями, адаптируя учебные планы под актуальные запросы отрасли [6]. Это позволяет готовить специалистов, уже на этапе обучения знакомых со спецификой железнодорожного транспорта.

Важную роль играют адаптационные инструменты, такие как краткосрочные стажировки и программы наставничества. Эти механизмы помогают новым сотрудникам быстрее вливаться в рабочие процессы, а также создают условия для передачи знаний от опытных работников к молодому поколению. Дополнительным стимулом для удержания кадров становятся социальные гарантии, включая льготные условия ипотеки, медицинскую страховку и поддержку сотрудников с семьями [3].

Современные тренды занятости также учтены в политике компании: для ряда позиций внедряются гибкие форматы работы, такие как удаленный режим или смешанный график. Это делает ОАО «РЖД» более конкурентоспособным работодателем в глазах поколения Z, которое ценит баланс между профессиональной и личной жизнью.

Отдельное внимание уделяется формированию корпоративной среды, стимулирующей инициативу [1, 4, 5]. Через внутренние конкурсы, проектные команды и программы развития лидерских качеств сотрудники получают возможность реализовывать идеи и расти внутри компании. Для усиления HR-бренда ОАО «РЖД» активно использует цифровые каналы - от социальных сетей до специализированных платформ, где презентует карьерные возможности в формате, близком молодежной аудитории.

Комплекс этих мер направлен не только на привлечение выпускников, но и на создание условий для их долгосрочной интеграции в компанию, что особенно важно в условиях демографических вызовов и жесткой конкуренции на рынке труда.

Несмотря на усилия компании в сфере образования и социальной поддержки привлечение молодых специалистов в ОАО «РЖД» остается сложной задачей. Основная трудность - растущий разрыв между ожиданиями поколения Z и реалиями крупной государственной корпорации. Современная молодежь ищет не только стабильности, но и гибкого графика, быстрого карьерного роста, а также вовлечения в принятие решений. Однако железнодорожная отрасль, с ее строгими регламентами и технологической спецификой, часто ассоциируется у выпускников с устаревшими методами управления, что создает имиджевые барьеры.

Конкуренция с IT-сектором усиливает проблему. Подавляющее большинство выпускников технических специальностей выбирают стартапы или цифровые компании, где выше зарплаты и проще совмещать работу с личной жизнью. ОАО «РЖД», хотя и внедряет инновации, такие как BIM-моделирование или AI-логистика, до сих пор не смогло позиционировать себя как «цифрового работодателя». Это противоречие усугубляется демографическим спадом: за последнее десятилетие численность молодежи в возрасте 20–29 лет в России сократилась примерно на 40%. А узкопрофильные железнодорожные профессии требуют длительной подготовки. Даже целевое обучение 3–4 тысяч студентов ежегодно не покрывает потребности регионов, где наблюдается отток кадров в мегаполисы.

Еще один критический фактор - слабая цифровая коммуникация. Молодежь ищет информацию о карьере в TikTok и Telegram-каналах, тогда как ОАО «РЖД» продолжает опираться на традиционные методы: корпоративный сайт и ярмарки вакансий. Например, лишь каждый пятый студент знает о стажерских программах компании, а активность в

соцсетях у ОАО «РЖД» в разы ниже, чем у лидеров рынка, например, ПАО «Сбербанк».

Высокая текучесть кадров (25% новичков увольняются в первые три года) указывает на системные пробелы. Молодые специалисты, пришедшие по целевому набору, часто сталкиваются с рутинной, отсутствием четких перспектив и избыточной бюрократией. Это противоречит запросам поколения, которое стремится к динамичной проектной работе и быстрому профессиональному признанию.

Таким образом ОАО «РЖД» необходимо не только модернизировать HR-стратегии, но и пересмотреть подходы к позиционированию в цифровом пространстве, чтобы сократить разрыв между реальными возможностями компании и восприятием молодежной аудитории.

Программа «Молодежь ОАО «РЖД» (2021–2025 гг.)» закрепляет ключевые ориентиры кадровой политики компании, направленные на формирование устойчивого молодежного сообщества. В таблице 1 представлена динамика целевых показателей Программы по шести направлениям.

Таблица 1 – Динамика целевых показателей Программы

№	Целевые показатели	Целевые значения				
		2021	2022	2023	2024	2025
1.	Доля молодых работников Компании (работники в возрасте от 17 до 35 лет) от общей численности персонала, %	35-37	35-37	35-37	35-37	35-37
2.	Показатель вовлеченности молодых работников Компании, пункты	56	58	60	62	64
3.	Доля увольнений молодых работников до 35 лет в течение первого года работы от общей численности молодых работников Компании, %	≤7,5	≤7,5	≤7,5	≤7,5	≤7,5
4.	Доля молодых работников, охваченных мероприятиями Программы, %	75	75	75	75	75
	в том числе доля уникальных участников мероприятий Программы, %	30	35	40	40	40
5.	Доля молодых работников, прошедших обучение по развитию компетенций, от общей численности молодых работников, %	10	10	10	10	10
6.	Доля молодых работников, принимающих участие в мероприятиях по духовно-нравственному воспитанию, %	более 30	более 30	более 30	более 30	более 30

Каждое направление имеет единую шкалу измерений и плановые значения показателей на пятилетний период, что позволяет отслеживать динамику реализации Программы. Особое внимание в Программе уделено балансу между постоянством ключевых направлений и постепенным ростом второстепенных, отражающих развитие корпоративной культуры. Данные служат основой для оценки системности подхода ОАО «РЖД» к работе с молодыми кадрами.

Контроль за реализацией Программы осуществляет Департамент управления персоналом. Анализ достижения целевых параметров Программы и расчет показателей эффективности проектов и направлений работы по Программе производятся ежегодно. Подразделения, курирующие проекты и направления работы, представляют отчет о выполнении плановых показателей и, в случае необходимости, дают аргументированные предложения по корректировке целевых значений показателей на следующий год.

По данным таблицы можно сделать следующие выводы. Фиксация доли молодых работников на уровне 35–37% отражает баланс между опытными работниками и молодежью, критически важный в условиях старения кадров. Однако отсутствие роста на фоне 60%-ной доли молодежи в IT-секторе создает риски оттока талантов. Рост вовлеченности молодых работников с 56 до 64 пунктов за пять лет свидетельствует о планомерной работе с корпоративной культурой. Однако умеренная динамика (1,6 пункта в год) уступает

практикам лидеров рынка, где вовлеченность растет на 5–7 пунктов ежегодно.

Удержание увольнений молодежи на уровне менее 7,5% - амбициозная цель, учитывая общероссийскую текучесть кадров до 25%. Достижение этой цели требует усиления наставничества. При этом стабильность показателя может указывать на «потолок» возможностей в текущих условиях.

Охват мероприятиями Программы 75% молодежи при росте уникальных участников до 40% показывает стремление к разнообразию. Однако отсутствие планов по увеличению общего охвата, например, до 80–85%, вызывает вопросы, особенно с учетом цифровых инструментов для масштабирования.

Ежегодное обучение по развитию компетенций 10% молодых сотрудников выглядит недостаточным на фоне цифровизации. Для сравнения в ПАО «Сбербанк» охват обучением достигает 90%. ОАО «РЖД» рекомендуется пересмотреть целевое значение этого показателя, акцентируя массовое развитие цифровых навыков.

Целевое участие более 30% молодежи в мероприятиях по духовно-нравственному воспитанию отражает внимание к этим ценностям. Но формулировка названия данного направления требует конкретизации. Для поколения Z, ориентированного на прагматизм, форматы стоит адаптировать - сместить акцент на волонтерство, экологические проекты или исторические кейсы, связанные с ESG.

Выполним анализ распределения бюджетных средств ОАО «РЖД» на реализацию Программы за период 2023–2024 гг. (табл. 2).

Таблица 2 - Бюджетные расходы ОАО «РЖД» на Программу за период 2023–2024 гг.

Направление	Годовой бюджет, млн. руб.	Основные статьи расходов
Целевое обучение	1200–1500	Оплата обучения в вузах
		Стипендии
		Организация практик
Программа наставничества	150–200	Бонусы наставникам
		Обучение менторов
		Методические материалы
Ярмарки вакансий	50–100	Аренда площадок
		Логистика участников
		Рекламные материалы
Повышение квалификации	400–600	Курсы Корпоративного университета
		Внешние тренинги
		Сертификация специалистов

В структуре расходов прослеживается фокус на системные инициативы: от целевой подготовки кадров через вузы до организации масштабных мероприятий по трудоустройству. Каждое направление включает диапазон бюджетных затрат, прогнозируемый охват аудитории и основные статьи финансирования, что позволяет оценить приоритеты компании в работе с молодежью.

Целевое обучение реализуется в партнерстве с более 35 вузами, включая Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. Инвестиции в одного студента составляют 250–400 тыс. руб. ежегодно, обеспечивая углубленную специализацию.

Система наставничества предусматривает курирование 3–5 новичков опытным сотрудником. Мотивация наставников включает премии до 30% от оклада за успешную адаптацию подопечных.

Ярмарки вакансий охватывают более 50 городов России, включая моногорода с железнодорожными предприятиями. До 80% участников - студенты технических специальностей, что усиливает кадровый потенциал компании.

Повышение квалификации фокусируется на цифровых навыках: 70% программ посвящены BIM-технологиям, big data и кибербезопасности. Ежегодно разрабатывается

более 120 новых курсов, поддерживающих актуальность знаний сотрудников.

Заключение. Таким образом, молодежная политика ОАО «РЖД», являясь стратегическим элементом развития компании, балансирует между вызовами времени и потенциалом роста. С одной стороны, компания демонстрирует системную работу с молодыми специалистами: крупные инвестиции в обучение, развитые корпоративные программы, социальные гарантии и четкие показатели по удержанию молодежи в штате. С другой - цифровая трансформация, динамичный рынок труда и эволюция ценностей новых поколений вынуждают пересматривать традиционные подходы, адаптируя их к современным реалиям.

ОАО «РЖД» демонстрирует успехи в сохранении кадрового потенциала, преодолевая демографический спад и конкуренцию с IT-сектором. Ежегодно компания привлекает 3–4 тысячи студентов по целевым программам, из которых 85% остаются в коллективе, а уровень текучести кадров удерживается на низкой отметке в 7,5%. Эти результаты стали возможными благодаря системной работе: образовательным проектам, поддержке наставничества и социальным гарантиям для молодых специалистов. Однако за внешней стабильностью скрываются проблемы. Обучение, например, охватывает лишь 10% молодых сотрудников, а мероприятия по духовно-нравственному воспитанию, несмотря на их значимость, зачастую оторваны от реалий поколения, сформированного цифровой эпохой - TikTok, ESG-ценностями и запросом на индивидуализацию.

Сегодня перед ОАО «РЖД» стоит задача трансформировать молодежную политику из инструмента «кадровой стабилизации» в драйвер инновационного развития. Цифровизация отрасли, создание высокоскоростных магистралей и внедрение «умной» логистики требуют сотрудников, способных к нестандартным решениям, а не просто выполнению рутинных задач. Для этого компании необходимо пересмотреть подходы к обучению, сместив фокус на проектные форматы и развитие цифровых компетенций от анализа больших данных до управления дронами для мониторинга железнодорожной инфраструктуры. Не менее важно внедрение гибких карьерных траекторий, которые позволят талантливым молодым инженерам возглавлять перспективные проекты, минуя многоуровневые бюрократические процедуры. Кроме того, ключевым элементом может стать интеграция молодежных инициатив в глобальные стратегические цели ОАО «РЖД», например, через проведение конкурсов идей по сокращению углеродного следа или цифровой модернизации узловых станций, что усилит вовлеченность нового поколения в развитие компании.

ОАО «РЖД» важно сохранить свои ключевые преимущества: стабильность и социальную ориентированность. Такие инструменты, как льготная ипотека, корпоративное жилье и гарантии трудоустройства, остаются значимыми для привлечения молодежи, особенно в регионах. Однако их стоит дополнить цифровыми решениями, например, виртуальными турами по инновационным объектам, подкастами с молодыми инженерами или VR-тренажерами для обучения управлению поездами.

Будущее молодежной политики компании зависит от умения совмещать традиции с технологическим прогрессом. ОАО «РЖД» необходимо показать, что железная дорога - это не только инфраструктура прошлого, но и площадка для экспериментов, стартапов и карьерного роста. Обновление подходов при сохранении системности поможет не только удержать таланты, но и создать образ высокотехнологичной, динамичной компании, открытой для прорывных идей.

Успех этой трансформации определит, сможет ли ОАО «РЖД» сохранить лидерство в российской транспортной системе в условиях растущей конкуренции и скоростных изменений. Молодое поколение здесь не просто кадровый резерв, а ключевой участник формирования будущего компании, где технологичность и стабильность дополняют друг друга.

Список использованных источников

1. Антич Ю. Учеба по франшизе // Пульт управления. - 2019. - № 4. [Электронный

ресурс]. URL: <http://www.pult.gudok.ru/archive/>

2. Вклад ОАО «РЖД» в реализацию государственной молодежной политики в современном российском обществе / В.В. Сергеев, А.Н. Некрасова // Журнал Власть. – 2014. – Т. 33, № 1. – С. 87-92.

3. Манукян А.А. Молодежная политика как часть социальной политики ОАО «РЖД» // Наука и образование транспорту. – 2013. – № 1. – С. 125-127.

4. Проскурякова Е.А. Роль Корпоративного университета ОАО «РЖД» в обучении и развитии персонала // Профессиональное образование, наука и инновации в XXI веке: XIII Санкт-Петербургский конгресс. Сборник трудов, Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2019. – С. 183-184.

5. Проскурякова Е.А. Современная система корпоративного обучения персонала на примере ОАО «РЖД» // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 16–18 октября 2019 года. – Иркутск: Иркутский государственный медицинский университет, 2019. – С. 391-395.

6. Соловьева С. Путевки в жизнь // Газета Гудок. – 05.12.2018. – 5 полоса.

7. Управление персоналом: учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. - М: ЮНИТИ, 2002. —560 с.

Сведения об авторах

Проскурякова Елена Александровна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика транспорта» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. E-mail: earprosk@gmail.com

Куприянова Дарья Максимовна - студент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. E-mail: kuprijanova75@gmail.com

Воропаева Дарья Михайловна - студент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. E-mail: dasavoropaeva551@gmail.com

UDC 338.2

ANALYSIS OF YOUTH POLICY OF RUSSIAN RAILWAYS

Proskuryakova E.A., Kuprijanova D.M., Voropaeva D.M.

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg

The purpose of the article: to analyze the youth policy of JSC Russian Railways and to develop recommendations to increase its attractiveness for generation Z. Subject of the study: youth policy of JSC Russian Railways. The relevance of the topic is due to the need to attract young personnel to the company. Research methods: analysis, synthesis, classification, systematization, statistical data processing tools. Results: problems of attracting and retaining young people in the company were identified; recommendations were proposed to increase the attractiveness of JSC Russian Railways as an employer for generation Z.

Keywords: youth, youth policy, Russian Railways, generation Z, Target Program «Youth of Russian Railways».

References

1. Antich Yu. Franchise studies // Control panel. - 2019. - No. 4. [Electronic resource]. URL: <http://www.pult.gudok.ru/archive/>

2. Contribution of Russian Railways to the implementation of state youth policy in modern Russian society / V.V. Sergeev, A.N. Nekrasova // Vlast Magazine. 2014. Vol. 33, No. 1. pp. 87-92.

3. Manukyan A.A. Youth policy as part of the social policy of JSC Russian Railways // Science and Education for Transport. - 2013. – No. 1. – pp. 125-127.

4. Proskuryakova E.A. The role of the Russian Railways Corporate University in personnel training and development // Professional education, science and innovation in the 21st century: XIII

St. Petersburg Congress. Collection of Works, St. Petersburg, November 20-22, 2019. Saint Petersburg: Saint Petersburg Mining University, 2019, pp. 183-184.

5. Proskuryakova E.A. Modern system of corporate personnel training on the example of JSC Russian Railways // Modern problems of professional education: experience and solutions: Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Irkutsk, October 16-18, 2019. Irkutsk: Irkutsk State Medical University, 2019. pp. 391-395.

6. Solovyova S. Trips to life // Newspaper Gudok. – 05.12.2018. – band 5.

7. Personnel management: a textbook for universities / Edited by T.Y. Bazarov and B.L. Eremin. Moscow: UNITY, 2002. 560 p.

Author`s information

Proskuryakova Elena Aleksandrovna - candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Transport Economics at the St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I. E-mail: eaprosk@gmail.com

Kupriyanova Daria Maksimovna - student, St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I. E-mail: kupriyanova75@gmail.com

Voropaeva Daria Mikhailovna - student, St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I. E-mail: dasavoropaeva551@gmail.com

УДК 332.025

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Рожков Е.В.

АО АКИБ «Почтобанк», г. Пермь

Теоретические проблемы внедрения цифровых платформ во все сферы деятельности человека. Обоснование научно-методических положений концептуального характера применительно к применению цифровых платформ на уровне муниципальных образований. При исследовании использовались различные методологические подходы, включая системный подход, методы и приёмы научного исследования, в том числе метод восхождения от абстрактного к конкретному. Для оценки эффективности внедрения цифровых платформ используется правовой подход, основанный на том, что применение цифровых технологий способствует обеспечению информационной безопасности. Муниципальное образование вправе создавать свой официальный сайт, для освещения работы своей администрации и для общения с населением.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация общества, цифровая платформа, официальный сайт, городской сайт, администрация.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-29-37

Введение. Цифровизация экономики происходит как на федеральном, так и на региональном и местных уровнях. Определены цели, задачи и финансирование «пилотных» проектов [17]. Сегодня, использование интегрированных платформ и современных инструментов управления проектами становится неотъемлемой частью стратегии любой организации, стремящейся к повышению эффективности и оптимизации своих процессов [14]. Цифровизация проникает во все сферы общественной жизни, отрасли экономики и сегменты социально-экономической системы [22].

Цифровая трансформация производственной сферы стала неотъемлемым атрибутом в достижении и поддержании экономической эффективности предприятий [1]. Рост конкуренции и усложнение управленческих процессов требуют внедрения интегрированных цифровых решений [19]. Интенсифицированные процессы цифровизации за короткое время изменили жизнь человека [3]. Цифровая среда является новой сферой социальной реальности [5]. Цифровизация бизнес-процессов не только оптимизирует операции, но и позволяет компаниям более эффективно управлять людьми [6].

Теоретико-методологическая актуальность данной работы заключается в том, что экономистами не рассматривается вопрос о цифровизации с точки зрения применения цифровых платформ. Обоснование научно-методических положений концептуального характера применительно к применению цифровых платформ на уровне муниципальных образований. Научная новизна бесспорна, в условиях повсеместного применения цифровых технологий.

Обзор литературы. Прежде всего необходимо отметить большой вклад изучения данной темы таких российских учёных как: Воронцова О.В., Гавва А.А., Глазунов В.В., Дукарт С.А., Илларионов С.А., Шелудякова И.Г. и другие авторы.

Основная часть. Перспективные технологии представим в таблице 1.

Таблица 1 - Перспективные технологии*

№ п/п	Описание	Название
1	Интеграция людей, процессов, данных и вещей в единую экосистему	Постоянное подключение к Интернету всех рукотворных объектов
2	Наноматериалы, 3-D печать, интеллектуальные материалы	Передовые материалы, обеспечивающие повышенную долговечность энергоёмких изделий

* - составлено по [21]

Цифровые инфраструктурные элементы объединены в центрах сбора, обработки,

переработки и хранения информации совокупностью информационно-коммуникационных и технико-технологических средств [20]. Платформа как бизнес-модель представляет собой модель прямого взаимодействия и сделок между субъектами через технологическую платформу с использованием новых способов и форм взаимодействия, создания стоимости и ценообразования [2].

Сегодня, разными учёными изучаются процессы, связанные с цифровизацией и цифровой трансформацией, соответственно и даются различные понятия и определения. Ряд таких терминов представим в таблице 2.

Таблица 2 - Понятия и определения «цифровой трансформации»*

№ п/п	Термин «Цифровая трансформация»	Автор(ы)
1	Процесс, при котором цифровые технологии интегрируются во все аспекты бизнеса, существенно меняя его функционирование и доставку ценности клиентам	Прохоров А.М., Коник Л.Г.
2	Эволюционный процесс интеграции цифровых технологий в бизнес-процессы компании, направленный на повышение эффективности и создание новых ценностей для клиентов	Курочкина А.А., Намазов К.А.
3	Процесс стратегического внедрения цифровых технологий, направленный на кардинальное изменение бизнес-моделей и повышение конкурентоспособности компаний	Гусев А.А., Потравный И.М.
4	Комплексное изменение бизнес-процессов и организационных структур, обусловленное интеграцией цифровых технологий и данных	Поляков В.В.

* - составлено по [23]

Цифровые платформы стали одним из важнейших экономических институтов и одним из ключевых элементов цифровой трансформации. Цифровые платформы способствуют ускоренному инновационному развитию[11]. Они стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, оказывая влияние на общество и экономику [25]. Цифровая платформа – это инновационная система, работающая через Интернет, которая обеспечивает взаимодействие участников платформы друг с другом [10].

Но, сегодня особенность процедуры подготовки программного обеспечения к сертификации вступает в противоречие с фундаментальными принципами «легковесной» разработки (табл. 3).

Таблица 3 - Противоречия между принципами гибкой разработки программного обеспечения и требованиями к сертификации*

№ п/п	Требования по сертификации	Гибкие методологии
1	Документы выполнены в едином стиле, структурированы по ГОСТ 19 серии (ЕСПД)	Документация носит ситуативный характер, неконсистентна, фрагментарна, элементы обладают различной степенью полноты и дискурсивной связности.
2	Тестирование в среде исполнения производится с использованием средств защиты информации	Тестирование в среде исполнения производится в типовой её конфигурации

* - составлено по [12]

Трансформация общества происходит в ускоренном процессе и соответственно, население нуждается в получении информации в режиме он-лайн. Государству требуется реагировать на потребление цифровых технологий и продуктов цифровизации в новом качестве. Это требует и изменение нормативно-правовой базы и увеличение расходной части бюджета всех уровней на IT-инфраструктуру и обязательств перед обществом муниципальных и региональных руководителей. Классификация некоторых действующих цифровых платформ представлена в таблице 4. Одним из ключевых направлений проекта «Экономика данных» содержит ряд направлений, имеющих критическое значение для цифровой трансформации промышленного сектора [7].

Таблица 4 – Классификация цифровых платформ*

№ п/п	Класс платформы	Дополнительный функционал	Фирма (компания)
1	Технологические	Доступ к IT-ресурсам и технологиям	Computing Microsoft Azure
2	Информационные	Доступ к информационному рынку	Яндекс-маркет Avito

* - составлено автором

Сегодня, цифровизация позволяет собирать и анализировать большие объёмы данных. Облачные технологии позволяют хранить данные на удалённых данных, что обеспечивает удалённый доступ [8]. Аспект интеграции цифровой платформы управления качеством представлены в таблице 5.

Таблица 5 - Аспекты внедрения цифрового платформенного решения для оптимизации бизнес-процессов*

№ п/п	Аспекты	Описание
1	Управление изменениями	Следует использовать стратегии управления изменениями, чтобы обеспечить эффективное обучение, вовлечение и адаптацию сотрудников для использования новой платформы
2	Управление данными и аналитика	Внедрение стандартов сбора, хранения и анализа данных на цифровой платформе для поддержки принятия обоснованных решений и постоянного улучшения бизнес-процессов

*- составлено по [4]

Цифровые платформы получают преимущества от сетевых эффектов, возможностей сбора и обработки большого количества данных [24]. Цифровые платформы могут рассматриваться как инструмент цифровой трансформации. Одной из характеристик этой трансформации будет вопрос – обеспечения клиентоцентричности, т.е. удовлетворения разных потребителей, создания новой культуры потребления и коммуникаций [15].

Цифровые платформы стали одним из важнейших экономических институтов и одним из ключевых элементов цифровой трансформации. Существует зависимость между цифровизацией и эффективностью работы государственных учреждений, т.к. они друг друга взаимообуславливают. В среднесрочной и долгосрочной перспективе интеграция цифровых технологий в большинство процессов оптимизирует «коэффициент полезного действия» за счёт сокращения рабочего времени и расходов на бюрократию, снижения коррупциогенного фактора, а также улучшения качества услуг [13].

Национальная программа развития цифровой экономики стремится сформулировать направления развития для формирования и поддержания наиболее благоприятных организационных, инфраструктурных и нормативно-правовых характеристик российской цифровой юрисдикции для развития бизнеса в условиях нового экономического уклада [9].

Мероприятия «Цифровой экономики» направлены на реализацию следующих ключевых направлений преобразования экономики и социальной сферы: формирование новой регулярной среды отношений граждан, бизнеса и государства, возникающих с развитием цифровой экономики, создание современной высокоскоростной инфраструктуры хранения, обработки и передачи данных, обеспечение устойчивости и безопасности её функционирования, поддержка развития перспективных «сквозных» цифровых технологий и проектов по их внедрению, повышение эффективности государственного управления и оказания государственных услуг посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений. Полноценная система интернета вещей, кроме получения и передачи данных, должна обязательно содержать уровень управления. На таком уровне происходит обработка и анализ данных, собранных на предыдущем

уровне. Обычно данные поступают в некоторое хранилище, при этом они могут быть уже предобработаны или накапливаться в «сыром» виде. Со временем появились новые способы организации компьютерных вычислений и хранения данных. Большие объёмы вычислений нужны для выполнения сложных математических операций [16]. Современные инновации основываются на основе цифровых технологий.

Применение цифровых платформ происходит на всех уровнях. Автором изучены официальные сайты администраций нескольких крупных городов. Краткое изложение результатов исследования: 1. Город Москва. В 2023 году на портале mos.ru запустили и обновили более 110 услуг и сервисов, в числе которых: новый сервис «Мой питомец» (население может получить доступ к амбулаторной карте своего домашнего животного); перевели в проактивный формат назначение льготного школьного питания для детей из малообеспеченных семей и т.д. В 2023 году, порталом mos.ru воспользовались 760 млн. раз, зарегистрированных насчитали более 400 тыс. новых пользователей, общее число учётных записей превысило 15,9 млн. Было запущено новое приложение «Мой ID», в котором можно посмотреть сведения основных документов, в т.ч. паспорта, полиса ОМС, СНИЛС, водительского удостоверения и т.д.

Москва продолжает совершенствовать голосового помощника, который работает на 10 горячих линиях общегородского контакт-центра и обрабатывает почти 50% поступающих звонков без привлечения оператора. Благодаря ИИ жители могут получить ответ на свой вопрос без ожидания на линии, а операторы - уделять больше времени обработке сложных, а не типовых запросов. Только в 2023 году голосовой помощник принял более 38 миллионов звонков - на 53% больше, чем годом ранее.

В 2023 году Москва продолжила развивать цифровой двойник города - один из ключевых IT-проектов в столичной системе управления. Сегодня это не просто точная 3D-копия столицы, а масштабная и уникальная по своим возможностям управленческая платформа, которая отражает все процессы и изменения как на поверхности, так и в подземной части города. Практически каждый вопрос в сфере строительства, благоустройства и развития города в целом сегодня рассматривается с применением цифрового двойника.

2. Санкт-Петербург. В городе прошёл Марафон «Цифровой Петербург». Первое место в номинации «Лучшая идея цифрового сервиса Санкт-Петербурга» заняла команда «Дюна» с проектом «Хочу здесь жить» - через него горожане могут оценить благоустройство района на основе социально важных объектов и обращений о проблемах местных жителей. Серебро у команды «Стулья Доры», представившей приложение «DViG» для создания групп по интересам. Бронзовым призером стала команда «Voidavoid» с проектом «Шеринг Спортивного инвентаря», который направлен на популяризацию спорта среди населения города.

3. Екатеринбург. Цифровая платформа единой информационной системы мониторинга социально-экономического развития объединит уже существующие информационные системы в единое пространство данных, позволит более быстро и точно принимать управленческие решения благодаря целостной информационной картине. В платформу войдет региональная геоинформационная система Свердловской области, объединяющая на карте сведения об объектах от различных региональных министерств. В том числе сведения о земельных участках, размещении рекламных носителей, данные о запасе полезных ископаемых и другие.

4. Нижний Новгород. Новые цифровые платформы позволяют жителям в режиме онлайн отслеживать работу общественного транспорта, контролировать решение городских проблем, оплачивать коммунальные услуги и т.д. На портале «вамрешать.рф» пользователи могут задать вопросы или сообщить о проблемах из разных сфер жизни - пожаловаться на отсутствие освещения, яму на дороге, несанкционированную свалку мусора или оставить предложения по благоустройству общественных территорий. Для удобства пользователей все категории обращений структурированы по темам, благодаря чему каждое предложение быстрее поступает к ответственным лицам.

5. Владивосток. Реализованы более 30 сервисов для того, чтобы сделать жизнь людей комфортнее и безопаснее (цифровые остановки и умные светофоры, контроль доступа в школы, туристические информационные киоски, карты школьника, весогабаритный контроль, световые зебры и т.д.). Перечень информационных платформ, на которых организовано дистанционное обучение в образовательных организациях: Российская электронная школа, Мои достижения, Олимпиад, Учи.ру, Фоксфорд, Якласс, Lecta, Образовариум, Сетевой город. Образование. Приморский край (электронный журнал и дневник) и т.д.

6. Краснодар. Стратегия цифровизации затрагивает 6 ключевых отраслей экономики: образование, наука, здравоохранение, развитие городской среды, транспорт и логистика, государственное управление и социальная сфера. Внедрение экосистемы «Новый умный дом» позволяет узнать о плановых отключениях электроэнергии. Цифровая платформа «Решаем вместе» позволяет жителям принять участие в решении вопросов городского развития. Проводится цифровизация транспортно-логистическая система, энергетической инфраструктуры, систем управления электросетевым хозяйством. И новая для страны в целом, это система оптимизации управления различными отраслями – региональная геоинформационная система.

7. Уфа. В цифровой платформе Башкортостана используется искусственный интеллект для написания текстов новостей и анонсов. На цифровой платформе «Открытый регион» размещено 2000 сайтов государственных и муниципальных структур. Она предназначена для оперативного создания программных продуктов, порталов и информационных систем в сфере взаимодействия государственных и муниципальных структур с населением. Сегодня она развёрнута в 7 региональных образований нашей страны.

8. Пермь. В Пермском крае в 17 отраслях реализованы 92 проекта в соответствии со Стратегией цифровой трансформации. В числе которых: цифровая образовательная платформа «Сферум»; единая информационная система здравоохранения; «Национальная система пространственных данных»; «федеральный единый цифровой ресурс о сведениях о земле и недвижимости» и т.д. С 2017 года в городе Перми внедрена цифровая платформа «Управляем вместе» и на её основе работают такие сервисы, как: «сообщить о проблеме», «битва роботов», «тренер нашего двора», «комфортный край», «народный рейтинг УК», «спорт для каждого».

Вывод. Сегодня, автором статьи разрабатывается цифровая платформа по управлению имуществом муниципального образования город Пермь. Авторская цифровая платформа по управлению имуществом муниципального образования город Пермь, основана в первую очередь на системе в виде UML-диаграмме для визуализации структуры и взаимодействия местных органов власти и населения. Разработан прототип интерфейса веб-сайта, который понятен и привлекателен для пользователей. Пользователь может взаимодействовать с системой тем, что имеет возможность «Просмотр карты», сделать «Выбор указателя на карте», а также «Просмотр 3D-модели дома». Областью применения цифровой платформы является веб-сайт, на котором находится интерактивная карта. Действующая диаграмма описывает взаимодействие пользователя с веб-сайтом, на котором изображена интерактивная карта. Пользователь начинает с официального сайта муниципального образования город Пермь и переходит на сайт Департамента имущественных отношений города Перми, а затем переходит на цифровую платформу автора. Далее, пользователь просматривает интерактивную карту, на которой нанесены разноцветные указатели, представляющие место положение различного муниципального имущественного комплекса (муниципальных зданий). Затем, пользователь может выбрать интересующий его на карте указатель для просмотра интересующего его имущественного объекта (муниципального здания). После выбора определённой «точки» местоположения муниципального имущества, сайт автоматически отправляет запрос на получение 3D-модели выбранного здания из базы данных. Как только модель загружается на сайт, она отображается пользователю в

отдельном окне.

Применение цифровых платформ местными органами власти укладывается в сегодняшний вектор развития общества. Всё чаще для взаимодействия с населением, администрации муниципалитетов предлагают использовать новые цифровые платформы.

Направления дальнейших исследований. Дальнейшее исследование, связанное с анализом цифровизации видится перспективным на ближайшие годы.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Список использованных источников

1. Аливапова, Т.Э. Современные требования и условия эффективного производства на предприятиях в эпоху цифровизации экономических процессов / Т.Э. Аливапова, Э.Р. Аблитаров, Э.Э. Шамилева // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования. IX Международная научно-практическая конференция. КФУ. Симферополь. 15 мая 2024 года. - С. 49-51.
2. Буренин, А.Р. Прикладные цифровые платформы и их применение в логистике / А.Р. Буренин, И.В. Шарова // Московский экономический журнал. 2024. - № 2. - С. 605-616.
3. Гасанова, З.Б. Духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху искусственного интеллекта / З.Б. Гасанова, Е.В. Суворова, М.И. Гасанов // Искусственный интеллект и духовная культура. Международная научно-практическая конференция. РЭУ. Москва. 30 октября 2024 года. - С. 106-109.
4. Грибанов, Г.А. Аспекты внедрения цифрового платформенного решения для внедрения перспективных стандартов менеджмента и оптимизации бизнес-процессов на предприятии / Г.А. Грибанов // Наука и глобальные вызовы: перспективы развития. II Международная научно-практическая конференция. ПГНИУ. Симферополь. 14 мая 2024 года. - С. 79-84.
5. Зиман, М.А. Психологические ресурсы и вовлеченность пожилых людей в цифровую среду / М.А. Зиман, Ю.А. Токарева // Педагогическое образование в России. 2025. - № 1. - С. 218-226.
6. Казаренкова, П.Ю. Цифровизация бизнес-процессов по управлению персоналом предприятия / П.Ю. Казаренкова, М.Ю. Телегин // Проблемы развития современного общества. 10-я Всероссийская научно-практическая конференция. В 4-х томах. Вольное экономическое общество России. Курск. 23-24 января 2025 года. - С. 171-175.
7. Кинзябулатова, Э.А. Кросс-отраслевая цифровая трансформация промышленности в условиях реализации национального проекта «Экономика данных» / Э.А. Кинзябулатова, Ю.А. Варламова // Актуальные тренды цифровой трансформации промышленных предприятий. Всероссийская научно-практическая конференция. КНИТУ. Казань. 30-31 октября 2024 года. - С. 114-120.
8. Корнева, Г.В. Эволюция бухгалтерского учёта в условиях цифровизации экономики / Г.В. Корнева, А.И. Демьянова // Детерминанты развития экономики и общества в условиях глобальных изменений. III Международная научно-практическая конференция. МГУТиУ. Москва. 24-25 апреля 2025 года. - С. 216-220.
9. Крутиков, В.К. Основы цифровой экономики / В.К. Крутиков, М.В. Якунина // Учебно-методическое пособие. Калуга. 2021. - 156 с.
10. Мамедова, А.И. Цифровые платформы и их роль в инновационном развитии экономики РФ – прогнозная оценка / А.И. Мамедова // Вектор экономики. 2024. - № 6. - Порядковый номер 16.
11. Маркова, С.В. Роль цифровых платформ в современной экономике: влияние на рыночные структуры и конкурентоспособность / С.В. Маркова, Л.В. Ахметвалеева, И.А. Алисултанова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. - Т. 6. - № 1. - С. 150-155.
12. Мелихов, А.А. Обеспечение непрерывной разработки программных продуктов,

сертифицируемых по требованиям безопасности / А.А. Мелихов // XXIX Международная научно-практическая конференция. ИПУРАН. Москва, 15 декабря 2021 года. - С. 189-195.

13. Нахушев, А.А. Перспективы интеграции информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления как механизм её реконструкции / А.А. Нахушев // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. - Т. 50. - № 3. - С. 49-56.

14. Немыкин, Д.Н. Системный анализ инструментария управления проектами в компании / Д.Н. Немыкин, Т.Л. Скрипченко, О.Э. Еськов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. - № 1. - С. 114-125.

15. Обыденов, А.Ю. Анализ ключевых компонентов цифровых платформ. Экосистемно-стейкхолдерский подход / А.Ю. Обыденов, А.В. Козлов // Креативная экономика. 2020. - Т. 4. - № 12. - С. 3229 - 3246.

16. Папуловская, Н.В. Основы интернета вещей / Н.В. Папуловская // Учебно-методическое пособие. Екатеринбург. 2022. - 104 с.

17. Рожков, Е.В. Трансформация экономики / Е.В. Рожков // Вестник магистратуры. 2023. - № 10-2 (145). - С. 56-57.

18. Рожков, Е.В. Экономические инновации / Е.В. Рожков // Современные научные исследования и инновации. 2023. - № 8(148). - С. 19-20.

19. Сунгатуллин, Р.Г. Автоматизированные системы управления предприятием (ERP): анализ экономической эффективности / Р.Г. Сунгатуллин // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. - № 3. - Т. 2. - С. 40-49.

20. Тасуева, Т.С. Развитие инфраструктуры региона в координатах цифровой экономики / Т.С. Тасуева, М.С. Магомадова // Вестник КНИИ РАН. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2024. - № 1(8). - С. 26-32.

21. Татаринцов, К.А. Роль цифрового предпринимательства в развитии экономики / К.А. Татаринцов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. - № 2. - Т. 1. - С. 111-116.

22. Фомиченко, С.А. Цифровизация инфраструктурного контура в системе управления территориями / С.А. Фомиченко // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами. IX Международная научно-практическая конференция. ПГУ. Пенза. 23-24 мая 2024 года. - С. 322-325.

23. Чалый, А.Д. Цифровая трансформация бизнес процессов: обзор литературы / А.Д. Чалый // Молодые учёные экономике Дальнего востока - 2025. Сборник статей по материалам конференции молодых учёных-экономистов. ИЭИ ДВО РАН. Хабаровск. 16-17 января 2025 года. - С. 170-184.

24. Шелепов, А.В. Оценка роли цифровых платформ и экосистем в экономическом развитии / А.В. Шелепов // Вестник международных организаций. 2023. - Т. 18. - № 3. - С. 142-162.

25. Шкуровская, С.Р. Роль и значение цифровых платформ в социально-экономическом развитии / С.Р. Шкуровская, П.А. Нелидова, Е.В. Кузьмина, С.А. Шевченко // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. - № 1-2(107). - С. 184-186.

Сведения об авторах

Рожков Евгений Викторович – специалист АО АКИБ «Почтобанк». Адрес: Пермский Край, г.о. Пермский, г Пермь, ул Ленина, д. 68. E-mail: yevgeniy.rozhkov.2024@list.ru

UDC 332.025

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF DIGITAL PLATFORMS: NEW APPROACHES AND CURRENT RESEARCH

Rozhkov E.V.

Theoretical problems of the implementation of digital platforms in all spheres of human activity. Justification of scientific and methodological provisions of a conceptual nature in relation to the use of digital platforms at the level of municipalities. The study used various methodological approaches, including a systems approach, methods and techniques of scientific research, including the method of ascending from the abstract to the concrete. To assess the effectiveness of the implementation of digital platforms, a legal approach is used based on the fact that the use of digital technologies contributes to information security. A municipality has the right to create its own official website to cover the work of its administration and to communicate with the population.

Key words: digital technologies, digitalization of society, digital platform, official website, city website, administration.

References

1. Alivapova, T.E. Modern requirements and conditions of efficient production at enterprises in the era of digitalization of economic processes / T.E. Alivapova, E.R. Ablitarov, E.E. Shamileva // An innovative paradigm of economic management mechanisms. IX International Scientific and Practical Conference. KFU. Simferopol. May 15, 2024. pp. 49-51.
2. Burenin, A.R. Applied digital platforms and their application in logistics / A.R. Burenin, I.V. Sharova // Moscow Economic Journal. 2024. - No. 2. - pp. 605-616.
3. Hasanova, Z.B. Spiritual and moral values and human rights in the era of artificial intelligence / Z.B. Hasanova, E.V. Suvorova, M.I. Hasanov // Artificial intelligence and spiritual culture. International Scientific and practical conference. PRUE. Moscow. October 30, 2024. - pp. 106-109.
4. Griбанov, G.A. Aspects of the implementation of a digital platform solution for the implementation of promising management standards and optimization of business processes at the enterprise / G.A. Griбанov // Science and global challenges: development prospects. II International Scientific and Practical Conference. PSNIU. Simferopol. May 14, 2024. pp. 79-84.
5. Ziman, M.A. Psychological resources and involvement of older people in the digital environment / M.A. Ziman, Yu.A. Tokareva // Teacher education in Russia. 2025. - No. 1. - pp. 218-226.
6. Kazarenkova, P.Y. Digitalization of business processes for personnel management of an enterprise / P.Y. Kazarenkova, M.Y. Telegin // Problems of development of modern society. 10th All-Russian Scientific and Practical Conference. In 4 volumes. Free Economic Society of Russia. Kursk. January 23-24, 2025, pp. 171-175.
7. Kinzyabulatova, E.A. Cross-sectoral digital transformation of industry in the context of the implementation of the national project "Data Economics" / E.A. Kinzyabulatova, Yu.A. Varlamova // Current trends in the digital transformation of industrial enterprises. All-Russian Scientific and Practical Conference. KNITU. Kazan. October 30-31, 2024. - pp. 114-120.
8. Korneva, G.V. The evolution of accounting in the context of the digitalization of the economy / G.V. Korneva, A.I. Demyanova // Determinants of economic and social development in the context of global changes. III International Scientific and Practical Conference. MGUTiU. Moscow. April 24-25, 2025. pp. 216-220.
9. Krutikov, V.K. Fundamentals of the digital economy / V.K. Krutikov, M.V. Yakunina // Educational and methodical manual. Kaluga. 2021. - 156 p.
10. Mammadova, A.I. Digital platforms and their role in the innovative development of the Russian economy – a forecast assessment / A.I. Mammadova // Vector of Economics. 2024. - No. 6. - Ordinal number 16.
11. Markova, S.V. The role of digital platforms in the modern economy: impact on market structures and competitiveness / S.V. Markova, L.V. Akhmetvaleeva, I.A. Alisultanova // Economics and management: problems, solutions. 2024. - Vol. 6. - No. 1. - pp. 150-155.
12. Melikhov, A.A. Ensuring continuous development of software products certified according to security requirements / A.A. Melikhov // XXIX International Scientific and Practical Conference. IPURAN. Moscow, December 15, 2021. pp. 189-195.
13. Nakhushhev, A.A. Prospects for the integration of information and communication technologies into the sphere of public administration as a mechanism for its reconstruction / A.A.

Nakhushev // Proceedings on Intellectual Property. 2024. - Vol. 50. - No. 3. - pp. 49-56.

14. Nemykin, D.N. System analysis of project management tools in a company / D.N. Nemykin, T.L. Skripchenko, O.E. Eskov // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2025. - No. 1. - pp. 114-125.

15. Obydenov, A.Y. Analysis of key components of digital platforms. Ecosystem-stakeholder approach / A.Y. Obydenov, A.V. Kozlov // Creative Economy. 2020. - Vol. 4. - No. 12. - pp. 3229 - 3246.

16. Papulovskaya, N.V. Fundamentals of the Internet of Things / N.V. Papulovskaya // Educational and methodical manual. Yekaterinburg. 2022. - 104 p.

17. Rozhkov, E.V. Transformation of economics / E.V. Rozhkov // Bulletin of the Magistracy. 2023. - № 10-2 (145). - Pp. 56-57.

18. Rozhkov, E.V. Economic innovations / E.V. Rozhkov // Modern scientific research and innovations. 2023. - № 8(148). - Pp. 19-20.

19. Sungatullin, R.G. Automated enterprise management systems (ERP): an analysis of economic efficiency / R.G. Sungatullin // Economics and management: problems, solutions. 2025. - No. 3. - Vol. 2. - pp. 40-49.

20. Tasueva, T.S. The development of the region's infrastructure in the coordinates of the digital economy / T.S. Tasueva, M.S. Magomadova // Bulletin of the Scientific Research Institute of the Russian Academy of Sciences. The series "Social Sciences and Humanities". 2024. - № 1(8). - Pp. 26-32.

21. Tatarinov, K.A. The role of digital entrepreneurship in economic development / K.A. Tatarinov // Economics and management: problems, solutions. 2025. - No. 2. - Vol. 1. - pp. 111-116.

22. Fomichenko, S.A. Digitalization of the infrastructural contour in the territorial management system / S.A. Fomichenko // Formation of a competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions. IX International Scientific and Practical Conference. PSU. Penza. May 23-24, 2024. - pp. 322-325.

23. Chaly, A.D. Digital transformation of business processes: a review of the literature / A.D. Chaly // Young scientists of the economy of the Far East - 2025. Collection of articles based on the materials of the conference of young scientists and economists. IEI of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk. January 16-17, 2025. pp. 170-184.

24. Shelepov, A.V. Assessment of the role of digital platforms and ecosystems in economic development / A.V. Shelepov // Bulletin of International Organizations. 2023. - Vol. 18. - No. 3. - pp. 142-162.

25. Shkurovskaya, S.R. The role and importance of digital platforms in socio-economic development / S.R. Shkurovskaya, P.A. Nelidova, E.V. Kuzmina, S.A. Shevchenko // Economics and Business: theory and practice. 2024. - № 1-2(107). - Pp. 184-186.

Author's information

Rozhkov Evgeny Viktorovich - is a specialist of JSC AKIB "Pochtobank". Address: Perm Krai, Permsky island, Perm, Lenin Street, 68. E-mail: yevgeniy.rozhkov.2024@list.ru

УДК 316.422.44

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА И ПРОФЕССИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Шагабутинова Л.М.

ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», г. Махачкала

В основе любой профессиональной деятельности лежит стремление к максимальной эффективности: достижение желаемого результата и получение прибыли при оптимальном использовании ресурсов. Эта тенденция прослеживается во всех сферах общественной жизни, что обусловлено фундаментальной целью человечества – удовлетворением растущих потребностей и созданием комфортной среды обитания. Именно поэтому разработка и внедрение передовых технологий, направленных на упрощение и оптимизацию процессов, являются ключевым фактором развития. Ярким примером проникновения искусственного интеллекта в повседневную жизнь служит сеть Интернет, обеспечивающая беспрецедентный доступ к глобальной информации и возможность мгновенного обмена данными на расстоянии. Это радикально изменило рынок труда. Умение эффективно работать с информацией, грамотно формулировать запросы и оперативно осваивать инновационные технологии стало ключевым конкурентным преимуществом. С одной стороны, автоматизация и внедрение искусственного интеллекта привели к усилению конкуренции и сокращению рабочих мест, где человеческий труд стал менее востребованным. С другой стороны, возникла потребность в кадрах, способных эффективно взаимодействовать с искусственным интеллектом, анализировать данные, полученные с его помощью, и принимать стратегические решения на основе этой информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рынок труда, автоматизация, человеческие ресурсы, оптимизация бизнес-процессов, конфиденциальность, технологический прогресс.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-38-46

Революционное внедрение искусственного интеллекта в структуру рынка труда ознаменовало собой эпоху глубокой модернизации и переосмысления внутренних процессов. Существующий спектр профессий претерпел кардинальные изменения, особенно заметные в областях, традиционно требовавших интенсивной обработки огромных массивов информации. Теперь рутинные и трудоемкие задачи, ранее выполнявшиеся вручную, успешно автоматизированы и переданы в компетенцию машинных систем, действующих с беспрецедентной скоростью и точностью. Автоматизация не только оптимизировала бизнес-процессы, высвободив человеческие ресурсы для решения более сложных и творческих задач, но и значительно снизила вероятность ошибок, неизбежно возникающих при выполнении монотонной работы человеком из-за усталости, невнимательности или субъективного восприятия.

Многочисленные научные исследования убедительно демонстрируют, что широкое распространение технологий искусственного интеллекта оказывает существенное положительное влияние на общую эффективность рабочего процесса, выражающееся в повышении производительности, снижении затрат и оптимизации бизнес-процессов. Более того, освоение и эффективное применение искусственного интеллекта становится ключевым фактором для достижения карьерных высот в условиях современной цифровой трансформации, характеризующейся стремительными технологическими изменениями и жесткой конкуренцией на рынке труда. Специалисты, обладающие навыками работы с искусственным интеллектом, получают значительное преимущество, и возможность успешно адаптироваться к новым требованиям времени.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что искусственный интеллект уже сегодня оказывает глубокое и всестороннее влияние на ключевые отрасли экономики и разнообразные сферы деятельности. При этом, наблюдаемые тенденции указывают на то, что это влияние будет неуклонно возрастать, трансформируя саму структуру рынка труда. В связи с этим, глубокое понимание механизмов и последствий влияния искусственного интеллекта на занятость и востребованность профессий становится критически важным для работодателей. Только обладая четким представлением о

происходящих изменениях, компании смогут своевременно адаптироваться к новым реалиям, пересмотреть свои стратегии управления персоналом и обеспечить устойчивую конкурентоспособность на динамично развивающемся рынке труда.

В рамках настоящего исследования поставлены следующие ключевые цели:

- во-первых, провести всесторонний анализ влияния искусственного интеллекта на рынок труда, выявив как положительные, так и отрицательные аспекты его воздействия;
- во-вторых, определить перечень профессий, которые будут наиболее востребованными в будущем, как с точки зрения работодателей, стремящихся к повышению эффективности и конкурентоспособности, так и с точки зрения соискателей, заинтересованных в долгосрочной карьерной перспективе и стабильном трудоустройстве.

Для достижения указанных целей необходимо подробно рассмотреть следующие ключевые темы:

- автоматизация рутинных процессов и задач с использованием технологий искусственного интеллекта;
- влияние этой автоматизации на структуру рынка труда, условия занятости, уровень заработной платы и социальные гарантии;
- определение перечня ключевых навыков и компетенций, необходимых для успешной адаптации потенциальных работников к изменяющимся требованиям рынка труда.

Анализ будет основан на данных, полученных из различных источников, включая научные публикации, аналитические отчеты ведущих консалтинговых компаний, экспертные оценки, представленные признанными специалистами в области искусственного интеллекта и рынка труда, а также прогнозы развития рынка труда, разработанные надежными исследовательскими организациями.

Для проведения обстоятельного анализа влияния искусственного интеллекта на рынок труда, необходимо в первую очередь рассмотреть ключевые изменения и тенденции, сформировавшиеся в последние годы в современном мире. Особого внимания заслуживают значительные успехи, достигнутые в области машинного обучения. Именно эти достижения сделали возможным создание самообучающихся систем, способных к самостоятельной адаптации к меняющимся условиям и решению сложных задач.

Важно подчеркнуть, что сфера применения искусственного интеллекта непрерывно расширяется, охватывая такие инновационные области, как автоматизированное вождение транспортных средств, создание «умных» домов и городов, и даже разработку персонализированных методов лечения в медицине. Однако, наряду с огромным потенциалом, развитие искусственного интеллекта ставит перед обществом серьезные вызовы, касающиеся приватности данных, этических норм и социальных последствий. Это обусловлено самой природой искусственного интеллекта, которая предполагает сбор и анализ огромных объемов информации, что требует особого внимания к вопросам безопасности и конфиденциальности.

В настоящее время ведется активная работа по разработке нормативно-правовой базы, регулирующей развитие и применение искусственного интеллекта, в рамках различных международных организаций. Учитывая стремительное развитие искусственного интеллекта и его потенциальное влияние на различные сферы, необходимо учитывать как технологические аспекты, так и социальные и этические последствия.

Для формирования всестороннего представления о будущем искусственного интеллекта, включая краткосрочные и долгосрочные перспективы, в данной статье будет проанализировано, как именно будут эволюционировать технологии искусственного интеллекта и на какие области общественной жизни и рынка труда они окажут наибольшее воздействие.

Краткий обзор краткосрочных и долгосрочных тенденций развития искусственного интеллекта представлен в таблице 1. Важно понимать, что эти прогнозы не являются статичными и могут корректироваться по мере развития технологий. Ожидается, что растущий спрос на определенные навыки окажет значительное влияние на систему

образования. Ключевыми компетенциями будущего, вероятно, станут: технологическая грамотность, аналитическое мышление, креативность, инновационность, адаптивность и гибкость.

Таблица 1 - Перспективы развития искусственного интеллекта в краткосрочной и долгосрочной перспективе

Горизонт	Области развития	Прогнозируемые изменения
Краткосрочный (ближайшие годы)	Машинное обучение	Улучшение алгоритмов: большая эффективность, меньшая потребность в данных.
	Автономные системы	Расширение: рост числа систем, способных автономно выполнять сложные задачи.
	Обработка естественного языка (NLP)	Прогресс: лучшее понимание и генерация естественного языка, улучшение взаимодействия человека и машины.
Долгосрочный (10+ лет)	Общий искусственный интеллект (AGI)	Потенциальное создание AGI: ИИ способен выполнять любую интеллектуальную задачу, которую может выполнить человек.
	Интеграция в повседневную жизнь	Повсеместное проникновение: ИИ станет неотъемлемой частью работы, быта и образования.
	Безопасность и этика ИИ	Разработка механизмов: создание систем и методов для безопасной интеграции ИИ в повседневную жизнь, учёт этических аспектов.

Технологический прогресс, меняющий приоритеты на рынке труда, диктует необходимость радикальной реформы образования. Простого добавления новых дисциплин недостаточно, необходим комплексный подход, включающий разработку инновационных образовательных программ и методик, ориентированных на развитие технологической грамотности, аналитического мышления, креативности, инновационности, адаптивности и гибкости. Образовательные учреждения должны активно внедрять модульные программы, позволяющие студентам формировать индивидуальную траекторию обучения и приобретать знания и навыки, максимально соответствующие их интересам и карьерным планам. При этом, ключевым элементом обучения должно стать практическое применение полученных знаний. Лабораторные работы, стажировки в реальных компаниях, проектная деятельность - все это должно стать неотъемлемой частью образовательного процесса.

Наконец, важным условием успешной адаптации к меняющемуся миру является создание системы непрерывного образования и переподготовки, доступной для людей всех возрастов. Это позволит каждому работнику, независимо от его возраста и опыта, своевременно обновлять свои знания и навыки, оставаясь востребованным и конкурентоспособным на рынке труда. Государство и бизнес должны совместно инвестировать в создание и поддержку таких программ, обеспечивая их доступность и высокое качество.

Искусственный интеллект перестал быть футуристической концепцией и стремительно проникает в самые разнообразные сферы жизни и профессиональной деятельности. Его возможности и потенциал находят применение в отраслях, охватывающих широкий спектр задач, от автоматизации рутинных операций до решения сложных аналитических проблем. Чтобы получить наглядное представление о масштабах и разнообразии использования искусственного интеллекта, обратимся к таблице 2, которая демонстрирует перечень наиболее востребованных и активно развивающихся областей его применения. В данной таблице можно увидеть, как искусственный интеллект преобразует различные отрасли, повышая эффективность, оптимизируя процессы и открывая новые горизонты для инноваций.

Применение искусственного интеллекта охватывает широкий спектр задач, кардинально меняя подходы к решению различных проблем. В производственной сфере

искусственный интеллект играет ключевую роль в управлении роботами, работающими на конвейерах.

Таблица 2 - Направления использования искусственного интеллекта

Сфера применения	Примеры использования искусственного интеллекта	Преимущества применения искусственного интеллекта
Промышленность	- автоматизированные системы контроля качества продукции; - прогнозирование выхода из строя оборудования (предиктивное обслуживание); - роботизированная сборка и упаковка; - оптимизация логистики и цепочек поставок.	- сокращение времени простоя оборудования; - улучшение качества продукции; - повышение производительности и снижение затрат; - оптимизация использования ресурсов.
Здравоохранение	- диагностика заболеваний по изображениям (рентген, КТ, МРТ); - разработка лекарств и персонализированных методов лечения; - мониторинг состояния пациентов в реальном времени; - роботизированная хирургия; - виртуальные ассистенты для врачей и пациентов.	- более точная и быстрая диагностика; - улучшение ухода за пациентами; - разработка эффективных лекарств и методов лечения; - снижение риска врачебных ошибок; - повышение эффективности работы медицинского персонала.
Образование	- персонализированные программы обучения; - автоматическая проверка заданий и тестов; - чат-боты для ответов на вопросы студентов; - анализ успеваемости для выявления отстающих учеников; - создание интерактивных образовательных материалов.	- раннее выявление проблем в обучении; - снижение нагрузки на преподавателей; - повышение вовлеченности и мотивации студентов; - индивидуальный подход к каждому ученику; - улучшение качества образовательного процесса.
Финансы	- обнаружение мошеннических операций; - автоматизированная торговля на фондовом рынке; - оценка кредитных рисков; - чат-боты для обслуживания клиентов; - персонализированные финансовые консультации.	- повышение эффективности инвестиционных решений; - улучшение управления рисками; - более качественное обслуживание клиентов; - снижение финансовых потерь от мошенничества; - снижение операционных затрат.
Транспорт	- автономные транспортные средства (автомобили, грузовики, дроны); - оптимизация маршрутов и управление трафиком; - прогнозирование задержек; - обслуживание и ремонт транспорта на основе анализа данных; - системы помощи водителю.	- снижение затрат на топливо и обслуживание; - уменьшение заторов и выбросов в атмосферу; - повышение эффективности грузоперевозок; - снижение количества ДТП; - повышение комфорта и безопасности пассажиров.

Это обеспечивает повышение эффективности, ускорение производственных процессов и, что немаловажно, существенное снижение вероятности ошибок, присущих ручному труду. Помимо этого, искусственный интеллект внедряется в системы предиктивного обслуживания, где он анализирует данные, поступающие с датчиков

оборудования, для выявления потенциальных проблем. Такая система способна прогнозировать сроки необходимого обслуживания, что позволяет предотвращать неожиданные поломки и, как следствие, простои производства.

Не менее впечатляющи достижения искусственного интеллекта в области здравоохранения. Уже сегодня алгоритмы искусственного интеллекта помогают в диагностике заболеваний, анализируя изображения, полученные в результате таких исследований, как МРТ и КТ. Эта технология трансформирует промышленность, значительно повышая ее эффективность, а также здравоохранение, делая его более точным и персонализированным.

Искусственный интеллект преобразует финансовый сектор, анализируя рыночные данные в реальном времени и автоматически совершая торговые операции с высокой скоростью и точностью. Он также используется для оценки кредитоспособности потенциальных клиентов, учитывая множество факторов и минимизируя риски.

В сфере транспорта искусственный интеллект лежит в основе разработки самоуправляемых транспортных средств, открывая новые возможности для логистики и пассажирских перевозок. Он помогает оптимизировать маршруты доставки товаров, значительно сокращая время и затраты, а также эффективно управляет запасами на складах, обеспечивая оптимальный уровень запасов и снижая издержки.

Искусственный интеллект также оказывает значительное влияние на образование, помогая преподавателям и административному персоналу автоматизировать рутинные задачи, такие как ведение записей и составление расписаний. Кроме того, он способен разрабатывать индивидуализированные учебные планы и материалы, адаптированные к потребностям каждого ученика.

Эти примеры наглядно демонстрируют, как искусственный интеллект повышает эффективность, снижает временные и трудовые затраты, а также персонализирует услуги в различных сферах деятельности. Благодаря внедрению искусственного интеллекта отрасли могут преобразиться, получив мощный импульс для роста, инноваций и развития.

Автоматизация, особенно в сочетании с искусственным интеллектом, является мощным фактором, преобразующим рынок труда. В то время как некоторые профессии, связанные с рутинными и повторяющимися задачами, могут исчезнуть, появляются новые возможности, требующие других навыков и компетенций. Например, на производственных предприятиях роботы и автоматизированные системы вытесняют ручной труд, но одновременно создается потребность в специалистах, способных программировать, обслуживать и оптимизировать эти системы. Для эффективной работы в эпоху технологических изменений работники должны обладать гибкостью, стремлением к обучению и умением быстро адаптироваться к новым технологиям.

Структура занятости меняется под влиянием автоматизации и искусственного интеллекта. Это обусловлено замещением человеческого труда более эффективными технологиями. Кассиры и продавцы теряют рабочие места из-за распространения касс самообслуживания и роста онлайн-торговли. Бухгалтерские и аудиторские функции автоматизируются программным обеспечением. Операторы колл-центров становятся менее востребованными из-за внедрения чат-ботов и голосовых помощников на основе ИИ. Наконец, разработка автономных транспортных средств создает неопределенность для водителей такси и грузовиков, ставя под вопрос будущее их профессий.

Уязвимость некоторых профессий перед автоматизацией обусловлена рядом причин, включая повышенную эффективность, точность, безопасность и доступность автоматизированных систем. Автоматизация позволяет выполнять работу быстрее, дешевле, с меньшим количеством ошибок и в условиях, неприемлемых для человека. Тем не менее, автоматизация – это не только вызов, но и возможность. Она ведет к созданию новых рабочих мест в таких областях, как управление данными, программирование, системный анализ и техническое обслуживание, что подчеркивает важность переподготовки и адаптации к новым требованиям рынка труда. Искусственный интеллект, наряду с

опасениями по поводу сокращения рабочих мест, создает новые профессии, требующие глубоких знаний и специфических навыков.

Специалисты по машинному обучению разрабатывают сложные алгоритмы, позволяющие компьютерам учиться и адаптироваться к новым условиям без необходимости постоянного программирования. Инженеры данных обрабатывают и анализируют огромные объемы информации, выявляя закономерности и тенденции, которые помогают бизнесу принимать обоснованные решения. Этические эксперты занимаются анализом моральных и правовых аспектов, связанных с применением искусственного интеллекта, и разрабатывают рекомендации по его ответственному использованию. Специалисты по кибербезопасности применяют искусственный интеллект для обнаружения и предотвращения кибератак, а разработчики чат-ботов создают виртуальных ассистентов, которые автоматизируют обслуживание клиентов и решают различные задачи.

Помимо упомянутых профессий, востребованы специалисты по управлению роботами, отвечающие за обслуживание и эксплуатацию роботизированных систем, а также консультанты по цифровой трансформации, помогающие компаниям интегрировать искусственный интеллект в бизнес-процессы. Нельзя забывать и об исследователях в области искусственного интеллекта, занимающихся фундаментальными исследованиями и разработкой новых алгоритмов. Для успешной работы в этих сферах необходимы навыки программирования, статистики, анализа данных, понимания машинного обучения, критического мышления и решения сложных проблем. Образовательные учреждения и программы переподготовки играют важную роль в подготовке квалифицированных кадров. При этом, постоянное обучение и развитие крайне важны, учитывая динамичное развитие технологий искусственного интеллекта.

Практические примеры влияния искусственного интеллекта на различные сферы можно найти в таблице 3. В ней представлены кейсы с подробным описанием внедрения искусственного интеллекта и его влияния на каждую сферу деятельности.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что искусственный интеллект вносит весомый вклад в каждую отрасль. Основная польза заключается в автоматизации, которая значительно упрощает и ускоряет рабочие процессы.

Внедрение автоматизации и новых технологий в производство и другие отрасли создает ряд этических вызовов, связанных с заменой человеческого труда машинами. Эти вопросы требуют тщательного изучения и поиска решений для смягчения потенциальных негативных последствий для общества и рынка труда.

Одной из наиболее серьезных проблем является потеря рабочих мест, особенно для тех, кто выполняет рутинные и повторяющиеся задачи. Это требует переосмысления роли человека в производственном процессе и адаптации к новым условиям рынка труда. Кроме того, автоматизация может привести к увеличению неравенства, создавая больше возможностей для тех, кто обладает необходимыми навыками, и ограничивая перспективы для тех, кто их не имеет. Поэтому важно обеспечить равный доступ к образованию и переподготовке, чтобы все члены общества могли воспользоваться преимуществами новых технологий.

При использовании автоматизированных систем важно обеспечить прозрачность и ответственность. Необходимо разработать четкие правила и стандарты, которые регулируют применение этих систем, гарантируя их открытость и подотчетность перед обществом. Это поможет минимизировать риски и предотвратить злоупотребления. Создание этических норм и законодательства, регулирующего использование автоматизации и искусственного интеллекта, является важной частью решения этих проблем. Эти нормы должны защищать интересы человека и обеспечивать соблюдение моральных и юридических стандартов при внедрении новых, чтобы обеспечить этическое и справедливое использование технологий.

Комплексный и всесторонний подход позволит успешно интегрировать автоматизацию в общество, сохраняя уважение к человеческому труду и обеспечивая устойчивое развитие для всех.

Таблица 3 - Практическое применение искусственного интеллекта

Название сферы	Влияние искусственного интеллекта	Результаты влияния на сферу и занятость	Примеры применения
Промышленность	Автоматизация производственных процессов	- сокращение числа рабочих мест (особенно рутинных); - значительное повышение производительности; - изменение требуемых навыков от работников (акцент на технические и аналитические навыки); - создание новых рабочих мест, связанных с разработкой, внедрением и обслуживанием ИИ-систем; - необходимость переподготовки и обучения кадров.	1. Автомобильная промышленность: роботизированная сборка и покраска автомобилей. 2. Электроника: ускоренная сборка электронных компонентов. 3. Фармацевтика: точное дозирование и автоматизированная упаковка лекарственных средств.
Сфера обслуживания и услуг	Автоматизация и оптимизация клиентского сервиса и логистики	- автоматизация клиентского сервиса (чат-боты, виртуальные помощники); - персонализация предоставляемых услуг на основе анализа данных клиентов; - оптимизация управления запасами и складским хозяйством; - улучшение логистики и сокращение времени доставки; - создание новых рабочих мест в области разработки и поддержки ИИ-решений; - необходимость переподготовки сотрудников для работы с новыми технологиями.	1. Розничная торговля: кассы самообслуживания, системы анализа покупательского поведения. 2. Доставка: оптимизация маршрутов и сокращение времени доставки с помощью ИИ-систем. 3. Онлайн-торговля: персонализированные рекомендации товаров на основе истории покупок и просмотров.
Медицина	Автоматизация диагностики и персонализация лечения	- развитие персонализированной медицины на основе анализа генетической информации; - внедрение виртуальных помощников для пациентов и врачей; - автоматизация и повышение точности диагностики заболеваний (анализ медицинских изображений); - создание новых рабочих мест в области разработки и внедрения медицинских ИИ-систем; - необходимость переподготовки медицинского персонала для работы с новыми технологиями; - появление новых медицинских специализаций, связанных с ИИ.	1. Автоматизированное распределение и дозировка лекарственных средств в зависимости от состояния пациента. 2. Персонализированная медицина: разработка индивидуальных планов лечения на основе генетического анализа пациентов. 3. Диагностика заболеваний: автоматизированный анализ рентгеновских снимков, КТ и МРТ для выявления патологий.

Распространение искусственного интеллекта вызывает масштабные социальные изменения: трансформируется рынок труда, меняются требования к образованию, улучшается качество жизни, но возрастает риск социального неравенства. ИИ влияет на межличностные отношения и ставит вопросы об автономии. Адаптация требует активного участия всех заинтересованных сторон, разработки стратегий для справедливого распределения выгод и защиты от рисков. В конечном итоге, искусственный интеллект

представляет собой возможность для построения более справедливого и процветающего общества, но только при ответственном подходе.

Список использованных источников

1. Абдурахманов К.Х. Трансформация рынка труда в условиях внедрения искусственного интеллекта // Экономика труда. — 2023. — №2. — С. 227–246.
2. Александрова И.П., Петров С.В. Искусственный интеллект и новые требования к квалификации работников: вызовы и возможности // Вестник цифровой экономики. — 2024. — №1. — С. 45–62.
3. Белов А.А., Смирнова Е.Г. Влияние генеративного ИИ на рынок труда в креативных индустриях // Креативная экономика. — 2024. — Т. 18, №2. — С. 78–95.
4. Вертакова Ю.В., Клевцова Е.А. Роль искусственного интеллекта в изменении структуры занятости и развитии новых форм трудовых отношений // Экономика труда. — 2023. — Т. 10, № 12. — С. 1777–1790.
5. Зубкова Е.И., Слинкова А.С. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда и занятость населения // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. — 2023. — № 4 (148). — С. 158–167.
6. Иванов А.Б. Влияние искусственного интеллекта на трудовые процессы // Современные технологии и экономика. — 2023. — Т. 12, №4. — С. 45–61.
7. Серебренникова М.А., Куликова Е.С. Аспекты цифровизации кадровой работы на государственной службе // Столыпинский вестник. — 2022. — Т. 4, №6.

Сведения об авторах

Шагабутинова Лиана Магомедовна - старший преподаватель кафедры «Бухучет-2» ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства». E-mail: karamel1307@mail.ru

UDC 316.422.44

TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET AND PROFESSIONS UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Shagabutinova L.M.

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala

The basis of any professional activity is the desire for maximum efficiency: achieving the desired result and making a profit with optimal use of resources. This trend is traced in all areas of public life, which is due to the fundamental goal of mankind - the satisfaction of growing needs and the creation of a comfortable habitat. That is why the development and implementation of advanced technologies aimed at simplifying and optimizing processes are a key factor in development. A striking example of the penetration of artificial intelligence into everyday life is the Internet that provides unprecedented access to global information and the possibility of instant data exchange at a distance. In the labor market, this led to revolutionary changes. The ability to work effectively with information, competently formulate requests and quickly master innovative technologies has become a key competitive advantage. On the one hand, automation and implementation of artificial intelligence led to increased competition and reduction of jobs where human labor has become less popular. On the other hand, there was a need for personnel that could effectively interact with artificial intelligence, analyze the data obtained with its help, and make strategic decisions based on this information.

Keywords: artificial intelligence, labor market, automation, human resources, optimization of business processes, confidentiality, technological progress.

References

1. Abdurakhmanov K.Kh. Transformation of the labor market in the context of the introduction of artificial intelligence // Labor Economics. - 2023. - No. 2. - S. 227–246.
2. Alexandrova I.P., Petrov S.V. Artificial intelligence and new requirements for employee qualifications: challenges and opportunities // Bulletin of the digital economy. - 2024. - No. 1. - S. 45–62.

3. Belov A.A., Smirnova E.G. The influence of generative AI on the labor market in creative industries // Creative Economics. - 2024. - T. 18, No. 2. - S. 78–95.
4. Vertakova Yu.V., Klevtsova E.A. The role of artificial intelligence in changing the structure of employment and the development of new forms of labor relations // Labor Economics. - 2023. - T. 10, No. 12. - S. 1777–1790.
5. Zubkova E.I., Slinkova A.S. The influence of artificial intelligence on the labor market and employment of the population // Bulletin of REU named after G.V. Plekhanova. - 2023. - No. 4 (148). -S. 158-167.
6. Ivanov A.B. The influence of artificial intelligence on labor processes // Modern technologies and economics. - 2023. - T. 12, No. 4. - S. 45–61.
7. Serebrennikova M.A., Kulikova E.S. Aspects of digitalization of personnel work in the public service // Stolypinsky Bulletin. - 2022. - T. 4, No. 6.

Author's information

Shagabutinova Liana Magomedovna - Senior Lecturer at the Accounting-2 Department of the Dagestan State University of National Economy, contact phone 8-989-442-76-56, e-mail: karamel1307@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7(075.8)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР
КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Гостенина В.И., Лифанова Т.Е., Райц В.Е.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальная проблема молодежных субкультур как неотъемлемой части современного социально-культурного ландшафта. Авторы рассматривают функции субкультур: обеспечение социализации, локализация протеста, стимулирование культурного разнообразия и инноваций. В то же время в статье показаны и риски (маргинализация, конфликты). Авторы полагают, что изучение субкультур в молодежной среде критически важно для понимания динамики современного общества и механизмов формирования групповой идентичности. В статье исследованы понятие, виды и история возникновения субкультур. Авторы считают, что субкультура — это устойчивая подсистема в рамках доминирующей культуры, объединяющая группы людей (чаще молодежи) на основе специфических ценностей, норм, стиля жизни, символики и практик, отличающихся от общепринятых; субкультура возникает как реакция на социальные, экономические или культурные изменения, потребность в самовыражении, протесте или поиске идентичности вне магистрального общества. Современное общество, при всей своей сложности и устойчивости, оказывается уязвимым перед вызовами, исходящими от агрессивных молодежных субкультур. Их деятельность не сводится лишь к маргинальным выходкам; она порождает глубокие и многомерные угрозы, способные подтачивать фундаментальные основы общежития, поэтому проведено социологическое исследование, на основе которого сделаны выводы о негативных и позитивных сторонах молодежных субкультур. Авторами даны рекомендации по устранению угроз с помощью социальных технологий.

Ключевые слова: субкультура, молодежь, риски, агрессия, социологическое исследование, социальные технологии.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-47-61

Актуально рассмотрение вопросов, связанных с понятием «субкультура», которое широко используется сегодня как научный термин (в культурологии, социологии, психологии), как инструмент в педагогической практике и как элемент самоидентификации молодежи. На сегодняшний день выделяют две ключевые трактовки понятия «субкультура»: расширительную (широкую) и ограничительную (узкую). В широком смысле «субкультура» — это культурные особенности любой группы, выделяющейся внутри национальной культуры и обычно объединенной каким-либо социальным признаком: этническим происхождением (русские эмигранты в США, коренные народы, живущие на территории России), религией (католики или православные христиане в протестантском обществе), профессией (врачи, летчики, военные и т.д.), возрастом (дети, пенсионеры) — или совокупностью таких признаков [1].

В качестве рабочего мы примем узкое определение «субкультуры», как наиболее релевантное для научно-методологических основ социальной работы с представителями субкультур применительно к молодежи как страте: «Молодежная субкультура - это эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя; это «элитарная» культура, нацеленная на включение молодых людей в общество; это - частичная культурная подсистема внутри системы «официальной», базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет (то есть мировосприятие, умонастроение) ее носителей» [1].

2010-ые запомнились взрывным разнообразием и сильным западным влиянием. Доминировала эстетика хипстерства: урбанистический стиль (бороды, очки-велосипеды, винтаж), культ локальной еды и кофе, инди-музыка, велосипеды и коворкинги [8; 9]. Расцвели блогерство и стриминг, породив целую экосистему молодых медиа-звезд и их поклонников. Возродился интерес к рэп-культуре, превратившейся из андеграунда в мощный

мейнстримный тренд с огромными концертами и социальным посылом. Появились и нишевые движения: киберпанк/пост-апокалипсис с характерным стилем, паблики ВКонтакте (типа «Подслушано»), формировавшие особый язык и юмор [10]. Общий дух эпохи – открытость миру, эксперименты с идентичностью, вера в силу комьюнити и медиа, смесь эскапизма с мягким социальным протестом. Субкультуры были хорошо видны в городской среде и онлайн.

Начало 20-ых годов резко изменило ландшафт. Пандемия COVID-19 нанесла удар по офлайн-жизни, загоняя общение в онлайн [18] и усиливая изоляцию. Затем специальная военная операция и геополитическая изоляция привели к массовому оттоку части активной молодежи и творческой интеллигенции, закрытию многих независимых медиа и культурных площадок, ужесточению законодательства и общественной атмосферы. Это вызвало глубокую фрагментацию субкультурного поля. Видимые уличные субкультуры значительно ослабли. На первый план вышел гиперонлайн, особенно TikTok-культура с ее челленджами, микротрендами и быстрой сменой контента. Возникли «сообщества по интересам» – не столько субкультуры в классическом смысле, сколько узкие цифровые тусовки вокруг игр (Genshin Impact), аниме, крипты, DIY-проектов или даже курсов по профессиям. Уцелевшие активистские группы ушли в глухое подполье или переформатировались в менее заметные форматы взаимопомощи. Появился запрос на «новую искренность» и психологию (как реакция на стресс). В мейнстриме усилились патриотические и традиционалистские молодежные движения, поддерживаемые государством («Большая Перемена», «Движение Первых»). В целом, преобладает прагматизм: фокус на карьере, образовании, психологическом выживании и цифровом самовыражении, часто аполитичном [15]. Субкультуры стали менее заметными физически, более разрозненными и зависимыми от цифровых платформ [19].

При сравнении двух десятилетий видна радикальная трансформация. 2010-е были эпохой относительной открытости, экспансии и визуальной яркости. Субкультуры активно формировали публичную сферу, вдохновлялись глобальными трендами, экспериментировали с идентичностью и социальными вопросами, часто в игровой или эстетизированной форме. 2020-ые стали временем вынужденной консолидации, фрагментации и ухода в цифровое подполье. Внешние шоки (пандемия, геополитика) резко сузили пространство для публичной субкультурной жизни. Глобальное влияние сменилось изоляцией, экспрессивность – прагматизмом и осторожностью, видимые уличные сообщества – разрозненными онлайн-тусовками и государственно-патриотическими проектами [5; 6].

Субкультуры, рассматриваемые в социальной работе, могут быть классифицированы по разным критериям: по отношению к основной культуре (просоциальные, асоциальные, антисоциальные); по типу интересов (музыкальные, спортивные, арт-субкультуры и т.д.); по направлению (анархо-нигилистические, развлекательно-гедонистические, романтико-эскапистские) и другим. Эта классификация помогает структурировать понимание, но, чтобы по-настоящему работать с представителями этих групп, социальному работнику важно осознавать, почему они возникают. История возникновения субкультур напрямую связана с этими классификационными признаками: они рождаются как ответы на социальные, экономические, технологические или культурные вызовы своего времени. Например, протестные (антисоциальные/анархо-нигилистические) субкультуры часто возникают в периоды острых социальных конфликтов или ощущения несправедливости (панки в 70-е), тогда как романтико-эскапистские (хиппи, толкиенисты) — как реакция на избыточный рационализм или политическую напряженность, предлагая уход в мир идеалов или фантазий. Понимание этих исторических корней позволяет увидеть мотивы и потребности, стоящие за внешними признаками субкультуры [11; 17].

История появления молодежных субкультур в российской действительности начинается с эпохи СССР. Одним из первых проявлений данного направления стали «стиляги» (самоназвание – «штатники») (конец 40-х годов XX века), идейным ядром

субкультуры стали такие музыкальные направления, как джаз и рок-н-рол, что противоречило официальной политике в области молодежной культуры. Стиляг отличала аполитичность, цинизм в суждениях, отрицательное отношение к определенным нормам советской морали.

В период 1960-х – 1970-х годов на территорию Советского Союза проникает и начинает распространяться субкультура, известная под названием «хиппи» (термин происходит от английского *hippy* или *hippie*, корни которого, в свою очередь, восходят к разговорным словам *hip* или *her*, означающим «понимающий, знающий» или «посвященный»). Это молодежное движение, изначально зародившееся в Соединенных Штатах Америки, принесло с собой радикально иную систему ценностей. Его последователи активно пропагандировали идею возвращения к естественной гармонии и чистоте человеческих отношений. Главными инструментами для достижения этой цели они провозглашали всеобъемлющую любовь и ненасилие, то есть пацифизм, а также абсолютную личную и социальную свободу. Самый известный лозунг хиппи «*Make love, not war*» (в переводе «Занимайтесь любовью, а не войной») ярко выражал их пацифистскую и гедонистическую философию. Однако основополагающий принцип движения – безграничная свобода личности и отказ от традиционных социальных рамок – вступал в непримиримое противоречие и создавал резкий контраст с господствующей в СССР жесткой государственной идеологией марксизма-ленинизма. Эта идеология основывалась на коллективизме, строгой дисциплине, подчинении личных интересов общественным и активном участии в строительстве коммунизма под контролем партии, что делало ценности хиппи не просто чуждыми, но и глубоко враждебными официальной советской системе.

В 2000-е годы в молодежной культуре происходят значительные изменения. Выросло количество субкультурных групп, объединенных новыми, иногда необычными, видами деятельности, такими как ролевые игры, файер-шоу, фотокросс, паркур, стрит-данс, граффити, пейнтбол и т.д.

Исторически субкультуры появлялись в периоды трансформаций (послевоенные годы, конец XX века), часто в городской среде и с развитием новых медиа/технологий. Их виды чрезвычайно разнообразны: от музыкальных (хиппи, панки, рэперы) и спортивных (скейтеры, ББ-бойцы) до интернет-сообществ (киберпанк, гики), криминальных (гопники) и этнических групп. Каждая субкультура вырабатывает уникальные культурные коды (сленг, мода, музыка, артефакты), маркирующие принадлежность.

Понимание причин возникновения субкультур требует обращения к ключевым теоретическим концепциям. Одной из ранних и влиятельных концепций является структурно-функционалистский подход, наиболее ярко представленный работами Альберта Козна. Козн, изучая подростковую делинквентность, предложил теорию статусной фрустрации и коллективных решений. Он утверждал, что субкультуры возникают прежде всего среди молодежи из низших социальных слоев, которые испытывают фрустрацию из-за невозможности достичь общепризнанных целей (успех, богатство, статус) институционализированными средствами (образование, карьера) в силу структурного неравенства. В ответ на это чувство неудачи и низкий статус группы создают собственные альтернативные системы ценностей и статусные иерархии, где поощряется поведение, осуждаемое доминирующей культурой (например, дерзость, вандализм, неподчинение). Таким образом, субкультура предоставляет своим членам замену общепринятым целям и средствам, давая чувство принадлежности и уважения в своей среде через отрицание господствующих норм. Субкультура здесь выступает как коллективный ответ на структурное давление [7].

Конфликтологические теории, особенно развитые в рамках Бирмингемской школы культурных исследований (CCCS), сместили акцент на вопросы власти [16], идеологии и сопротивления. Ученые Стюарт Холл, Тони Джефферсон и Дик Хэбдидж рассматривали послевоенные молодежные субкультуры (моды, панки, тедди-бои, скинхеды) в Великобритании как формы символического сопротивления господствующему социальному

порядку и культурной гегемонии. Субкультуры интерпретировались как попытки рабочего класса, особенно молодежи, разрешить структурные противоречия (классовые, расовые, поколенческие), с которыми они сталкивались, через стиль. Их специфические практики – музыка, одежда, сленг, ритуалы – понимались как «символические побеги», как попытки магическим образом разрешить неразрешимые на практике проблемы или выразить коллективную идентичность, отличную от навязываемой. Субкультурный стиль был как семиотическая битва, «нарушение смысла», бросающее вызов доминирующим кодам через практики бриколажа (создания нового из обломков доминирующей культуры). Возникновение субкультур связывалось с кризисами, усилением социального контроля и поиском способов выражения групповой автономии.

Развитием и критикой подхода CCCS стала концепция нео-племен (или пост-субкультур), предложенная Мишелем Маффесоли. Он утверждает, что в условиях позднего модерна (постмодерна) традиционные, жестко структурированные классовые субкультуры уступают место более эфемерным, текучим и эмоционально-ориентированным социальным образованиям – «нео-племенам». Эти группы основаны не столько на общности социального положения или идеологии сопротивления, сколько на совместных аффективных переживаниях, стиле жизни и временных привязанностях (например, участники фестивалей, клубные тусовки, спортивные фанаты). Возникновение таких образований связано с фрагментацией идентичности, ослаблением традиционных социальных связей (класс, семья) и поиском новых форм социальности и «чувства общности» в индивидуализированном обществе. Акцент смещается с сопротивления на совместное переживание «эмоциональной общности» в определенных местах и в определенное время. Эта теория подчеркивает временный и ситуативный характер многих современных субкультурных объединений.

Пьер Бурдьё внес значительный вклад пониманием роли культурного капитала и габитуса [4]. С его точки зрения, субкультуры можно рассматривать как поля, в которых формируются и отстаиваются специфические формы культурного капитала (знания, навыки, вкусы, стиль), отличные от легитимированных доминирующей культурой. Членство в субкультуре и освоение ее кодов позволяет аккумулировать этот особый капитал, конвертируемый в статус и признание внутри группы. Габитус членов субкультуры – система диспозиций, формируемая их социальным происхождением и опытом, – предрасполагает их к восприятию и воспроизводству именно этих субкультурных практик и вкусов. Субкультуры возникают как пространства, где альтернативный культурный капитал получает признание и ценность, предлагая путь к социальному отличию (дистинкции) тем, кто исключен или маргинализирован в борьбе за доминирующие формы капитала. Таким образом, их появление связано с социальной дифференциацией и борьбой за символическое признание.

Современные исследователи также подчеркивают роль медиа и технологий не просто как каналов распространения, но как конституирующих факторов в возникновении и эволюции субкультур [12; 14]. Интернет, социальные сети, нишевые медиаплатформы позволяют формироваться сообществам на основе общих интересов независимо от географической локации, ускоряют обмен символами и практиками, делают субкультурную идентичность более гибкой и фрагментированной [2; 3]. Цифровая среда способствует как глобализации стилей, так и локализации микросообществ. Теории возникновения теперь должны интегрировать анализ того, как цифровые платформы создают инфраструктуру для новых форм субкультурной организации и идентичности.

Анализ теоретических подходов к возникновению субкультур позволяет выявить их принципиальную многомерность. Исследователи сходятся в том, что субкультуры формируются как коллективный ответ на определенные социальные условия, но расходятся в понимании движущих сил и механизмов этого процесса.

Ключевые объяснительные модели выделяют разные аспекты. Одна группа теорий акцентирует внимание на структурном давлении и адаптации: субкультуры возникают как альтернативные системы ценностей и статусов для групп, испытывающих фрустрацию или

исключение из доминирующих социальных структур, предлагая новые пути достижения признания и солидарности. Другие концепции делают упор на символическом сопротивлении и конфликте, интерпретируя субкультурные практики (стиль, ритуалы) как форму выражения групповой идентичности, отличной от навязываемой, и как способ магического разрешения структурных противоречий общества. Третье направление подчеркивает поиск общности и эмоциональной связи в условиях фрагментации современной жизни, рассматривая субкультуры как эфемерные «племена», основанные на общих аффективных переживаниях и стиле жизни, а не на жесткой идеологии. Отдельно рассматривается роль культурного капитала и социального позиционирования, где субкультура выступает как поле накопления и реализации специфических знаний, вкусов и практик, конкурирующих с доминирующими.

Таким образом, возникновение субкультур не сводится к единой причине. Это сложный процесс, детерминированный взаимодействием макросоциальных факторов (неравенство, кризисы, культурная гегемония), потребностями индивидов в идентичности, признании и автономии, а также возможностями для коммуникации и формирования сообществ. Понимание этих разнообразных теоретических перспектив является фундаментальным для осмысления места и функций субкультур в динамике общественного развития.

Современный социальный ландшафт немислим без пестрого многообразия молодежных субкультур. Однако за внешней атрибутикой и стремлением к обособленности некоторых из них скрывается не просто бунт или поиск идентичности, а активная деструктивная программа [13]. Речь идет об агрессивных молодежных субкультурах – специфических сообществах, для которых культивирование насилия, ненависти, ксенофобии и открытого противостояния общественным нормам и закону становится не побочным эффектом, а ядром их идеологии и практики. Эти группировки трансформируют внутреннюю групповую солидарность в агрессию вовне, направленную на социальные институты, иные группы населения или просто случайных людей. Их деятельность давно перестала быть маргинальным феноменом, представляя собой реальную и многогранную угрозу для безопасности граждан, общественного порядка, психологического климата в обществе и его базовых гуманистических ценностей. Идеология превосходства, оправдание жестокости, пропаганда экстремистских взглядов и прямое участие в актах вандализма или насилия – вот лишь видимые вершины айсберга. Гораздо опаснее может быть их скрытое, разъедающее влияние: нормализация ненависти, эрозия эмпатии, вовлечение психологически уязвимой молодежи в сети радикализации, где чувство принадлежности подменяется готовностью к разрушению. В условиях социальной напряженности, кризисов идентичности и взрывного роста возможностей цифровой коммуникации, облегчающих вербовку и координацию, проблема агрессивных субкультур приобретает особую остроту. Необходимо подвергнуть детальному анализу саму природу этой угрозы: исследовать истоки и идеологические основы подобных сообществ, механизмы вовлечения и манипуляции сознанием молодежи, спектр их деструктивных проявлений и, что критически важно, оценить масштаб и глубину воздействия этих субкультур на ткань современного общества. Понимание этой опасности – первый и необходимый шаг к поиску эффективных путей ее нейтрализации.

Первой и наиболее очевидной гранью этой опасности выступает деструктивность. Это не просто склонность к разрушению, а системное культивирование насилия как нормы взаимодействия, как способа самоутверждения и решения проблем. Агрессия направляется вовне – на представителей иных групп, случайных прохожих, символы общественного порядка или частную собственность. Физическое насилие, акты вандализма, запугивание становятся рутиной (жертвы драк с тяжелыми травмами, оскверненные мемориалы, разгромленные остановки общественного транспорта). Параллельно идет разрушение личности самого участника: деформация системы ценностей, эрозия эмпатии, привыкание к жестокости, усвоение идеологий ненависти (ксенофобия, расизм, религиозная

нетерпимость). Эта внутренняя деструкция неизбежно ведет к криминализации – вовлечению в грабежи, разбои, распространение запрещенных веществ, деятельность, санкционированную организованными преступными группами (молодые люди с реальными уголовными сроками за экстремизм или тяжкие насильственные преступления). В итоге, деструктивность оставляет за собой шлейф физических и психологических травм, материального ущерба и исковерканных судеб.

Второй пласт угрозы – социальная дестабилизация. Агрессивные субкультуры действуют как фактор, постоянно раскачивающий лодку общественного спокойствия. Их присутствие и активность создают атмосферу перманентной напряженности и страха, особенно в локальных сообществах, где они базируются. Родители боятся отпускать детей вечером, жители определенных районов чувствуют себя незащищенными (постоянное чувство тревоги у жителей района, где орудует группировка, отказ пожилых людей выходить из дома после нападений). Открытые столкновения с другими группировками или с силами правопорядка, спровоцированные конфликты на почве межгрупповой ненависти – все это дестабилизирует общественный порядок, перегружает правоохранительную систему, подрывает доверие граждан к способности государства обеспечивать базовую безопасность (массовые драки на национальной почве, спровоцированные субкультурными группировками, регулярные столкновения с полицией во время «сходок»). Ксенофобская и экстремистская риторика [13], активно распространяемая такими сообществами, особенно в онлайн-среде, становится катализатором социальных конфликтов, углубляет расколы по этническому, религиозному или идеологическому признаку, создавая питательную среду для более масштабных социальных потрясений (всплеск националистических настроений среди молодежи, рост числа зафиксированных преступлений на почве ненависти, связанных с членами субкультур).

Третья угроза, не менее опасная, – социальная дезинтеграция. Агрессивные субкультуры функционируют как мощные центробежные силы. Они сознательно противопоставляют себя «системе», основному обществу, его ценностям и институтам. Главная цель – не просто обособление, а создание замкнутых анклавов, живущих по своим, часто антисоциальным, законам. Участники таких групп активно разрывают или ослабляют связи с традиционными агентами социализации: семьей (конфликты с родителями, уход из дома), школой или вузом (прогулы, отчисление за асоциальное поведение), позитивными молодежными сообществами. Внутри субкультуры формируется жесткая групповая солидарность, основанная на лояльности «своим» и враждебности к «чужим», что заменяет более широкие социальные связи (молодой человек полностью разрывает отношения с семьей, подчиняясь правилам группировки; отказ от общения со старыми друзьями, не входящими в субкультуру). Это ведет к глубокой изоляции участников от общества, потере навыков конструктивного взаимодействия за пределами своей группы. Более того, сама идеология таких субкультур направлена на подрыв базовых общественных ценностей: толерантности, уважения к закону, человеческого достоинства, диалога. Происходит эрозия социального капитала, разрушаются невидимые нити, связывающие людей в единое общество (утрата доверия между разными социальными и этническими группами в городе из-за деятельности националистических банд; молодежь, не видящая ценности в законопослушной жизни и общественном согласии).

Наконец, четвертая угроза – дисфункция. Она проявляется на двух уровнях. На уровне общества агрессивные субкультуры представляют собой социальную патологию, мешающую нормальному функционированию общественного организма. Энергия и потенциал значительной части молодежи, вместо того чтобы направляться на созидание, обучение, профессиональное становление, реализацию творческих идей, поглощаются деструктивной деятельностью в рамках субкультуры (талантливый подросток бросает учебу и спорт ради «служения» группировке; молодые люди тратят время и силы на планирование акций вандализма вместо поиска работы или саморазвития). Это приводит к воспроизводству маргинальности, хроническому социальному неблагополучию, росту нагрузки на

социальные службы и пенитенциарную систему. На индивидуальном уровне дисфункция выражается в катастрофической деформации жизненного пути молодого человека. Участие в агрессивной субкультуре блокирует нормальное психосоциальное развитие, формирование здоровой взрослой идентичности, приобретение необходимых для жизни в обществе навыков и компетенций. Разрушаются образовательные и карьерные перспективы, накапливается негативный опыт (конфликты с законом, судимости), формируется искаженное восприятие реальности и отношений (молодой человек с высшим образованием не может устроиться на работу из-за криминального прошлого в субкультуре; выпускник школы с выжженной от насилия и ненависти душой, неспособный к эмпатии и построению здоровых отношений). Вместо интеграции в общество как полноценного и ответственного гражданина происходит глубокая социальная дезадаптация, последствия которой могут сказываться годами, а иногда и всю жизнь, превращая потенциально полезного члена общества в его обузу или прямую угрозу.

Агрессивные молодежные субкультуры - это не просто бунт против общества, а реальная и серьезная проблема для всего социума. С ней нужно бороться профессионально и точно. Часто молодые люди попадают в эти группы, когда теряют себя, ищут, где почувствовать себя своими, или злятся из-за несправедливости вокруг.

Чтобы по-настоящему снизить эти угрозы, нужно работать с причинами. Работать с самими молодыми людьми, которые уже внутри этих опасных сообществ или на грани вступления. Именно здесь на первый план выходят технологии социальной работы. Их главная задача – предложить выход из тупика злобы и насилия. Как? Через индивидуальную поддержку, групповую работу, помощь психолога, программы возвращения к нормальной жизни (ресоциализацию) и меры, чтобы другие не попали в эту ловушку (профилактику).

Работа с молодежью, затронутой влиянием агрессивных субкультур, требует особого подхода, учитывающего их специфику: часто недобровольный статус клиентов, глубокие личностные кризисы, сильную зависимость от групповой идентичности и возможную криминализацию. Основываясь на ключевых направлениях социальной работы, арсенал технологий здесь фокусируется на нескольких взаимосвязанных уровнях.

Индивидуальная социальная работа выступает фундаментом, направленным на помощь конкретному молодому человеку. Ее цель – помочь ему осознать мотивы своего пребывания в субкультуре, оценить последствия этого выбора и наметить альтернативный жизненный путь. Начинается все с глубокой социальной диагностики – тщательного изучения ситуации клиента. Специалист использует такие методы, как проективное интервью, чтобы понять корни вовлечения, оценить семейный фон, психологическое состояние и правовые риски. Особую сложность представляют недобровольные клиенты – те, с кем соцработник сталкивается по направлению от комиссий по делам несовершеннолетних, полиции или специальных учреждений. Важнейший инструмент – социальное консультирование, где специалист предоставляет жизненно важную социально-правовую и социально-психологическую информацию, помогая представителю агрессивной молодежной субкультуры разобраться в своих чувствах и мотивах. Осторожно, но эффективно может использоваться интерпретация и конфронтация: специалист мягко помогает клиенту увидеть противоречия между его декларируемыми ценностями (например, «группа – это моя настоящая семья») и реальными последствиями его действий (потеря связи с биологической семьей, угроза тюремного срока). Успешная конфронтация может перерасти в самоконфронтацию, когда клиент сам начинает искать и анализировать свои противоречия, что открывает путь к более глубоким терапевтическим беседам. Завершающим этапом индивидуальной работы часто становится планирование интеграции в позитивную группу.

Групповая социальная работа дополняет индивидуальную, воздействуя на саму динамику межличностных отношений. Ее задача – изменить групповые нормы, развить навыки конструктивного взаимодействия и поддержать отказ от деструктивных паттернов. Центральное место здесь занимают терапевтические группы, специально созданные для бывших участников агрессивных субкультур или молодежи из группы риска. В безопасной

атмосфере таких групп участники учатся развивать эмпатию, осваивают техники ненасильственного общения и разрешения конфликтов, критически переосмысливают идеологию и практики своей прошлой среды, ищут новую идентичность и находят взаимную поддержку в процессе изменений. Крайне важным направлением является работа с семьями как с естественными группами, ведь семья – ключевой ресурс для ресоциализации. Здесь применяется метод семейных советов, часто через подготовленного посредника (доверенное лицо семьи или самого социального работника). Посредник помогает семье организовать конструктивное обсуждение проблем, не навязывая решений, а стимулируя диалог. Это позволяет выявить семейные ресурсы для поддержки клиента, обнаружить деструктивные паттерны внутри семьи, влияющие на его поведение, и оценить влияние терапии (например, посредник помогает наладить диалог между родителями и подростком (представителем агрессивной молодежной субкультуры), найдя общие цели, вроде получения образования). Более глубокий уровень – семейная терапия, работающая со всей семейной системой как единым организмом.

Помимо работы с уже сложившимися ситуациями, критически важны технологии, ориентированные на конкретные оперативные цели. Социальная профилактика нацелена на предотвращение самого вовлечения в агрессивные среды, особенно среди молодежи из групп риска (подростки из неблагополучных семей, с низкой учебной мотивацией, жертвы травли). Эффективно работают социальное консультирование и патронаж, который обеспечивает раннее выявление проблем и адресную поддержку.

Для тех, кто уже прошел через опыт деструктивной группы, незаменима социальная реабилитация. Ее задача – помочь восстановить утраченные социальные связи, навыки, статус и минимизировать нанесенный ущерб (психологический, социальный).

В особых случаях, когда молодой человек из-за раннего и глубокого вовлечения фактически не имел опыта нормальной социализации, может потребоваться социальная абилитация – формирование с нуля базовых социальных навыков (коммуникация, эмпатия, понимание норм) и просоциальной идентичности, в основном через психолого-социальные методы. Непрерывную поддержку и контроль обеспечивает социальное сопровождение и патронаж, особенно для клиентов высокого риска или находящихся в активной фазе реабилитации. Это включает постановку на учет, регулярные визиты по месту жительства/учебы, оказание разносторонней помощи (от материальной до посреднической) и сопровождение в сложных ситуациях (встречи с бывшими соратниками, взаимодействие с госструктурами).

Таким образом, для эффективной поддержки представителей агрессивных субкультур ключевое значение имеют конкретные социальные услуги, интегрированные в общую стратегию работы. Социально-бытовые услуги помогают решить насущные проблемы, мешающие выходу из среды или ресоциализации, например, получение временного жилья при угрозе безопасности после ухода из группировки или восстановление утраченных документов. Социально-медицинские услуги обеспечивают доступ к необходимому лечению, включая консультации травматолога или нарколога для преодоления последствий насилия или зависимостей. Социально-психологические услуги являются центральными для коррекции последствий участия в субкультуре: индивидуальная и групповая терапия помогает справиться с агрессией, травмами, кризисом идентичности, а тренинги развивают навыки конструктивного общения. Социально-правовые услуги критически важны из-за высоких рисков конфликтов с законом; они включают консультирование о правах и последствиях правонарушений, а также помощь в решении вопросов, связанных с судимостью или трудоустройством.

Одним из авторов (В.Е. Райц) было проведено социологическое исследование «Изучение причин и форм проявления агрессии представителями различных молодежных субкультур» с помощью информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет в период с 05.06.2025 до 15.06.2025. Генеральная совокупность – представители субкультур. Выборочная совокупность - круг лиц в возрасте от 18 до 27 лет в количестве 42 человек,

представители молодежных субкультур.

Большинство респондентов составили лица женского пола (54,8%), в то время как доля лиц мужского пола — 45,2%. Выборка исследования имеет ярко выраженный молодежный характер: более половины респондентов (52,4%) находятся в возрасте 18-22 года. Категория 23-26 лет представлена 26,2% опрошенных, а доля лиц старше 27 лет незначительно отстает от прошлой категории — 21,4%. Это распределение соответствует фокусу исследования на молодежных субкультурах.

Анализ субкультурной принадлежности респондентов выявил разнородную картину. Наибольшую долю занимает аниме-сообщество (21,4%). Практически равные группы формируют хип-хоп культура (19,0%) и категория «другое» (19,0%), что указывает на широкий спектр нишевых идентичностей. Значительный вклад вносят спортивные фанаты (16,7%) и панки (14,3%). Наименее представлены кибер-готы (7,1%) и готы (2,4%). Такое распределение без явного доминирующего большинства подчеркивает фрагментированность субкультурного поля в исследуемой выборке.

На вопрос «Сталкивались ли вы с проявлениями агрессии внутри своей субкультуры?» 33,3% опрошенных ответили «иногда», что указывает на периодические столкновения с этим явлением. 28,6% респондентов отметили, что сталкиваются с агрессией «часто». 21,4% участников исследования указали, что сталкиваются с агрессией «редко». Несмотря на это, 16,7% опрошенных ответили «никогда», полностью отрицая опыт столкновения с агрессией в своей субкультурной среде.

По ответам на вопрос «Как чаще всего проявляется агрессия в вашей субкультуре?» видно, что наиболее распространены два вида агрессии: кибербуллинг (травля в Интернете), на который указали 52,4% опрошенных, и вербальные конфликты (оскорбления, угрозы), отмеченные 50% респондентов. Все остальные формы агрессии (физическое насилие — 21,4%, вандализм — 9,5%) встречаются значительно реже. Данные опроса четко указывают на доминирование вербальной (50%) и цифровой (52,4%) агрессии как самых распространенных форм проявления в данной субкультуре, что ставит вопросы о специфике конфликтных взаимодействий и роли онлайн-среды.

По ответам на вопрос «Каковы, по вашему мнению, основные причины агрессии в субкультурах?» видно, что наиболее часто респонденты указывали на «Непонимание со стороны общества» — этот вариант выбрали 47,6% опрошенных. Иные причины отмечались реже: «Конкуренция между группами» и «Влияние лидеров с агрессивным поведением» получили по 21,4% голосов каждый, а «Алкоголь/наркотики» — 9,5%. Респонденты однозначно выделяют «Непонимание со стороны общества» (47,6%) как ключевую причину агрессии, что вдвое превышает указание на конкуренцию или влияние лидеров (по 21,4%). Это указывает на восприятие внешнего давления как основного триггера.

По ответам на вопрос «Как вы лично реагируете на агрессию внутри субкультуры?» видно, что наиболее распространенной стратегией является «Избегание» (стараюсь не вовлекаться), которую выбрали 33,3% респондентов. Значительно реже участники указывали на другие реакции: «Отвечаю жестко» (зеркало агрессии, защищаюсь) — 21,4%, «Ухожу из ситуации» (физически или эмоционально дистанцируюсь) — 19%, «Пытаюсь погасить конфликт» (диалог, компромисс) — 16,7% и «Использую юмор/самоиронию» — 9,5%. Данные показывают, что «Избегание» (33,3%) — доминирующая личная реакция на агрессию внутри субкультуры, существенно опережающая активное противодействие («Отвечаю жестко» — 21,4%) или попытки разрешения конфликта (16,7%). Это свидетельствует о преобладании пассивно-оборонительных стратегий и сложной палитре реакций среди участников, где активное гашение конфликта или использование юмора наименее распространены.

По ответам на вопрос «Какие методы, по вашему мнению, могут снизить уровень агрессии в субкультурах?» (можно было выбрать несколько вариантов) видно, что наиболее популярным методом респонденты считают «Создание позитивных мероприятий (концерты, фестивали)», который выбрали 45,2% участников опроса. «Усиление контроля со стороны авторитетной личности» заняло второе место с 38,1%. Значительно реже выбирались

«Просветительские программы (лекции, тренинги)» (28,6%) и «Медиация (привлечение третьих судей)» (23,8%). Респонденты видят ключ к снижению агрессии прежде всего в организации позитивных мероприятий (45,2%) и усилении контроля авторитетов (38,1%), почти в 2 раза чаще, чем в просвещении (28,6%) или медиации (23,8%). Это указывает на приоритет конструктивного досуга и внутреннего регулирования над формальными процедурами или образовательными подходами в данной среде.

По ответам на вопрос «Есть ли в вашей субкультуре механизмы урегулирования конфликтов?» видно, что большинство респондентов (57,1%) отмечают отсутствие формальных механизмов («Нет, каждый решает сам»). Значительно реже указывались варианты «Да, четкие правила» (19%) и «Затрудняюсь ответить» (23,8%). Доминирование ответа «Нет, каждый решает сам» (57,1%) свидетельствует о децентрализованном подходе к конфликтам, где лишь 19% признают формальные правила. Это ставит вопросы об эффективности саморегуляции и потребности в структурированных решениях.

На вопрос «Как вы относитесь к вмешательству правоохранительных органов в конфликты внутри субкультур?» мнения респондентов разделились. Наибольшая доля (42,9%) выбрала вариант «Зависит от ситуации», что указывает на ситуативную оценку необходимости вмешательства. 38,1% выразили однозначно негативную позицию («Отрицательно, это усугубляет ситуацию»), тогда как только 19% поддержали вмешательство.

По ответам на вопрос «Влияет ли агрессивность субкультуры на ваше желание оставаться в ней?» выявлено, что подавляющее большинство респондентов (69,1%) указали, что агрессия не влияет на их выбор («Нет, это не влияет на мой выбор»). Значительно реже участники отмечали «Да, я задумываюсь о выходе» (21,4%) или «Наоборот, привлекает» (9,5%). Устойчивая лояльность участников (69,1%) доминирует над сомнениями (21,4%), что свидетельствует о глубокой интеграции в субкультуру даже при наличии агрессии. Парадоксально низкий процент тех, кого агрессия привлекает (9,5%), поднимает вопросы о мотивах вовлеченности.

На вопрос «Приходилось ли вам участвовать в разрешении конфликтов внутри субкультуры?» ответы респондентов раскрывают значимую вовлеченность в конфликтные ситуации. Наибольшая доля участников (40,5%) указала на опыт посредничества («Да, как посредник»), что демонстрирует активную роль в урегулировании споров. Еще 28,6% участвовали в конфликтах напрямую («Да, как участник»), в то время как 31% избежали вовлечения («Нет»). Почти 70% респондентов сталкивались с конфликтами (40,5% как медиаторы, 28,6% как участники), что указывает на распространенность практик саморегуляции. Низкая доля «непричастных» (31%) подчеркивает, что конфликты — неотъемлемая часть групповой динамики, где посредничество играет ключевую роль.

Ответы на вопрос «Может ли субкультура существовать без агрессии?» выявили глубокий раскол во мнениях. Ровно 40,5% респондентов уверены в возможности бесконфликтного развития («Да, это возможно»), тогда как другие 40,5% считают агрессию неизбежной («Нет, агрессия неизбежна»). Оставшиеся 19% заняли ситуативную позицию («Зависит от обстоятельств»), подчеркивая важность контекста. Поляризация мнений (40,5% против 40,5%) отражает фундаментальный спор о природе субкультур: является ли агрессия конструктивным элементом идентичности или патологией. Доминирование крайних позиций при минимальном учете нюансов (19%) сигнализирует о потребности в глубоком анализе условий, трансформирующих конфликт из деструктивной силы в инструмент сплочения или наоборот.

По ответам на вопрос «Какие ценности, по вашему мнению, должны продвигаться в субкультурах для снижения агрессии?» видно, что наибольшую поддержку получили «Креативность» (31%) и «Дружелюбие» (28,6%). Остальные варианты отметили реже: «Толерантность» — 26,2%, а «Взаимопомощь» — 14,3%.

На вопрос «Как общество может помочь снизить агрессию в субкультурах?» респонденты выразили явный запрос на активное участие. Подавляющее большинство (81%

в сумме) поддержало вовлеченность общества, выделяя два ключевых направления: организацию диалога между субкультурами и обществом (42.9%) и информирование о субкультурах (38.1%). Лишь 19% выступили за позицию невмешательства («Не вмешиваться»). Данные показывают запрос на диалог и просвещение как основные инструменты снижения агрессии, что напрямую связано с ранее выявленной главной причиной конфликтов — «непониманием со стороны общества».

На вопрос «Считаете ли вы необходимым внешнее вмешательство (со стороны психологов, социальных работников, опытных медиаторов) для снижения агрессии в конфликтных субкультурах?» мнения респондентов разделились, но наибольшая доля (38,1%) выбрала ситуативный подход («Зависит от конкретной ситуации и субкультуры»). 33,3% поддержали необходимость внешней помощи («Да, это необходимо»), тогда как 23,8% выступили за саморегуляцию («Нет, субкультуры должны разбираться сами»). Минимальная группа (4,8%) затруднилась с ответом, что подчеркивает сложность темы. Доминирование условного подхода (38.1%) при значимой поддержке внешнего вмешательства (33.3%) указывает на осторожную открытость к помощи специалистов, но лишь при учете специфики группы. Это созвучно раннему запросу на диалог (42.9%) и информирование (38.1%), а также объясняет скепсис к шаблонным решениям.

В этом направлении исследования молодежных субкультур мы можем выделить положительные и отрицательные тенденции. К положительным тенденциям мы отнесем: 1) необходимость идентификации молодежи, т. е. их объединение и отнесение к определенной социальной группе; 2) развитие субкультуры отражает динамику общества. В частности, если говорить о современной динамике, это трансформация от традиций и ценностей прошлого развития страны к современным цифровым и Интернет-технологиям; 3) субкультурные объединения, направленные на нивелирование насилия и социальных рисков.

Вместе с этим отрицательные тенденции: 1) радикализация и деструктивное поведение приводит к проникновению экстремистских идей, ведущих к агрессии, насилию и киберэкстремизму (вербовка онлайн); 2) нередко внутри групп формируются жесткий конформизм, буллинг за несоответствие «правилам», давление со стороны лидеров; 3) с переходом к Интернет-технологиям возник кибербуллинг (онлайн-травля). С развитием цифровизации появились доксинг (утечка данных), сваттинг (ложная информация в экстренные службы).

Таким образом, для того, чтобы учитывать в социальной работе развитие молодежных субкультур, нужно: 1) их знать; 2) регулярно исследовать и фиксировать изменения, соотношения тенденций (положительных и отрицательных); 3) проводить специализированные занятия с представителями субкультур для социальных работников, которые занимаются молодежью и детьми-подростками; 4) внедрять и проводить регулярные рефлексивные семинары или группы взаимопомощи для молодежи из различных субкультур, фокусируясь на осознании ценностей, личных целей и последствий участия в группе.

Молодежные субкультуры представляют собой закономерный социально-культурный феномен, возникающий в ответ на потребности молодого поколения в идентичности, принадлежности и самовыражении. Исторически они отражают динамику общества – от неформальных движений советского периода до современных цифровых сообществ. Однако определенные субкультурные образования, основанные на идеологии насилия и ненависти, трансформируются из формы самореализации в источник значительных социальных рисков.

Таким образом, феномен агрессивных молодежных субкультур выступает индикатором глубинных социальных проблем. Его преодоление возможно через адресную социальную работу, фокусирующуюся на ресоциализации участников, восстановлении их связей с обществом и создании условий для реализации потенциала конструктивными способами. Инвестиции в эти подходы являются вложением в социальную стабильность и благополучие будущих поколений.

Список использованных источников

1. Аминова, В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113-118.
2. Бердникова, М. С. Досуг как социокультурное явление студенческой молодежи / М. С. Бердникова, Ж. А. Казорина // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 4(28). – С. 48-55. – DOI 10.22281/2542-1697-2022-01-04-48-55.
3. Бубнова, А. Ю. Социологическое исследование управления информационной компетентностью студентов вуза / А. Ю. Бубнова, Е. Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. – 2017. – № 11(13). – С. 119-126.
4. Воронов, К. А. Теоретический экскурс: политическое поле и определение омнибусного факта в социологической концепции Пьера Бурдьё / К. А. Воронов, Е. Ю. Лупенкова // Практический дискурс высшей школы : Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Брянск, 01 декабря 2016 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2016. – С. 7-10.
5. Гостенина, В. И. Научно-теоретические основы социологического подхода к исследованию социальной реальности / В. И. Гостенина, Ю. А. Кузнецова // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 3(35). – С. 77-85. – DOI 10.22281/2542-1697-2024-03-03-77-85.
6. Гостенина, В. И. Социология управления в транзитивном обществе: теория и опыт эмпирических исследований / В. И. Гостенина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. – 289 с. – ISBN 978-5-16-019093-8. – DOI 10.12737/2086345.
7. Диагностика склонности к девиантному поведению несовершеннолетних как одно из условий профилактики / Т. В. Епремян, Т. Е. Лифанова, В. А. Межуева [и др.] // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. – 2020. – № 1(12). – С. 9-14.
8. Епремян, Т. В. Использование жаргона хиппи как способа репрезентации субкультуры в рекламном дискурсе / Т. В. Епремян, С. А. Шилина // Поливановские чтения. – 2021. – № 15. – С. 32-41.
9. Епремян, Т. В. Отражение системы жанров фольклора молодежной субкультуры в рекламном дискурсе / Т. В. Епремян // Лингвостилистика. Лингвопоэтика. Лингводидактика : Сборник научных статей, посвящённых 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф, акад. РАО Н.М. Шанского, Москва, 23 сентября 2022 года. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2022. – С. 177-188.
10. Епремян, Т. В. Употребление сленга в рекламном дискурсе / Т. В. Епремян // Текст в языковом, историческом, культурном пространстве : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 22 мая 2022 года / Отв. редактор В.В. Никульцева. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2023. – С. 166-174.
11. Киричек, П. Н. Социальные интенции духовной культуры : Монография / П. Н. Киричек. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2024. – 276 с. – ISBN 978-5-907650-95-4.
12. Косякова, В. П. Культура и ее роль в социальной адаптации и интеграции / В. П. Косякова, А. М. Шилин, С. А. Шилина // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 492-498.
13. Ларина, Т. И. Диагностика отношения к экстремистской тематике на основе анализа невербальных реакций : Учебно-методическое пособие / Т. И. Ларина. – Москва : Постер-М, 2023. – 53 с. – ISBN 978-5-6049990-3-5.
14. Лифанова, Т. Е. Социальная роль цифровизации в становлении всеобщей культуры и ее воздействие на молодежь / Т. Е. Лифанова, Ж. В. Кривоносова, М. В. Ерохов // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 3(31). – С. 49-58. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-03-49-58.

15. Лупенкова, Е. Ю. Ценностные ориентации российского электората: управленческий анализ : : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Лупенкова Екатерина Юрьевна. – Москва, 2013. – 178 с.
16. Мамедов, А. К. Логос Демоса. Судьба Прометея : от Эсхила до Шелли / А. К. Мамедов, Д. Г. Горлач, М. Е. Горлач. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-317-06928-5.
17. Социология культуры : сборник рабочих программ дисциплин по направлению подготовки 39.06.01 Социологические науки: направленность (профиль) - Социология культуры (уровень аспирантуры) / А. К. Мамедов, И. Н. Чудновская, Э. Д. Коркия [и др.]. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2018. – 146 с. – ISBN 978-5-317-05808-1.
18. Сычева, Е. Ю. Социальные сети в электоральном пространстве России: технологии отражения неструктурированного коллективного действия / Е. Ю. Сычева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 206-226. – DOI 10.22394/2071-2367-2020-15-3-206-226.
19. Шилина, С. А. Коммуникативное поле дискурса культурного кода в условиях цифровизации / С. А. Шилина // Роль социологии в конструировании России будущего. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2023. – С. 502-506.

Сведения об авторах

Гостенина Валентина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: v.gostenina@yandex.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231)

Лифанова Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lifanovargsu@mail.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231)

Райц Валерия Евгеньевна – студент направления подготовки «Социальная работа» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: rrrr265@gmail.com.

UDC 316.7(075.8)

SOCIOLOGICAL STUDY OF YOUTH SUBCULTURES AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Gostenina V.I., Lifanova T.E., Raits V.E.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current problem of youth subcultures as an integral part of the modern socio-cultural landscape. The authors consider the functions of subcultures: ensuring socialization, localizing protest, stimulating cultural diversity and innovation. At the same time, the article also shows the risks (marginalization, conflicts). The authors believe that the study of subcultures among young people is critically important for understanding the dynamics of modern society and the mechanisms of group identity formation. The article examines the concept, types and history of subcultures. The authors believe that a subculture is a stable subsystem within the dominant culture that unites groups of people (often young people) based on specific values, norms, lifestyles, symbols, and practices that differ from the generally accepted ones. Subcultures emerge as a response to social, economic, or cultural changes, as well as the need for self-expression, protest, or the search for identity outside of mainstream society. Despite its complexity and resilience, modern society is vulnerable to the challenges posed by aggressive youth subcultures. Their activities are not limited to marginal behavior; they pose deep and multidimensional threats that can undermine the fundamental principles of society. Therefore, a sociological study was conducted to identify the negative and positive aspects of youth subcultures, and recommendations were made to address these threats through the use of social technologies.

Keywords: subculture, youth, risks, aggression, sociological research, social technologies.

References

1. Aminova, V. A. On the Term «Subculture» // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2013. No. 2. Pp. 113-118.
2. Berdnikova, M. S. Leisure as a Sociocultural Phenomenon of Student Youth / M. S. Berdnikova, Zh. A. Kazorina // Economics. Sociology. Law. – 2022. – No. 4(28). – Pp. 48-55. – DOI 10.22281/2542-1697-2022-01-04-48-55.
3. Bubnova, A. Yu. Sociological Research of the Management of Information Competence of University Students / A. Yu. Bubnova, E. Yu. Sycheva // Scientific Journal Discourse. – 2017. – No. 11(13). – Pp. 119-126.
4. Voronov, K. A. Theoretical Excursus: The Political Field and the Definition of the Omnibus Fact in Pierre Bourdieu's Sociological Concept / K. A. Voronov, E. Yu. Lupenkova // Practical Discourse of Higher Education: Collection of Papers from the International Scientific and Practical Conference, Bryansk, December 1, 2016. – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2016. – Pp. 7-10.
5. Gostenina, V. I. Scientific and Theoretical Foundations of the Sociological Approach to the Study of Social Reality / V. I. Gostenina, Yu. A. Kuznetsova // Economics. Sociology. Law. – 2024. – No. 3(35). – Pp. 77-85. – DOI 10.22281/2542-1697-2024-03-03-77-85.
6. Gostenina, V. I. Sociology of Management in a Transitional Society: Theory and Experience of Empirical Research / V. I. Gostenina. – Moscow: Scientific and Publishing Center INFRA-M LLC, 2025. – 289 p. – ISBN 978-5-16-019093-8. – DOI 10.12737/2086345.
7. Diagnosis of the propensity for deviant behavior in minors as one of the conditions for prevention / T. V. Yepremyan, T. E. Lifanova, V. A. Mezhyueva [et al.] // Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research. – 2020. – No. 1(12). – Pp. 9-14.
8. Yepremyan, T. V. The Use of Hippie Jargon as a Means of Representing a Subculture in Advertising Discourse / T. V. Yepremyan, S. A. Shilina // Polivanov Readings. – 2021. – No. 15. – Pp. 32-41.
9. Yepremyan, T. V. Reflection of the System of Folklore Genres of Youth Subculture in Advertising Discourse / T. V. Yepremyan // Linguostylistics. Linguopoetics. Linguodidactics: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Dr. Philol. Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Education N.M. Shansky, Moscow, September 23, 2022. – Moscow: Moscow Financial and Law University of the Financial University, 2022. – Pp. 177-188.
10. Yepremyan, T. V. The Use of Slang in Advertising Discourse / T. V. Yepremyan // Text in the Linguistic, Historical, and Cultural Space: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 22, 2022 / Edited by V. V. Nikultseva. – Moscow: Moscow Financial and Law University of the Moscow Financial and Law Academy, 2023. – Pp. 166-174.
11. Kirichek, P. N. Social Intentions of Spiritual Culture: A Monograph / P. N. Kirichek. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2024. – 276 p. – ISBN 978-5-907650-95-4.
12. Kosyakova, V. P. Culture and Its Role in Social Adaptation and Integration / V. P. Kosyakova, A. M. Shilin, and S. A. Shilina // Current Issues in Modern Science: A Young Scientist's Perspective. – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2023. – Pp. 492-498. –
13. Larina, T. I. Diagnostics of Attitude to Extremist Themes Based on the Analysis of Nonverbal Reactions: Educational and Methodological Guide / T. I. Larina. – Moscow: Poster-M, 2023. – 53 p. – ISBN 978-5-6049990-3-5.
14. Lifanova, T. E. The Social Role of Digitalization in the Formation of Universal Culture and Its Impact on Young People / T. E. Lifanova, Zh. V. Krivonosova, and M. V. Erokhov // Economics. Sociology. Law. – 2023. – No. 3(31). – Pp. 49-58. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-03-49-58.
15. Lupenkova, E. Yu. Value Orientations of the Russian Electorate: Managerial Analysis : Speciality 22.00.08 "Sociology of Management" : Dissertation for the Degree of Candidate of

Sociological Sciences / Lupenkova Ekaterina Yurievna. – Moscow, 2013. – 178 p.

16. Mamedov, A. K. Logos of the Demos. The Fate of Prometheus: From Aeschylus to Shelley / A. K. Mamedov, D. G. Gorlach, and M. E. Gorlach. Moscow: MAKS Press LLC, 2023. – 256 p. – ISBN 978-5-317-06928-5.

17. Sociology of culture : collection of work programs of disciplines in the field of training 06/39.01 Sociological sciences: orientation (profile) - Sociology of culture (postgraduate level) / A. K. Mammadov, I. N. Chudnovskaya, E. D. Korkia [et al.]. – Moscow: LLC "MAX Press", 2018. – 146 p. – ISBN 978-5-317-05808-1.

18. Sycheva, E. Y. Social networks in the electoral space of Russia: technologies for reflecting unstructured collective action / E. Y. Sycheva // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2020. – Vol. 15, No. 3. – pp. 206-226. – DOI 10.22394/2071-2367-2020-15-3-206-226.

19. Shilina, S. A. The Communicative Field of the Cultural Code Discourse in the Context of Digitalization / S. A. Shilina // The Role of Sociology in the Construction of Russia's Future. – Moscow: MAKS Press LLC, 2023. – Pp. 502-506.

Author's information

Gostenina Valentina Ivanovna - Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: v.gostenina@yandex.ru. Work phone: + 84832 580520 (1231)

Lifanova Tatiana Evgenievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: lifanovargsu@mail.ru. Work phone: +74832 580520 (1231)

Raits Valeria Evgenievna - is a student of the Social Work Department of the Faculty of Pedagogy and Psychology at Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: rrerr265@gmail.com.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ**

Епремян Т.В., Коваленко К.Г., Сычева Е.Ю.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы требований, предъявляемых к современному социальному работнику, и соответствие современного вузовского образования по специальности «Социальная работа» этим требованиям. Авторы поднимают животрепещущую для нашей страны проблему обеспеченности населения социальной помощью со стороны учреждений социального обслуживания, компетентности работников данных учреждений. Важным вопросом, по мнению авторов, также является качество системы подготовки будущих социальных работников в высших учебных заведениях. В связи с этим было проведено социологическое исследование, результаты которого показали многие реперные точки образовательной сферы, те моменты, на которые необходимо обратить пристальное внимание для успешного овладения студентами умениями и навыками, которые необходимы им в дальнейшей их профессиональной деятельности. В ходе социологического исследования также была выявлена степень удовлетворенности получаемыми знаниями при обучении на специальности «Социальная работа» в Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского. Авторы статьи делают выводы о том, что программа подготовки социальных работников в Российской Федерации представляет собой комплексный и многогранный процесс, направленный на формирование квалифицированных специалистов, способных эффективно решать социальные проблемы и оказывать помощь различным категориям граждан. В статье отмечается, что успешная реализация программ подготовки требует не только теоретических знаний, но и практических навыков, что подчеркивает значимость практической подготовки в рамках образовательного процесса. В условиях динамичных изменений в социальной сфере России дальнейшее совершенствование образовательных стандартов и программ станет ключевым фактором для повышения качества работы социальных работников и, соответственно, улучшения жизни населения.

Ключевые слова: социальная работа, вузовское образование, профиограмма, уязвимые слои населения, социологическое исследование, компетенции, профессиональные качества.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-62-71

Актуальность изучения системы подготовки профессиональных кадров для социальных служб в современном обществе обусловлено многими факторами как собственно социальными, так и политическими и экономическими. Современное общество характеризуется возрастающей сложностью социальных проблем, требующих квалифицированной и эффективной поддержки со стороны социальных служб. От функционирования этих служб напрямую зависит благополучие и качество жизни значительной части населения, особенно уязвимых категорий граждан. В этой связи ключевым фактором, определяющим результативность социальных служб, является уровень профессиональной подготовки кадров, работающих в данной сфере.

Актуальность исследования также объясняется тем, что изучение системы подготовки кадров для социальных служб позволяет не только повышать качество социальных услуг, но и поднимать престиж профессии, а также совершенствовать саму систему подготовки. По данным Росстата, более 40 миллионов граждан получают социальную поддержку в России, уровень бедности составил на 2024 год 13,5 [12]. Число инвалидов по данным Федерального реестра инвалидов на 1 января 2024 года насчитывалось около 10,9 миллионов человек [14]. О социальной проблеме инвалидов сказано немало (например, [4]), но по-прежнему требуется исследование тех или иных сторон данного аспекта. По данным Всемирного банка общее число людей, живущих в бедности, – около 719 миллионов человек [3]. Всё это, с нашей точки зрения, является причиной всё возрастающей необходимости социальных служб, нацеленных на помощь уязвимым слоям населения, на создание условий для преодоления кризисных ситуаций.

Во многих странах мира система социальных служб находится в стадии активного развития и реформирования. Происходит постоянное изменение нормативно-правовой базы,

внедрение новых технологий и методов работы, расширение спектра предоставляемых услуг. Всё это предъявляет повышенные требования к компетенциям и профессиональным качествам специалистов, работающих в социальных службах. Недостаточная квалификация кадров может приводить к снижению эффективности работы социальных служб и увеличению социальной напряжённости.

На протяжении истории в любом обществе, на любой стадии его развития всегда находилось место практике помощи и поддержки тем, кто столкнулся с жизненными трудностями. Эта практика, изначально обозначаемая как социальная, со временем стала известна как социальная работа. Время появления социальной работы как профессии и сферы деятельности варьируется в разных странах. Этот процесс обусловлен уникальным сочетанием социально-экономических, политических обстоятельств, а также исторических событий, таких как конфликты, войны, реформы и другие потрясения, которые переживала каждая страна.

Обратимся к понятию «социальная работа». По одной из трактовок, которая кажется нам наиболее полной и отражающей основные параметры термина, это «профессиональная деятельность по оказанию помощи и поддержки людям с целью улучшения их жизненного благополучия, направленная на решение проблем в отношениях между людьми и способствующая социальным переменам в обществе» [15].

О роли социальной работы ёмко, как нам представляется, сказали И. Ф. Албегова и Ф. Г. Албегов: «...роль социальной работы как вида деятельности и профессии приобретала особое значение в переходные периоды от одного политического строя к другому, смены политических режимов, возникновения плюрализма форм собственности, в послевоенное время, при реформировании экономики. Именно тогда закономерно возникали группы социально уязвимых граждан, росло число людей с ограниченными возможностями, принципиально менялись интересы населения, а у его отдельных представителей и групп появлялись новые потребности. Для восстановления своего полноценного функционирования в обществе эти группы людей (инвалиды, пожилые люди, дети-сироты, безработные и др.) должны были получать квалифицированную помощь и поддержку профессиональных социальных работников. Так цивилизованное общество создавало им условия для нормальной социальной активности и полноценной жизнедеятельности» [1].

Можно, таким образом, резюмировать, что роль социальной работы возрастает с течением времени, когда общество становится всё более цивилизованным и следует идеалам гуманизма в отношении тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации.

В статье А. К. Сельченко «Профессионализация социальной работы в России (на примере специалиста по социальной работе)» говорится, что профессия специалиста по социальной работе в России появилась только в 1991 г. Целью создания и развития данного направления является разрешение социальных проблем и содействие социальным изменениям. Международной ассоциацией школ социальной работы и Международной федерацией социальных работников 27 июня 2001 г. в Копенгагене было сформулировано определение понятия социальная работа, в фокусе которого находятся социальные изменения, значительную роль в которых играют специалисты по социальной работе как высококвалифицированные профессионалы, обладающие необходимыми знаниями и умениями [13].

Однако те функции, которые присущи социальной работе сегодня, выполнялись самим обществом, поэтому можно сказать, что история социальной работы в России насчитывает более тысячи лет. Основным способом социальной помощи была благотворительность. Подлинным толчком для развития благотворительности в России стало принятие христианства в 988 году. Не вдаваясь в исторический экскурс, можно констатировать, что на протяжении столетий наш народ помогал сирым и убогим, поддерживал оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Согласно Антиповой Е. И., в условиях экономических и социальных перемен, увеличения количества нуждающихся в помощи и поддержке, профессия социального

работника приобретает особое значение. От эффективности работы социальных работников во многом зависит благополучие отдельных граждан и общества в целом. Однако для повышения эффективности необходимо четкое понимание требований к профессиональной деятельности, что предполагает наличие актуальной и полной профессиограммы. Отсутствие такой профессиограммы затрудняет отбор кадров, профессиональную подготовку и оценку деятельности социальных работников [2].

В своей работе Холостова Е. И. даёт определение понятию профессиограмма. Профессиограмма — это «система признаков, описывающих ту или иную профессию, а также включающая в себя перечень норм и требований, предъявляемых этой профессией или специальностью к работнику» [16].

Определение профессиограммы социального работника дал в своём труде также Н.А. Грик. Профессиограмма социального работника — это «описание особенностей профессии социального работника, которое включает перечень требований, предъявляемых к специалисту, его знаниям, умениям и навыкам» [6].

Рассмотрим содержание деятельности социального работника по Князевой Е. В.:

- оказание помощи индивидуумам, семьям, группам и сообществам (социальная поддержка, социальная адаптация, социальная реабилитация, социальная профилактика);
- содействие интеграции деятельности различных государственных и общественных организаций и учреждений по оказанию необходимой социальной защиты и помощи населению;
- изучение социальных и психосоциальных проблем;
- разработка и реализация социальных программ по решению проблем социально уязвимых групп населения, и оценка эффективности данных программ [7].

Согласно Сельченко А. К., клиентами социальных работников являются социально уязвимые группы людей, нуждающиеся в социальной поддержке, помощи, обслуживании и защите:

- дети и молодые люди (дети, оставшиеся без попечения родителей;
- дети с особыми потребностями;
- дети, живущие с ВИЧ;
- дети и молодые люди правового риска или вступившие в конфликт с законом;
- воспитанники и выпускники детских институциональных учреждений;
- учащиеся и выпускники специализированных учебных и учебно-воспитательных учреждений;
- безнадзорные дети;
- дети, испытывавшие жестокое или небрежное обращение, свидетели насилия;
- дети, вовлеченные в трафик, наихудшие формы труда и эксплуатацию всех видов;
- дети, пострадавшие от стихийного бедствия, вооруженных конфликтов и другие);
- семьи и женщины (малообеспеченные семьи; многодетные семьи; семьи с одним родителем; семьи с членом семьи с ВИЧ; семьи с членом семьи с особыми потребностями; семьи в кризисной ситуации (пережившие смерть одного из членов, развод, конфликты, домашнее насилие, миграцию и т. д.); семьи, пострадавшие от стихийного бедствия, вооруженных конфликтов; приемные семьи и семьи-усыновители и другие);
- люди с инвалидностью и их семьи;
- пожилые люди, нуждающиеся в социальной поддержке;
- люди, находящиеся в сложной жизненной ситуации (пережившие смерть или тяжелые заболевания близких, имеющие хронические заболевания; потерявшие работу, жилье и другие);
- люди, живущие с ВИЧ;
- люди с алкогольной и/или наркотической зависимостью;
- люди, вышедшие из пенитенциарных учреждений и/или отбывающие сроки наказаний в закрытых учреждениях и другие [13].

Согласно Козловской С. Н., социальный работник должен уметь:

- следовать профессионально-этическим нормам в своей профессиональной практической деятельности;
- уметь работать с индивидуумами, семьями, группами и сообществами;
- знать особенности и уметь оказать помощь различным группам населения (детям, молодым людям, женщинам, пожилым людям, людям с инвалидностью и т. д.);
- владеть навыками общения (навыки межличностного общения с клиентами, детьми, коллегами и другими специалистами, навыки вербального и невербального общения);
- владеть навыками оценки и планирования (сбор и анализ информации для полной оценки, разработка ясных планов и соглашений на основе оценки ситуации клиента, регулярный анализ и оценка достигнутых результатов);
- владеть навыками проведения интервенций (прямая работа с клиентами, сотрудничество с коллегами и другими специалистами, анализ и изменение планов по необходимости);
- владеть навыками ведения рабочих записей (ведение записей по делам, написание отчетов и писем, ведение ясной и точной записи, соответствующей требованиям, установленным в организации);
- владеть навыками самоуправления (организация собственной работы и времени, знание своих сильных и слабых сторон);
- быть способным работать под супервизией руководителя или более опытного коллеги и быть готовым обучаться;
- быть способным применять теорию на практике (знать и понимать теорию социальной работы, уметь выбрать и применить подходящую теорию для практической деятельности);
- обладать навыками проведения исследований, применяя количественные и качественные методы сбора и анализа данных;
- применять практику, основанную на доказательствах, с использованием данных современных исследований;
- использовать организационно-правовой механизм обеспечения социальной защиты населения;
- уметь работать в команде с коллегами и другими специалистами (развитие и поддержание эффективных рабочих отношений, способность делиться идеями и информацией);
- понимать и представлять интересы своей организации (знание и понимание политики организации, ее процедур, целей и задач, умение представлять организацию);
- способствовать повышению своей профессиональной компетентности [8].

По Холостовой Е. И., социальный работник должен обладать следующими профессионально-личностными качествами, развивать и демонстрировать их:

- безусловное принятие ценности каждого человека, уважение его прав;
- безоценочное отношение к индивидуальным различиям людей, толерантность;
- развитое самопознание и самооценка, критическое мышление;
- эмпатия (способность сопереживать и сочувствовать);
- рефлексия (способность к размышлению, обдумыванию);
- умение устанавливать контакт с людьми и формировать доверительные отношения;
- чуткость и чувствительность к эмоциональному состоянию людей, эмоциональная сдержанность и терпимость;
- настойчивость и последовательность в решении сложных ситуаций;
- оптимальный уровень тревожности, отсутствие склонности к депрессивным состояниям;
- умение увидеть и развивать сильные стороны людей и семей, которым оказывается помощь;
- навыки работы в стрессовых и эмоционально сложных ситуациях: самоконтроль, умение переключаться и управлять своими эмоциями и поведением [16].

Обратимся к рассмотрению параметров подготовки будущих социальных работников в вузе на примере ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». О значимости высшего образования есть немало публикаций [9; 17; 18], в том числе о получении специальности «Социальная работа» [10; 11], что свидетельствует о важности для современного социума вопросов, связанных с качеством образования. Целевая социальная группа в этом случае – молодежь [5], от решения чьих проблем зависит благополучие и будущее страны.

В период с 1.02.2025 г. по 31.03.2025 г. нами было проведено социологическое исследование «Уровень удовлетворённости студентов направления «Социальная работа» системой подготовки профессиональных кадров для социальных служб» с помощью информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет.

Респондентская база – 28 человек. Исследование проводилось в форме анкетирования. Для исследования была составлена анкета из 10 вопросов, цель которой – выявить уровень удовлетворённости студентов направления «Социальная работа» системой подготовки профессиональных кадров для социальных служб.

В опросе приняли участие 4% студентов 1 курса, 28% - студенты 2 курса, 64% - студенты 3 курса и 4% - 4 курс.

Среди опрошенных 70,8% людей являются студентами очной формы обучения. Оставшаяся группа – студенты заочной формы обучения, их доля составляет 29,2%.

На вопрос «Какие проблемы Вы видите в организации учебного процесса?» 62,5% респондентов ответили, что проблем нет. 33,3% отметили недостаточное количество часов учебной практики. 29,2% утверждают, что проблемой является недостаточное количество выделяемых часов для наиболее значимых предметов. 4,2% считают, что проблемой является устаревшие методы преподавания, ответ «неудовлетворительная организация учебного процесса» выбрало 4,2% респондентов, ответ «неудовлетворительное преподавание по некоторым предметам» - 4,2% и ответ «несоответствие изучаемых дисциплин и получаемой специальности» - 4,2% (рис. 1).

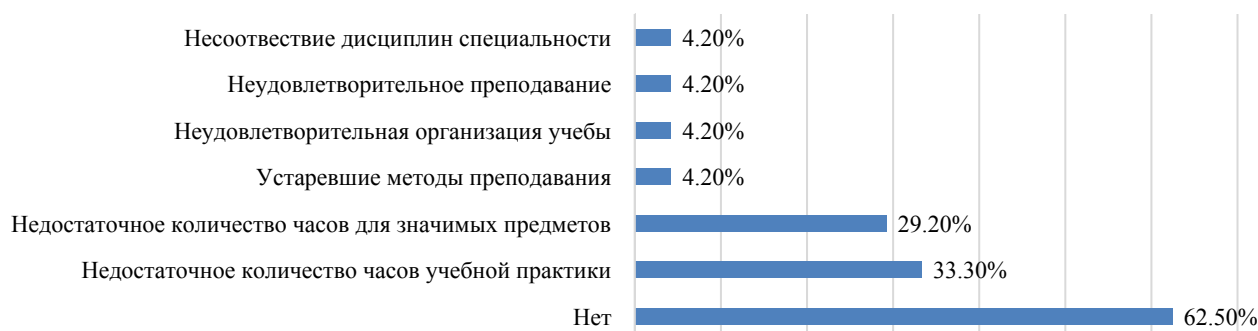

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие проблемы Вы видите в организации учебного процесса?»

Среди опрошенных 45,8% людей отметили, что считают качество образования, которое даёт университет хорошим, 41,7% - отличным и 12,5% - удовлетворительным. Ответы «Неудовлетворительно» и «Затрудняюсь ответить» выбраны не были.

На вопрос степени удовлетворённости организацией профессиональной практики 87,5% опрошенных ответили «Удовлетворительно», 8,3% - «Частично удовлетворительно» и 4,2% выбрали вариант «Затрудняюсь ответить». Ответ «Неудовлетворительно» выбран не был.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы сбалансированностью компонентов образовательной программы (дисциплин и практик) в учебном плане?» 50% ответили «Да», 41,7% - «Скорее да, чем нет», 8,3% выбрали ответ «Скорее нет, чем да», ответ «Нет» выбран не был (рис. 2).

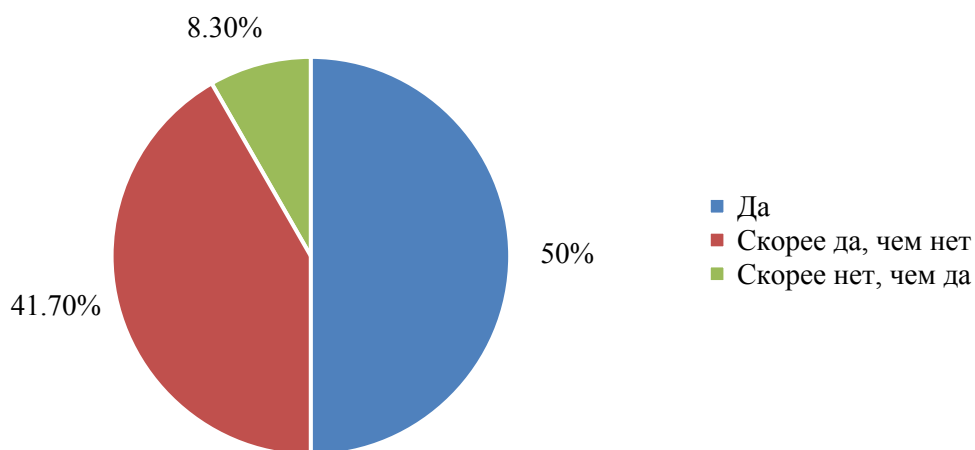

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы сбалансированностью компонентов образовательной программы (дисциплин и практик) в учебном плане?»

Среди опрошенных 91,7% удовлетворены уровнем получаемых теоретических знаний, 8,3% - частично удовлетворены. Варианты ответа «Неудовлетворительно» и «Затрудняюсь ответить» выбраны не были.

Среди опрошенных 75% ответили, что считают удовлетворительным их уровень приобретённых умений и навыков во время обучения, а 25% выбрали ответ «Частично удовлетворительно». Ответы «Неудовлетворительно» и «Затрудняюсь ответить» выбраны не были.

Среди опрошенных 75% отметили «Удовлетворительно» в вопросе соответствия подготовки специалистов по социальной работе современным требованиям рынка труда, а 25% выбрали ответ «Частично удовлетворительно». Ответы «Неудовлетворительно» и «Затрудняюсь ответить» выбраны не были.

Среди опрошенных удовлетворены образовательной программой – 83,3%, частично удовлетворены – 16,7%. Ответы «Неудовлетворительно» и «Затрудняюсь ответить» выбраны не были.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- большинство опрошенных людей считают, что проблем в организации учебного процесса нет, что отражается в их ответах. Они удовлетворены своими теоретическими знаниями, навыками и умениями, приобретёнными в процессе обучения;
- несмотря на это, существует небольшой процент людей, которые видят проблему в недостаточном количестве часов учебной практики, а также в недостаточном количестве выделяемых часов на наиболее значимые предметы;
- мы можем наблюдать, что большая часть респондентов положительно отзывается о качестве образования в университете;
- большинство опрошенные респонденты считают, что образовательная программа соответствует современным требованиям рынка труда и удовлетворены учебным планом.

Таким образом, студенты направления «Социальная работа» демонстрируют высокий уровень удовлетворённости образовательной программой.

Процесс становления социальной помощи в России - явление длительного характера. Он пока не имеет своего исторического завершения и оформления. Складывающаяся парадигма помощи и поддержки нуждающимся представляет собой сложную совокупность исторических общественных форм защиты и учений, традиций и обычаев, законов и индивидуальных иррациональных действий и поступков.

Профессиограмма социального работника описывает сложную и многогранную профессию, требующую высокой социальной ответственности, эмпатии и развитых коммуникативных навыков. Ключевые задачи включают оказание социальной помощи

нуждающимся, содействие социальной адаптации и интеграции, защиту прав и интересов уязвимых групп населения. Необходимы знания законодательства, социальной работы, психологии и других смежных дисциплин. Профессия характеризуется эмоциональным напряжением и высокой социальной значимостью.

Программа подготовки социальных работников в Российской Федерации представляет собой комплексный и многогранный процесс, направленный на формирование квалифицированных специалистов, способных эффективно решать социальные проблемы и оказывать помощь различным категориям граждан. Важно отметить, что успешная реализация программ подготовки требует не только теоретических знаний, но и практических навыков, что подчеркивает значимость практической подготовки в рамках образовательного процесса. В условиях динамичных изменений в социальной сфере России, дальнейшее совершенствование образовательных стандартов и программ станет ключевым фактором для повышения качества работы социальных работников и, соответственно, улучшения жизни населения.

Образование в области подготовки специалистов по социальной работе имеет как сходство, так и различия в разных странах. Но во всех случаях программы обучения социальной работе, независимо от того, как они составлены, должны строиться на основе общечеловеческих ценностей, обеспечивать глубокое знание социальных болезней, понимание отношений личности и общества в их взаимодействии и обучать методам эффективной «интервенции» в социальные проблемы.

Список использованных источников

1. Албегова, И. Ф. Введение в профессию «Социальная работа» / И. Ф. Албегова, Ф. Г. Албегов. Ярославль : Издательство Юрайт, 2025. 100 с.
2. Антипова, Е. И. Профессиографическая характеристика специалиста по социальной работе (аналитический обзор) // Психология. Психофизиология: электронный научный журнал. 2019. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.04.2025)
3. Всемирный банк: офиц. сайт. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/ext/en/home> (дата обращения: 18.04.2025)
4. Гостенина, В. И. Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность / В. И. Гостенина, Т. В. Епремян, С. А. Шилина // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 116-130. – DOI 10.14258/SSI(2025)1-08.
5. Гостенина, В. И. Ценностные ориентиры и социальные факторы реформирования российской высшей школы в ситуации социального риска / В. И. Гостенина, Е. Ю. Лупенкова // Социология образования. – 2011. – № 10. – С. 64-72.
6. Грик, Н. А. Введение в профессию «социальная работа» / Н. А. Грик. Томск: Издательство Речь, 2016. 75 с.
7. Князева, Е. В. Коммуникативная компетентность как профессиональная ценность социального работника // Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве: электронный научный журнал. 2015. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.04.2025)
8. Козловская, С. Н. Профессиограмма социального работника / С. Н. Козловская. Москва: Издательство Инфра-М, 2017. 174 с.
9. Кусова, Л. Н. Информационное общество и молодежь: проблемы и особенности социальной адаптации / Л. Н. Кусова, С. А. Шилина // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2023. – С. 208-212.
10. Лифанова, Т. Е. Профессиональное образование в области социальной работы - требование времени / Т. Е. Лифанова, О. В. Голенкова // Научный альманах. – 2015. – № 11-2(13). – С. 232-235. – DOI 10.17117/na.2015.11.02.232.
11. Прогнозная модель развития высшего профессионального образования и влияние социальных факторов на ее становление / В. И. Гостенина, А. П. Корюкин, А. А.

Макаров [и др.] // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. – 2013. – № 1(4). – С. 123-131.

12. Росстат: федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 18.04.2025)

13. Сельченко, А. К. Профессионализация социальной работы в России (на примере специалистов по социальной работе) // Социологические науки: электронный научный журнал. 2016. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.04.2025)

14. ФГИС ФРГ: федеральный реестр инвалидов: офиц. сайт. Режим доступа: <https://sfri.ru/> (дата обращения: 18.04.2025)

15. Фирсов, М. В. Технология социальной работы / М. В. Фирсов, Е. Г. Студенова. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 557 с.

16. Холостова, Е. И. Социальная работа / Е. И. Холостова. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. - 612 с.

17. Шилина, С. А. Цифровые технологии как фактор трансформации вузовского образования / С. А. Шилина, В. П. Косякова // Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета). – Москва, 2024. – С. 352-355.

18. Шилина, С. А. Элитность и/или эгалитарность как характеристика современного высшего образования в российском социуме / С. А. Шилина, Т. В. Епремян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2018. – С. 1304-1306.

Сведения об авторах

Епремян Татьяна Владимировна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: eremyan@yandex.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231)

Коваленко Кристина Геннадиевна - – студент направления подготовки «Социальная работа» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: kovalenk0kristina4@yandex.ru.

Сычева Екатерина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lupenkova@yandex.ru. Рабочий телефон: + 784832 580520 (1231)

UDC 316: 354

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF THE SYSTEM OF TRAINING PROFESSIONAL PERSONNEL FOR SOCIAL SERVICES

Yepremyan T.V., Kovalenko K.G., Sycheva E.Yu.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current requirements for a modern social worker and the compliance of modern university education in the field of social work with these requirements. The authors raise the pressing issue of social assistance provided by social service institutions and the competence of their employees. According to the authors, the quality of the training system for future social workers in higher education institutions is also an important issue. In this regard, a sociological study was conducted, the results of which showed many reference points in the field of education, as well as the areas that need to be addressed in order for students to successfully acquire the skills and knowledge necessary for their future professional careers. The sociological study also revealed the degree of satisfaction with the knowledge acquired during the study of social work at the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. The authors conclude that the training program for social workers in the Russian Federation is a comprehensive and multifaceted process aimed at developing qualified specialists who can effectively address social issues and provide assistance to various categories of citizens. The article notes that the successful implementation of training programs

requires not only theoretical knowledge, but also practical skills, which highlights the importance of practical training as part of the educational process. In the context of dynamic changes in the social sphere in Russia, further improvement of educational standards and programs will be a key factor in enhancing the quality of social workers' work and, consequently, improving the lives of the population.

Keywords: social work, higher education, profession description, vulnerable groups, sociological research, competencies, professional qualities.

References

1. Albegova, I. F. Introduction to the Profession of Social Work / I. F. Albegova, F. G. Albegov. Yaroslavl: Yurayt Publishing House, 2025. 100 p.
2. Antipova, E. I. Professionographic Characteristics of a Social Work Specialist (Analytical Review) // Psychology. Psychophysiology: Electronic Scientific Journal. 2019. Access mode: <https://cyberleninka.ru> (date of request: 04/22/2025)
3. The World Bank: official website. Access mode: <https://www.worldbank.org/ext/en/home> (date of request: 04/18/2025)
4. Gostenina, V. I. Employment of people with disabilities: social expectations and reality / V. I. Gostenina, T. V. Yepremyan, S. A. Shilina // Society and Security Insights. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – pp. 116-130. – DOI 10.14258/SSI(2025)1-08.
5. Gostenina, V. I. Value orientations and social factors of reforming Russian higher education in a situation of social risk / V. I. Gostenina, E. Yu. Lupenkova // Sociology of Education. – 2011. – No. 10. – Pp. 64-72.
6. Grik, N. A. Introduction to the Profession of Social Work / N. A. Grik. Tomsk: Rech Publishing House, 2016. 75 p.
7. Knyazeva, E. V. Communicative Competence as a Professional Value of a Social Worker // Modern Educational Technologies in the Global Educational Space: Electronic Scientific Journal. 2015. Access mode: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 22.04.2025)
8. Kozlovskaya, S. N. Professionogram of a Social Worker / S. N. Kozlovskaya. Moscow: Publishing House Infra-M, 2017. 174 p.
9. Kusova, L. N. Information Society and Youth: Problems and Features of Social Adaptation / L. N. Kusova, S. A. Shilina // Consolidation of Russian Society in New Geopolitical Realities. – Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. – Pp. 208-212.
10. Lifanova, T. E. Professional Education in Social Work: A Requirement of the Time / T. E. Lifanova, O. V. Golenkova // Scientific Almanac. – 2015. – No. 11-2(13). – Pp. 232-235. – DOI 10.17117/na.2015.11.02.232.
11. Forecast model of higher professional education development and the influence of social factors on its formation / V. I. Gostenina, A. P. Koryukin, A. A. Makarov [et al.] // Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research. – 2013. – No. 1(4). – Pp. 123-131.
12. Rosstat: Federal State Statistics Service: official website. Access mode: <https://rosstat.gov.ru> (accessed on 18.04.2025)
13. Selchenok, A. K. Professionalization of Social Work in Russia (on the Example of Social Work Specialists) // Sociological Sciences: Electronic Scientific Journal. 2016. Access mode: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 22.04.2025)
14. Federal State Information System of the Federal Republic of Germany: Federal Register of Persons with Disabilities: official website. Access mode: <https://sfri.ru/> (date of access: 18.04.2025)
15. Firsov, M. V. Technology of Social Work / M. V. Firsov, E. G. Studenova. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 557 p.
16. Kholostova, E. I. Social Work / E. I. Kholostova. Moscow: Publishing and Trading Corporation Dashkov and K, 2012. 612 p.
17. Shilina, S. A. Digital technologies as a factor in the transformation of university education / S. A. Shilina, V. P. Kosyakova // Classical University: modern trends and development vectors (on the way to the 270th anniversary of Moscow University). – Moscow, 2024. – pp. 352-

355.

18. Shilina, S. A. Elitism and/or egalitarianism as a characteristic of modern higher education in Russian society / S. A. Shilina, T. V. Yepremyan // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world. – Moscow: MAX Press LLC, 2018. pp. 1304-1306.

Author's information

Yepremyan Tatiana Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: epremyan@yandex.ru. Work phone: +74832 580520 (1231)

Kovalenko Kristina Gennadievna - a student of the Social Work Department of the Faculty of Pedagogy and Psychology at Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: kovalenk0kristina4@yandex.ru.

Sycheva Ekaterina Yurievna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Work phone: + 84832 580520 (1231)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС ВЛАСТИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ГЕНЕЗИС

Мамедов А.К.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В статье рассматриваются актуальные вопросы социокультурных аспектов феномена власти в исторической ретроспективе. Целью является рассмотрение истоков тех реалий, которые оказывают существенное влияние на жизнедеятельность современных народов и государств со стороны госструктур. Автором проанализированы различные параметры контроля как одного из проявлений власти. Выводом служит положение о парадоксальности власти, которая, с одной стороны, предоставляет разнообразные социальные права, а с другой - отнимает у социальных институтов и индивидов, обеспечивающих их деятельность, реальную власть - доступ к управлению.

Ключевые слова: дискурс, власть, прогресс, социокультурные параметры, исторический экскурс.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-72-83

Ведите, кто-то должен последовать

Лао -Цзы

В социальной рефлексии во все времена актуальным является рассмотрение генезиса и эволюции власти. От неё (власти) напрямую зависит социальная картина, поэтому всегда следует обратиться к историческим истокам данного явления, рассмотреть его социокультурные параметры. Дискурсивные аспекты власти позволяют всесторонне обозначить данный феномен, лучше узнать его природу и проследить эволюцию.

Метаморфозы власти, особенно в форме парламентаризма, в последнее время в связи с событиями в Ю. Корее, Грузии и Франции приобрели актуальный характер и стали объектом пристального внимания. Эрозия некогда «вековых» структур поставила вопрос об их адекватности вызовам эпохи. Данная институция (парламентское правление) вполне естественна для Англии, которая и сформировалась как государство в лоне данной системы управления, история непрерывного существования которой уходит еще в XIII в., а корни еще глубже – в традицию Витенагемота - предтечи Парламента, консультационного и обладавшего правом верификации решений, имеющих государственное значение, Совета при короле, в который входили магнаты и представители духовенства. «В Англии <...> власть монарха никогда не была абсолютной. Ее ограничивали сначала богатая землевладельческая аристократия, а позднее – двухпалатный парламент. В 1649 году короля даже казнили за то, что он игнорировал политические требования парламента. <...> И все же в слабости английской короны таилась сила: поскольку политическая власть не концентрировалась в одних руках, подобное происходило и с богатством. Налоги могли взиматься только с одобрения парламента, и те, у кого были деньги, твердо знали, что монарх их ни у кого просто так не отнимет. Это было важным стимулом для предпринимателей» [21, с. 43]. Исследователи усматривают фундаментальную причину силы и успешности института парламентаризма в британской империи прежде всего в ее рационализме и протестантском духе, в отличие от «папистских».

Представляется, что одним из конструктивных уроков, который можно извлечь из уникальности английской политической истории, состоит в том, что успешность политической системы любого государства зависит напрямую от ее соответствия наработанным каждой культурно-этнической группой (народом) уникальным формам решения проблем коллективного сосуществования и выживания во внешней, по отношению к этой группе, среде. Простой перенос и «вживление» чужого политического устройства невозможно: «В России нет парламента. В России есть акционерное общество под названием «Государственная Дума», - ерничал небезызвестный К. Боровой [2, с. 2]. Нам

представляется, что это высказывание политика звучит не только спорно, но и даже эпатажно, но оно по-своему вызывает к учету уникальности социокультурного опыта каждого этноса в научном обеспечении политического управления. Современные тенденции построения многополярного мира подгоняют нас в согласовании –(междисциплинарном) сочетании исследовательских направлений: 1) историко-культурных – становление социума, 2) семиотических (включая социо-психологические аспекты, выраженные в нарративе – существование, бытие социума, 3) социологических (особенностей стратификационного состояния социума (например, по мнению С. Кордонского, структура российского общества носит не классовый, а сословный характер [12]).

«Человек, сын земли и неба, разве в глубине твоего сердца не скрыт дух бодрящей деятельности, сила, призывающая к труду, воспламеняющая тлеющий огонь, не дающая тебе покоя, пока ты не развернешься, пока ты не дашь силе той воплотиться в добрых делах! То, что несистематично и неясно, ты приведешь в порядок, сделаешь правильным, заставишь повиноваться тебе и нести плоды. Всюду, где царит беспорядок, ты должен выступить в качестве непримиримого его врага. Подави беспорядок; водвори порядок, покорный не хаосу, а разуму, Божеству! Если на пути твоём растёт репейник, выкопай его, чтоб на его месте могла вырасти полезная травка. Попадётся тебе не употребленный доселе кусок хлопчатника, собери его белый пух, начни прясть и ткать его, чтобы вместо бесполезной соломы получить хорошую ткань и прикрыть ею нагое тело человека» [10, с. 300].

Не зря предшественники оставляли фолианты нравоучений, поскольку Идея не возобладала над принципами современной жизни. Мы сегодня вынуждены признать, что так и не превзошли наших предков кроме раздутого самомнения, ни на чем не основанного апломба под названием цивилизация. «Сиясь сказать что-либо новое, живые лишь повторяют другими словами то, что мертвые говорили много веков назад. То, что мы считаем проявлением собственной личности и непосредственностью, продиктовано нам учителями, сокрытыми в лоне земли; они же, в свою очередь, переняли урок от других, ранее умерших» [1]. Возможно, в этой интерпретации становится понятнее естественная природа человека – десятки секунд кратковременной памяти аквариумных рыбок, которые обеспечивают им поступление информации в долговременную, против нескольких десятков лет человеческой истории, которую трудно естественным образом правильно интерпретировать для пополнения долговременной памяти человеческой культуры.

То, что полагается незыблемыми и неизменными декорациями нашей жизни, уже давно продается и покупается властью: «разбитые на участки» пространство и время обмениваются, продаются и покупаются точно так же, как любые «вещи» и предметы!» [13, с. 10]. Мы не видим в концептах, выведенных из текста большего смысла, чем некие костыли или стимулы мышления, избавляющие обывателя от скуки при столкновении с работами Эсхила или Шелли [14, с. 98].

В обстоятельствах, когда перед властью встают новые задачи, коренным образом меняющие привычный жизненный уклад населения, например, военные конфликты, экономический кризис, массовая миграция или эмиграция, появление или утрата новых рынков сбыта, неурожай ведущих сельскохозяйственных культур и т.п., возникает потребность в интерактивном включенном управлении. При этом существующие институты поневоле требуют расширения прав, дополнительных представительств и систем контроля. Но зачастую и впрямь: лучшее – враг хорошего. Острые оперативные задачи весьма редко ведут к скорым позитивным переменам, что плохо отражается на индексе доверия к власти. Население часто воспринимает происходящее как вмешательство в свой мир и привилегии. Неизбежное при этом принуждение встречается протестами большей или меньшей части подчиняемой публики. Часть элит, до того мирившаяся с властью, видит в ситуации открывшиеся возможности и, в зависимости от типа политического устройства, реагирует активно или пассивно одним из следующих способов: 1) возглавляет протестный электорат, переходит к активной политической или террористической борьбе; 2) уходит «в подполье» — выводит финансовые активы за пределы государства, эмиграция.

Естественным следствием происходящих перемен становится резкое обнищание народа и перераспределение капитала среди богатых ради инкорпорирования в политическую структуру новых элит.

Изменение дистанции власти и народа фиксируется как снижение параметра рафинированности власти. Выражаясь совсем простым языком, «снижение параметра рафинированности власти» - это когда власти что-то нужно (мобилизация, повышение налогов, увеличение пенсионного возраста, изменение конституции и т.п.).

Если ситуация «вызов-ответ» на уровне цивилизаций, с точки зрения некоего метауровня управления, носит фундаментальный характер, когда в зависимости от «ответа» цивилизация либо падет, либо перейдет на более совершенный уровень, то в такого же рода ситуации для общества — «возможность — воля власти» (при возникновении проблемы на уровне управления государством) оказывается достаточно реактивных изменений, сводящихся в итоге к тому, чтобы качество жизни народа не снизилось — «не стало хуже». История Древней Греции стала оптикой и для современной цивилизации; ее необоримой мудростью стала фиксация особой роли власти в социуме. При этом не имеет значения, что именно выдвигает власть в качестве своей природы права, хотя, исходя из исторического опыта и опираясь на подход В. А. Ганзена, можно вывести четыре таких фактических основания (табл. 1).

Таблица 1 -Основания природы права

Силовые структуры. Преобладающие ресурсы.	Осведомленность. Источник идеологии.
Инициатор событий. Стыд. Страх. Норма.	Практика и традиции. Свой / чужой.

Вслед за правящей аристократией Древней Греции, придумавшей собственные деньги и оставшейся их источником и основным распорядителем, на следующем витке истории в XIX веке элиты фиксируют свой габитус в трансформационных процессах истории как носители и распорядители идейного представления. Теперь они являются носителями знания о том, что народ является источником договора о легитимности власти. «Левиафан», который изначально предстает островом спасения, впоследствии меняет свой облик. Растущие амбиции субъектов власти превращают Левиафана в источник китового жира, который можно продать, а весь народ, спасающийся на его теле, пытаются обречь на Тартар.

Социолог Г. Тард отметил, что люди нуждаются в примерах для подражания. И желательно ярких. Многие из них можно обнаружить в фольклоре. Другие — в исторических сведениях о героическом прошлом нации или ее отдельных героев. Миф представляет собой совершенный синтез событий и их вольных интерпретаций, закреплённый в культуре и служащий эталоном идентификаций. Как был ёмко в психологии определен сон: «небывалая комбинация бывалых впечатлений», как была определена причина бедствия рядового гражданина цивилизации западной традиции: «Ницше сказал. Бог умер. Человечество выпало в лут» (то есть стало законным трофеем. О дне сегодняшнем пророчески, хотя и наивно рассуждал Карлейль: «Руководители промышленности являются в существе вождями мира; если в них не будет благородства, то никогда не будет более аристократии... Пусть вожди промышленности уединятся в свои собственные сердца и торжественно спросят: можно ли там открыть что-нибудь, кроме волчьего голода к тонким винам и хвастовству челядью и раззолоченными экипажами... Трудящийся мир столько же, как и воюющий мир, не может быть руководим без благородного рыцарства труда и законов и определенных правил, из него вытекающих...» [4, с. 123; 9]. Можно и так определить миф: «Один и тот же видят сон». Обращение к мифу на новом витке давления власти происходит для фиксации соотнесённости данного исторического момента с законсервированным в мифе моментом (гипотетической или реальной, но отдаленной во времени) истории, которая в результате культурной интеграции становится прибежищем ищущих и страдающих сознаний обделенного люда, мечтающего быть приобщенным к царству справедливости.

Во время значительных перемен в обществе, в особенности при переселении народов

или смене власти на ту, что воспринимает управление как протекторат, функцией мифа, который становится особенно востребован, становится функция консервации (гипотетической), современные исследователи мифа предпочитают подчеркивать, что миф — это выдумка, не имеющая под собой никакой исторической основы, но Стеблин-Каменский указывает на правдивость мифа в глазах его современников, в его определении: «миф — это повествование, которое там, где оно возникло и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» [19, с. 4]) истории, к которой прибегает коренная культура ради сохранения своей аутентичности. Именно так проявляется фреймирование монархической власти и тирании, которую, к сожалению, не усмотрел «всемудрый» Аристотель. Иначе, возможно, предупрежденное человечество защитило бы себя от многих несчастий. Хотя вряд ли, ибо история учит лишь тому, что ничему не учит. Монарх полагает себя правителем по праву, а народ свой не отделяет от себя. Узурпатор же осознает особенность/единичность случая, приведшего его на вершину власти, и полагает свое право следствием своего же нераскрытого обмана и преимущественной силы, а потому полагает народ низким и податливым, не имеющим ничего общего с собственной природой. Власть, обретенная обманом или на основании концепции «нам здесь не жить», не может быть праведной. Персональное желание принять участие в политической борьбе, с психологической точки зрения, ни что иное, чем каминг-аут личности, которая признается в своей непригодности для осуществления властных полномочий, поскольку нарушает принцип рафинированности, еще не будучи на то уполномоченной. Желание же быть интегрированным в чужое общество подлежит тщательной проверке и возможно не в индивидуальном порядке, а в рамках интеграции диаспоры, лояльно настроенной к принимающей культуре.

Слишком мало доказательств того, что прогресс несет лишь благо социуму, а не просто способствует неравенству, цифровому разрыву, диктатуре, бедности и одиночеству. В одном фантастическом рассказе главный герой обретает предмет, позволяющий загадывать желания, откатывать время и избегать угроз и нежелательных событий. В процессе использования этого предмета выясняется, что плотность таких нежелательных явлений возрастает. Кроме того, вслед за героем, на сцену выходит настоящий владелец артефакта, так что расход маны (сверхъестественная сила, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы — *прим. авт.*) оказывается максимально направлен на избегание последствий её использования. Испуганный герой решается на пожелание собственного бессмертия, в результате чего уходит в минус по мане и оказывается рабом на каменоломнях с перспективой провести в этом качестве безумное количество лет до полной оплаты своих желаний. Когда же он пытается выяснить стоимость бессмертия, оказывается, что оно, разумеется, предоставляется бесплатно, чтобы хватило времени на рабскую отработку собственной глупости [15, с. 27].

Так что цена прогресса для индивидуальности и для власти значительно разнится. Как определить эту цену для социума? Нам представляется, что дискриминант всех случаев при задаче решить уравнение, в котором выигрыш находится на стороне власти, свидетельствует не в пользу прогресса как аргумента. Впрочем, все зависит от этических принципов, из которых, по нашему мнению, ведущие: самосознание — счастливая жизнь и жизнь — счастливая возможность самосознания.

Нельзя не заметить, что чем больше дистанция между властью и народом, тем более значительные материальные свершения такого общества можно обнаружить. Да, египетские пирамиды потрясают своим величием, но как они пригодились человечеству, кроме как свидетельства величия прежних правителей и повод обогащения рентной группы бездельников, наживающихся на многотысячных смертях своих предков? Следует говорить, что зачастую необходим факт безжалостной эксплуатации как способа обеспечения известного нам прогресса. Но нужен ли в таком варианте прогресс? Есть еще более пугающие свидетельства вреда прогресса для социума. Так тотальная добыча нефти, которая является смазочным материалом между земной корой и слоями, расположенными над

мантией, приводит к землетрясениям. По мере роста населения и снижения доходов люди могут регрессировать до состояния, минимально удовлетворяющего требованиям для выплаты пенсии, — возможно, это будет «мозг с едва брезжущим сознанием, погруженный в контейнер и подключенный к снабжению кислородом и питательными жидкостями, который обслуживают машины и который способен накопить немного денег на воспроизводство путем клонирования себя специальным роботом-техником» [3, с. 259]) царствования «высокоморальной обезьяны». Но до тех пор, пока не решен натурфилософский вопрос о вероятности существования души и возможности передать ее неорганическому носителю, разве не право великое есть защитить человека пред богом? Даже если этот бог — грядущий результат доминирующей функции прогресса — бог «из машины» («тот, кто видит во вселенной один только механизм, фатальным образом упускает совершенно из виду тайну вселенной. «Изгнание всякого божества из человеческого представления о мире в моих глазах — жесточайшее животное заблуждение; я не говорю — языческое, чтобы не оскорблять язычества, каково бы оно ни было вообще. Это неправда; это в самом существе своем ложь. Человек, думающий так, будет думать неправильно и обо всем остальном: первородный безбожный грех извратит в корне все его суждения. Это заблуждение мы должны считать самым плачевным из всех заблуждений, плачевнее даже колдовства. Впадая в примитивную магию, человек поклоняется, по крайней мере, живому дьяволу, а здесь он поклоняется мертвому железному дьяволу; ни Бога, ни даже дьявола! Все благодарное, святое, всякое вдохновение исчезает, благодаря этому заблуждению, и повсюду в жизни остается одно презренное *carut mortuum* [мертвая голова - прим. авт.], — механически связанная оболочка, из которой дух живой исчезает совершенно... Человек становится параликом в духовном отношении: божественная вселенная — мертвой, механически связанной паровой машиной, работающей благодаря только двигателям, нажимам, рычагам <...> и ожидает своей жалкой смерти» [4, с. 76]). И Прометей, и некий, оставшийся неизвестным общественности, ирландец Стивенс пытались это сделать:

Я видел Бога! Думаете, вру?
Я лицезрел Всевышнего не спяну!
Он опирался на вершины гор,
А борода струилась на ветру
За край Земли! И зоркий Божий взор
Скользил по суше и по океану...
Я врать не стану!
У Господа был недовольный вид.
Он был сердит!
Я видел его близко - вот как вас!
Чело его от гнева излучало

Ужасный свет! И он ворчал устало:
«Планетка эта мне не удалась,
Тут все не так - все, с самого начала!»
И он занес ладонь
Над маленькой вертящейся Землею!
Но встал я на пути, кричу: «Не тронь!
Не видишь, что ли, кто перед тобою?»
Он пригляделся - и расцвел:
«Так ты не помер, дорогое чадо!
Я рад!» ...И руку страшную отвел
[20, с. 301-302].

Ответ на сущность природы человека нам неизвестен, однако, пожалуй, стоит оставить гипотетически его именно таким, пока не станет очевидным, что мы — «... до известной степени мы находимся под влиянием и вымышленных персонажей, созданных опять-таки человеческой фантазией для удовлетворения все того же человеческого воображения [3, с. 170], тени Великих мыслей (по Платону), или еще какая-либо умозрительность. Потому, кстати, нельзя принять решение Сократа о том, что жертва собой ради этических принципов является судьбой, достойной Мудреца. Великий Сократ серьезно говорил о том, что в нём есть некий дух, который помогает ему не совершать дурных поступков. Кроме того, он говорил, что демоны - это боги или побочные дети богов. И эта вера была повсеместна в его время. Все нимфы и другие духи - всё это демоны, они все именовались этим словом» [7]. Потому признать самоубийственный поступок Сократа с отказом за достойный образец можно лишь с определенным скепсисом. В продолжение темы

рассмотрим рождение инакомыслия. Повседневное восприятие судьбы своего народа становится попыткой определения уровня пассионарности источника власти. Но даже при аргументированном принятии позитивной оценки, к нему остаются вопросы: Насколько власть рафинирована? Может ли она справиться с проблемами своего возвышения таким образом, чтобы это служило пользе своих подданных? Иначе говоря, в чем цель ее возвышения?

Это бывает трудно понять сразу, при активном предвыборном пиаре, но уже в первое полугодие правления обычно появляются существенные приметы. Хотя их официальная трактовка всегда в пользу власти, в политическом дискурсе поневоле возникает инакомыслие. Опыт Германии 30-тых выявил феномен «выученной беспомощности», который можно воспитать в текущем поколении, но он не закрепляется генетически, в силу чего каждое поколение нужно снова «пичкать» информационным потоком, чтобы получить апатичных людей («для инвесторов самым выгодным было бы создать виртуальных работников-«рабов», готовых трудиться за зарплату на уровне прожиточного минимума. Сделать это можно было бы, копируя тех работников, которые уже согласились на такие условия. Путем соответствующего отбора (и, возможно, некоторого изменения кода) инвесторы могли бы создать работников, которые не только предпочтут трудиться добровольно, но и решат пожертвовать своим работодателям все дополнительные доходы, если такие вдруг появятся» [3, с. 261]. Такой процесс в глобальном мире контролировать невозможно, поэтому политика изоляционизма на государственном уровне должна заставить насторожиться. Нельзя забывать, что консолидация общества, достигаемая через изоляционизм, включает методы борьбы с инакомыслием и плюрализмом - верными показателями существования демократических ценностей. Способность правления без принуждения и изоляции является показателем высокой пассионарности власти. Без такой пассионарности интернациональная активность США была бы невозможна. Но есть свидетельства [8] того, что политическая система США сегодня сделала невозможной гибкую и изобретательную политику, и в жизни «мирового жандарма» грядет новый этап изоляционизма. Чему и свидетельствуют заявления Трампа. В тезисе: «чем более абсолютна власть, тем далее от такой позиции, как правило, окажется власть следующая» — имеется в виду не смена правителя, а последствия изменения вектора правления. Суть же принципа сводится к развитию в обществе принципа самоконтроля. Психологи знают, что /балованные/деструктивные дети оказываются продуктом воспитания наиболее властных контролирующих родителей. Ибо потребность контроля детерминируется внешним источником, самоконтроль же остается в зачаточном состоянии. Аналогичные процессы происходят и с обществом, обычно зрелость которой трактуется на основе той или иной социальной утопии.

В соответствии с традицией, заложенной еще в древности, руководствуется двумя принципами, имеющими глубокую историю управления и контроля поведения: выгода и этика. Один обеспечивает выживание, другой идентифицирует принадлежность к роду человеческому (табл. 2).

Таблица 2 - Принципы контроля

Контроль	Выгода	Этика
Внешний	Экономика	Идеология
Внутренний	Политика	Общественное мнение

Приведенная таблица отражает современную интерпретацию сфер контроля в той мере, в которой существуют сами понятия, отражающие глубинную суть «заградительных средств и побудительных мотиваций». К сожалению, более точных определений не находится, поэтому - пояснения:

- Внешний контроль, основанный на выгоде, в современном обществе, где безопасность редко зависит от длины копыта или остроты меча, где здоровье сводится к

сумме, которую можно за него выложить, сводится к персональным экономическим возможностям.

- Внутренний контроль, основанный на выгоде — это границы того, что можно себе позволить. Это границы сферы возможностей, обусловленной своим политическим положением в обществе. Сюда входят авторитет, популярность и другие имиджевые составляющие, которые удастся конвертировать эту публичность в основание юридического снисхождения).

В целом, контроль посредством выгоды ориентирован на формирование единых принципов стратификации общества. Установление единообразных целей достижения задает известную нам «гонку выживания», что облегчает власти контроль населения, в том числе, способного выжить в обществе и иными путями. В результате, все стремятся быть успешнее, стать «круче» окружающих.

- Идеология, как навязанная властью внешняя этика, не приобретает стратегической значимости в государстве. Это тактическое высокоэффективное решение, подчиняющее политически, экономически, социально активных граждан. Не в той степени, на которую рассчитывает власть, но обеспечивает толерантность, формирует моральный облик передового отряда человеческой популяции (ее активных граждан).

- Общественное мнение - «то, чего нет» в эпоху постправды, но мы ее фиксируем дабы актуализировать парадокс отсутствия общественной солидарности. Под этой солидарностью мы подразумеваем не навязанную идеологически, а естественно проявленную как результат самоконтроля обществом существующих в нем дискурсов.

- Последние попытки построения горизонтальных связей в современном обществе... Ну и для самых «олдовых» напомним советский опыт устройства ярмарок. Установление горизонтальных связей в обществе, его консолидация, воспринималась как приоритетная политика государства.

Этический контроль в целом не будет выглядеть так впечатляюще, как государственная информационная политика или фактически взращенная в обществе агрессия, ожидающая, пока ее спустят с поводка. «Зрелый человек, находящийся на подходе к вершине жизни, способен видеть дальше. Он различает скрытые очертания прошлого, нити повествования, ускользнувшие ранее от его взгляда, и видит собственную жизнь целиком. Кроме того, он замечает удачные совпадения - «точки пересечения множества сходящихся линий» [17, с. 324]. В. Парето, рассматривая ротацию элит, которую он считал циклическим явлением, связанным с попеременно наступающей потребностью единения или иерархизации внутри государства, приходит к выводу, что подобное явление прослеживается с Античности: «Отчасти сходные с сегодняшними процессы, о которых нам рассказывает история, развиваются неравномерно и не монотонно, но всегда волнообразно, принимая то или иное направление, хотя это не мешает различить общий ход, заслоняемый временными колебаниями. Эти колебания порождаются самой природой людей, отношения которых с правительством зависят от факторов, делящихся на две группы: связанных с достижением согласия и связанных с применением силы» [17, с. 60]. Просматривается, что, в отличие от марксистского подхода, действующей силой трансформации Парето считает цикл политического возвышения и вырождения соответствующих элит (сегодня мы бы назвали такой процесс результатом, а причиной его - перемены в общественных отношениях), а не социальные процессы солидаризации народных масс.

Парето также уделяет внимание и народной воле. Однако он полагает, что демагогические средства парламентской плутократии всегда способны поставить народные массы на службу собственным политическим и экономическим целям. Причина этого в том, что граждане государства ограничены в возможности влиять на собственное экономическое благосостояние и тянутся за теми вождями, кто способен давать пустые, но очень соблазнительные обещания процветания. В. Парето — один из адептов социологической экономики: «В наблюдении, что общество есть продукт совокупности капиталов, частных или коллективных, заключается большая доля истины, которая вытекает из того, что

существуют некие границы, некие плотины, за которые социальная эволюция не в состоянии выплескиваться» [17, с. 183].

Как мы уже заключили выше на примере социальной картины Англии XIX в.: «Рабочий класс формировался как сообщество с новым уровнем самосознания в силу освобождения от территориальной привязки по мере становления промышленности, управляемое энергией противопоставления себя устаревшей среде. Вызов «Прометея» обуславливается возможностью через прометеевский дух и выразить протестное движение рабочих, и найти свое место для элиты и власти». Это не может устроить ни власть существующую, ни элиту, которая только стремясь во власть и старается оседлать силу массы посредством популизма и декларации солидаризации народной воли. «Политикан стремится быть сторонником теории солидарности, следуя желанию получить деньги, власть, почет. При изучении данной теории это его стремление, свойственное почти всем политиканам независимо от того, отстаивают ли они черное или белое, будет просматриваться только мимолетно» [16, с. 138].

Если же рассматривать современное положение дел, то, как и предвидел Карлейль, именно вожди промышленности сегодня зачастую становятся политическими вождями или их соправителями. Их политическая позиция никогда не будет на стороне демократии: «В словах, формулирующих знаменитый принцип Античности: «Одновременную власть многих нельзя считать правильной», – слышится голос наших капиталистов, протестующих против контроля, который политики хотят ввести в промышленности» [17, с. 156]. Кроме анализа, критики и развенчания иллюзий, до которых общественности обычно нет никакого дела (по Псевдо-Ксенофону, «народ <...> хочет быть свободным и управлять» [18]), хотелось бы обосновать некоторые простейшие принципы политической системы, в отсутствие которых не достижимо демократическое общество. Во-первых, участие в политической деятельности не должно сулить никаких благ. Это должно не только контролироваться аналогом ревизионной комиссии для чиновников различного уровня, вплоть до сенаторов, но и в случае обнаружения фактов нарушения должно сопровождаться прописанными публичными формами автоматического наказания, начиная с обязательного пожизненного отлучения от политической сферы, конфискации приобретенных благ до уголовного преследования и публичного морального осуждения. Участие в политическом истеблишменте должно стать рандомно-выборной повинностью, не зависящей от принадлежности к элитам. Собственно, еще «пуританин» М. Вебер указывал, что «... тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов» [5, с. 59].

Здесь возникает вопрос возможности контроля лобби, которое стало источником дохода депутатов и серьезного общественного неравенства, убийцей инициатив мелкого и среднего предпринимательства. Вот в этом вопросе скрывается отсутствие политического курса на развитие демократического народного государства.

Во-вторых, следует отказаться от такой мертворожденной теоретической конструкции: политизация «как привнесение в процедурные аспекты политики содержательного контента. Политизация выполняет важнейшую общественную функцию - позволяет политике и политикам оставаться актуальными и адекватными обществу» [6]. Концепция обслуживания власти (сервилизм) должна быть неприемлема для академической науки. Наука должна обслуживать государство, его граждан и истину. Именно в такой последовательности. Или, если заменить это понятиями, понятными титану Прометею, то это будет «человечество», «люди», «прогресс».

Тогда, видимо, политизация - это привнесение в общество политического нарратива с целью выработки демократических решений (т.е. принятых народом). Вовлечение народа в политические процессы должно коррелировать со степенью индивидуальной ответственности за судьбу Родины. Рассмотрим такие исторические события, как переселения и завоевания. «В период переселений и завоеваний царская власть была еще

необходима; но по миновании его миновала необходимость и в царской власти», – выше цитировали мы В. П. Бузескула.

Про царскую власть нам известно уже из исторического опыта Древней Греции, но более универсальный принцип должен гласить, что оперативные, иначе говоря, неотложные тактические задачи высокой сложности, требующие высокой скорости принятия решений и большой креативности, гораздо легче осуществляются при системе единоначалия.

Достаточно органичные примеры такой узурпации в античности, в особенности классического и эллинистического периода, не свидетельствуют о неизбежном наступлении репрессий. Со всей полнотой проблема узурпации власти встает только в Римской республике, но тогда мысль о прометеевском подходе к оценке власти или преобразованию властных отношений были в ходу лишь у самых обреченных сенаторов. Основная угроза государству постепенно перемещалась к внешней (варварские набеги), вслед за которыми следовала массовая миграция, как в сам Рим, так и в подконтрольные ему области. Типичной проблемой позднего Рима были организованные пришлыми варварами грабежи римских предместий. Их причина не в какой-то особенной природе этих варваров или слабости организации центральной власти. Это полностью социологическая проблема, основанная на столкновении формаций не граждан с жителями республики. Такая проблема, например, недавно также встала перед властями японских префектур, в которых размещены американские военные базы. Если вкратце определить проблему узурпации власти сегодня: те, кому была доверена власть как право на распоряжение ресурсами, не должны были бы рассматривать это право как основание превращения функции администрирования в функцию экономической регуляции отношений с гражданами государства, этического или юридического обоснования собственной исключительности и тому подобных заблуждений по праву носителей силы. К такому выводу мы приходим, рассмотрев исторический период жизни Афин, непосредственно предшествовавший появлению трагедии Эсхила. Однако данный факт можно признать только за этим уникальным периодом царства демократии, когда капля мнения одного политика тонет в океане людских голосов. Во всех прочих случаях простейшая административная функция приводит к парадоксу тотальной узурпации: «Парадокс власти проявляется в полную силу: уничтожаются именно те практики, которые позволили получить власть. Мы добиваемся власти и сохраняем ее благодаря эмпатии, но, получив власть, перестаем обращать внимание на других. Мы добиваемся власти и сохраняем ее благодаря щедрости, но затем уступаем жадности и стремлению удовлетворить личные потребности» [11, с. 97]. Да, власть парадоксальна. Она предоставляет разнообразные социальные права, при этом отнимает у социальных институтов и индивидов, обеспечивающих их деятельность, реальную власть – доступ к управлению и в тоже время обеспечивает последнюю новыми вариантами функционирования.

Список использованных источников

1. Бласко, И. В. Избранные произведения [Текст] : [Пер. с испан.] / [Вступ. статья, с. III-XXVIII, и примеч. З. И. Плавскина] ; [Ил.: Н. И. Альтман]. - Москва ; Ленинград : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1959. - В 3 т. Т. 2. С. 309–585 [электронный ресурс] // Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/BLASKO/mertweye.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 05.06.2025).
2. Боровой, К. Страна на грани педикулеза / «АиФ». – № 43(888), 1997. – 16 с.
3. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, Эл. книга. 2016. – 492 с.
4. Булгаков, С. Н. О социальном морализме (Т. Карлейль) / С.Н. Булгаков Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. – 589 с.
5. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер; [пер. с нем. и вступит. ст. А. Ф. Филиппова]. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 292 с.
6. Данилов, М. В. Политизация в современном обществе как объект политических

исследований / Доклад. Пятый Всероссийский конгресс политологов Москва, 20-22 ноября 2009 г. [электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf (дата обращения 01.05.2025).

7. Зубов, А. Б. Демон и человек в религии Древней Греции (лекция 75) [электронный ресурс] // Режим доступа: https://abzubov.com/new_course/lecture_075 (дата обращения: 20.05.2025).

8. Капчан, Ч. Тонкий баланс для американской политики [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/izolyacionizm-vovlechyonnost/> (дата обращения: 23.05.2025). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-174-183

9. Карлейль, Т. Прошлое и настоящее / Пер. Н. Горбова, гл. «Вожди промышленности» [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 23.05.2025)

10. Карлейль, Т. Теперь и прежде / Сост., подг. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – Москва: Республика, 1994. – 415 с.

11. Келтнер, Д. Парадокс власти: Как обретают и теряют влияние. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 190 с.

12. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

13. Лефевр, А. Производство пространства. – Москва: «Strelka Press», 2000. – 334 с.

14. Мамедов, А. К. Логос Демоса. Судьба Прометея : от Эсхила до Шелли / А. К. Мамедов, Д. Г. Горлач, М. Е. Горлач. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-317-06928-5.

15. Мамедов, А. К. Эготизм как форма политического лидерства в современном мире / А. К. Мамедов // Теории и проблемы политических исследований. – 2024. – Т. 13, № 9-1. – С. 23-32.

16. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова ; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой ; науч. консульт. Н. А. Макашёва. – 2-е изд. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.

17. Парето, В. Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. – Москва: Издательский дом «Территория будущего». – 288 с.

18. По Псевдо-Ксенофонт (§ 1.2.) «Народ <...> хочет быть свободным и управлять» [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1342165208> (дата обращения: 23.05.2025)

19. Стеблин-Каменский, М. И. Миф. – Ленинград: Наука, 1978. – 104 с.

20. Стивенс, Дж. Что рассказывал Томас в пивной // Пер. М. Бородинской / Поэзия Ирландии. – Москва: Художественная литература, 1988. – 479 с.

21. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии // Пер. с англ. К. Бандуровского. – Москва: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.

Сведения об авторах

Мамедов Агамали Кулам-Оглы – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: akmnauka@yandex.ru. Рабочий телефон: +7 495 939-15-74

UDC 316.008

SOCIOCULTURAL DISCOURSE OF POWER: INTERPRETATION AND GENESIS

Mamedov A.K.

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article discusses topical issues of socio-cultural aspects of the phenomenon of power in historical retrospect. The aim is to examine the origins of those realities that have a significant impact on the livelihoods of modern peoples and states on the part of government agencies. The author analyzes various parameters of control as one of the manifestations of power. The conclusion is the paradoxical position of power, which, on the one hand, grants a variety of social rights, and on the other, takes away real power from social institutions and individuals who ensure their activities - access to management.

Keywords: discourse, power, progress, socio-cultural parameters, historical background.

References

1. Blasco, I. V. Selected works [Text] : [Trans. from Spanish.] / [Introduction. article, pp. III-XXVIII, and note by Z. I. Plavskin]; [Ill.: N. I. Altman]. - Moscow ; Leningrad : Goslitizdat. [Leningr. edition], 1959. - In 3 volumes. Vol. 2. pp. 309-585 [electronic resource] // Access mode: http://lib.ru/INPROZ/BLASKO/mertwye.txt_with-big-pictures.html (accessed 06/05/2025).
2. Borovoy, K. The country is on the verge of pediculosis / «AiF». – № 43(888), 1997. – 16 p.
3. Bostrom, N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies / Nick Bostrom; translated from English by S. Filin. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, E-book. 2016. – 492 p.
4. Bulgakov, S. N. On social moralism (T. Carlyle) / S.N. Bulgakov Two grads. A study on the nature of social ideals. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1997. – 589 p.
5. Weber, M. Politics as a vocation and profession / M. Weber; [trans. with him. and will be joined by art. A. F. Filippov]. Moscow: RIPOLL Classic, 2020. 292 p.
6. Danilov, M. V. Politicization in modern society as an object of political research / Report. The Fifth All-Russian Congress of Political Scientists Moscow, November 20-22, 2009 [electronic resource] // Access mode: https://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf (accessed 05/01/2025)/
7. Zubov, A. B. Demon and man in the religion of Ancient Greece (lecture 75) [electronic resource] // Access mode: https://abzubov.com/new_course/lecture_075 (date of access: 05/20/2025).
8. Kapchan, H. A delicate balance for American politics [electronic resource] // Access mode: <https://globalaffairs.ru/articles/izolyacionizm-vovlechyonnost/> / (date of access: 05/23/2025). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-174-183
9. Carlyle, T. The past and the present / Translated by N. Gorbova, ch. «Leaders of industry» [electronic resource] // Access mode: <https://ru.wikisource.org/wiki> (date of access: 05/23/2025).
10. Carlyle, T. Now and before / Comp., ed. text and notes by R. K. Medvedeva. Moscow: Republika Publ., 1994. 415 p.
11. Keltner, D. The paradox of power: How they gain and lose influence. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus, 2016. 190 p.
12. Kordonsky, S. G. Estate structure of post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2008. 216 p
13. Lefebvre, A. Production of space. Moscow: Strelka Press, 2000. 334 p.
14. Mamedov, A. K. Logos of Demos. The Fate of Prometheus: from Aeschylus to Shelley / A. K. Mamedov, D. G. Gorlach, M. E. Gorlach. Moscow : MAKS Press, LLC, 2023. 256 p. ISBN 978-5-317-06928-5.
15. Mamedov, A. K. Egoism as a form of political leadership in the modern world / A. K. Mamedov // Theories and problems of political research. - 2024. – Vol. 13, No. 9-1. – pp. 23-32
16. Pareto, V. Compendium on general Sociology / V. Pareto ; translated from Italian by A. A. Zotov ; scientific ed., preface. to the Russian edition, decree. names of M. S. Kovaleva ; scientific consultant N. A. Makasheva. – 2nd ed. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2008. – 511c.
17. Pareto, V. Transformation of democracy / Translated from Italian by M. Yusima. – Moscow: Publishing house «Territory of the Future». - 288 p.
18. According to Pseudo-Xenophon (§ 1.2.) «The People <...> wants to be free and govern»

[electronic resource] // Access mode: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1342165208> (date of access: 05/23/2025).

19. Steblin-Kamensky, M. I. Myth. Leningrad: Nauka Publ., 1978, 104 p.

20. Stevens, J. What Thomas told in the pub // Translated by M. Boroditskaya / Poetry of Ireland. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 479 p.

21. Ferguson, N. Empire: what the modern world owes to Britain // Translated from English by K. Bandurovsky. – Moscow: Astrel: CORPUS, 2013. – 560 p

Author's information

Mamedov Agamali Kulam-Oglu – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: akmnauka@yandex.ru. Office phone: +7 495 939-15-74

УДК 316.77

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА**

Мельников С.Л., Ерохов М.В., Потураев Д.С.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы управленческих параметров имиджа политического лидера. Авторы рассматривают те факторы, благодаря которым создается управленческий эффект властного актора. В статье обосновывается понятие политического имиджа как результата взаимодействия множества факторов, включая личные качества самого политика, его стиль общения и готовность к открытости. В статье говорится о том, что зачастую имидж лидера становится его визитной карточкой, которая может неделями, а нередко годами формировать представление о нем в сознании общественности. Ввиду этого, как констатируют авторы, политический имидж нельзя рассматривать в отрыве от вызывающей необходимость в тех или иных имиджевых чертах социальной системы, в которой он функционирует; это динамический процесс, в котором каждый элемент — от речи до внешнего вида — становится частью единого нарратива, поэтому так важен дискурс-анализ политического имиджа. Это помогает не только оценивать эффективность политических действий, управленческих интенций, но также осмысливать механизмы власти и взаимодействия в обществе. В этом контексте восприятие становится не просто результатом, но и активным процессом: в нём одновременно в одинаковой степени важны как действия политика в публичной сфере, так и характер восприятия их социумом. *Ключевые слова:* управленческие интенции, политический лидер, имидж, публичная сфера, дискурс-анализ, политическая коммуникация.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-84-94

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в контексте функционирования структуры социальной системы политический лидер представляет собой многогранное явление, вбирающее в себя не только личностные, но также социальные, культурные и исторические характеристики как самого актора - политического лидера, так и окружающей его социально-политической действительности. Идентифицировать его функциональную сущность и значимость в контексте социального управления можно через множество различных аспектов: его воздействия на общественные процессы, его роль в принятии решений и в формировании общественного мнения. В публичной сфере (в которой и действует политический лидер по большому счёту) очень важны управленческие интенции [5], восприятие которых зачастую зависит от имиджа политического лидера, поэтому его дискурс-анализ необходим для выявления глубинных процессов управления, понимаемого нами как влияние государства на общество (помимо других граней этого понятия).

С одной стороны, политический лидер представляет собой обособленную управленческую единицу из высшего слоя общественной иерархической системы - политической страты, обладающей властью и способной оказывать влияние на функционирование социальной системы. Вместе с тем политический лидер является принимающей, транслирующей и реализующей нужды и потребности своего электората или общества в целом стороной коммуникативного процесса между социумом и властью. В своей сущности политический лидер - управленческая единица социальной системы, способная мобилизовать ресурсы и активировать общественные группы вокруг определённых идей или политических целей в публичной сфере, играя, таким образом, роль основоположника изменений. Согласно различным типологиям, степень общественного восприятия функциональной адекватности политического лидера основана на дефинициях традиционной классификации (легального или же харизматичного) типов поведения. Но вместе с тем его лидерство зависит от задаваемых состоянием социальной структуры контекстов [1], которые регламентируют его деятельность и определяют характер его коммуникации с населением в публичной сфере. Его авторитет зачастую основан на признании и легитимности, что подчёркивает необходимость соответствовать ожиданиям

электоральной базы населения. Политический лидер, по сути, выступает в роли связующего звена между различными частями общества и властью. Лидера можно рассматривать как исполнителя общественных настроений – его действия и решения часто становятся отражением мнений и ожиданий населения, но также он способен и формировать их. В процессе социально-политических мероприятий и социального управления такая динамика коммуникативного процесса между актором и обществом занимает немаловажное место (реализуемое, во много, дефиницией политического имиджа, рассматриваемого нами в дальнейшем), обеспечивающее стабильное функционирование социальной системы в целом.

Значимым для понимания сущностного наполнения политического лидера как социального явления и исполнительской стороны в контексте социально-политических процессов в публичной сфере является и понятие его стиля руководства. Стилиевые подходы (авторитарный, демократический, либеральный и т.д.) занимают важное место в оценке лидерства. Например, демократ, в отличие от авторитарного правителя, может быть более подвержен влиянию общественного мнения и находиться с большей зависимостью от процесса коммуникации с населением. Вместе с тем большую роль играют и личностные качества политика, в значительной степени являющиеся основой построения его образа, делающего ставку уже не на укрепление его воспринимаемой общественностью степени легитимности, а на заигрывание с общественным сознанием и «продажу» ему фигуры политика. Харизма, уверенность, умение вести переговоры и способность к эмпатии являются ключевыми характеристиками, определяющими успех и стабильность в управлении. Как актор, политический лидер несёт в себе как функцию разработки и утверждения запланированных им социальных введений, так и функцию внедрения ответных мер на какие бы то ни было внешние по отношению к социуму раздражители, что наделяет значимостью поддержку политика населением.

Таким образом, политический лидер - это не только наделённый властью индивид, но вместе с тем и комплексное социальное явление, играющее важнейшую роль в формировании процесса общественной жизнедеятельности. Именно через управленческую деятельность политических лидеров проявляются глубинные процессы, движущие народ, их ожидания и стремления, состояние и функционирование общественной системы в целом.

Обеспечение деятельности политического лидера в немалой степени зиждется на так называемом политическом капитале. В своей сути политический капитал является аккумулярующей совокупностью явлений доверия, репутации и влияния, которыми располагает политик в своих отношениях с обществом и другими политическими деятелями. То есть, политический капитал состоит не только из финансовой и материальной базы, снабжающей политического актора средствами к воплощению своих программ и предлагаемых им социальных преобразований, но также и из совокупности накопленных социальных связей, ассоциаций, приписываемых его фигуре в общественном сознании. Политический капитал можно рассматривать как накопленный опыт, влияние и ресурсы, которые лидер может задействовать в своей деятельности, в постулировании управленческих интенций. В своей сути, политический капитал - своеобразный рычаг давления на общественное сознание и инструмент манипулирования им в публичной сфере, который может быть использован для реализации более широкой социальной ответственности, для трансформации общества и улучшения жизни людей.

В контексте социально-политических процессов фигура политического лидера имеет ряд функциональных аспектов, наделяющих её особым, краеугольным значением в системы межгрупповых и межинституциональных отношений.

Во-первых, политический лидер — это управленческая социальная единица, отвечающая за стратегическое направление, ресурсное обеспечение всей социальной системы. Критически же значимыми аспектами деятельности политического актора являются координация действий разных участников, формирование команды и обеспечение управленческого процесса, зачастую через управленческие интенции. Комплекс таких мероприятий обеспечивает успешную деятельность политика. Вдобавок к этому,

политический лидер должен обладать качествами мотиватора и вдохновителя управленческих процессов. Лидерские качества, такие как харизма и целеустремлённость, выступают в роли катализатора для достижения социально значимых нововведений.

Также политический лидер выступает гарантом и протектором интересов своих граждан. В своей функциональной сущности он несёт ответственность обеспечения прав и свободы населения, их безопасности и благосостояния. Эти обязанности объектом своей деятельности имеют как внутреннюю, так и внешнюю политику. Важнейшим аспектом здесь выступает способность выявлять проблемы и находить пути их решения. Вместе с тем политический лидер также должен обладать и далеко идущим стратегическим мышлением в поле социального благополучия: разрабатывать долгосрочные планы, которые будут отвечать интересам общества и государства, учитывать социокультурные особенности и экономические реалии.

Кроме того, важной функцией политического лидера является и готовность к реакции на возникающие кризисные ситуации. В своей деятельности он неизбежно сталкивается с различными противоречиями и недопониманиями - как общественными, так и политическими. Нельзя игнорировать и социальные условия, в которых находится лидер. Владение информацией, коммуникация с населением и активное участие в социальном диалоге являются важнейшими инструментами, обеспечивающими стабильность его положения в сознании электората.

Не менее значимой обязанностью является адаптация к меняющимся условиям - как самого актора, так и ведомых им социальных групп. Являясь актором социально-политического процесса и реализуемых в нём мероприятий, политический лидер должен быстро реагировать на изменения как внутри страны, так и за её пределами. Эффективное принятие решений в условиях неопределённости — критически необходимый навык в социальном управлении, наличие которого способствует стабильному функционированию и развитию социальной системы в целом. Также стоит отметить и значимость мероприятий в публичной сфере, направленных на работу с электоратом и общественным восприятием фигуры политика в целом. Поддержание доверия среди населения и легитимности властных структур — одна из важнейших сторон деятельности политического лидера, во многом удовлетворяемая политическим имиджем [2; 3].

Таким образом, функции политического лидера представляют собой сложный набор взаимосвязанных и взаимодополняющих задач, от успешного выполнения которых зачастую зависит не только его карьерная судьба, но и состояние всей социальной системы, в управлении и развитии которой он участвует.

Важной стороной деятельности в политическом лидерстве выступает и стратегическое управление на уровне политических институтов. В функциональном поле актора данный аспект деятельности политического лидера определяет эффективность реализуемых и запланированных им мероприятий, направленных на стабильность общественного благосостояния. В этом контексте лидер не просто принимает решения, формулирует управленческие интенции, а разрабатывает стратегии, основываясь на анализе текущей ситуации, долгосрочных целях и потребностях общества.

Стратегическое планирование, как неотъемлемая сторона деятельности политического лидера, состоит из ряда последовательных операций, своим итогом имеющих видение будущего социальной системы. Первый этап в этом процессе — это определение социальных [9], культурных [7; 8], политических и экономических [10] условий, в комплексе которых работает лидер. Изучение политической, экономической и социальной ситуации позволяет выявить возможности и угрозы, которые позднее играют ключевую роль в формировании управленческих решений. Исследование мнений экспертов, граждан и целевых демографических групп позволяют собрать необходимую информацию для создания сбалансированной стратегии.

Вместе с тем важно отметить и динамичность стратегического планирования как явления социально-политических процессов. В условиях быстроменяющегося мира

способность к быстрой адаптации, пересмотру своих подходов становится решающим фактором. Здесь также важно учитывать мнение общественности в публичной сфере. Игнорирующий потребности и запросы общества актор рискует лишиться электоральной поддержки и, как итог, стабильности своего места управленческой единицы в социальной системе. Для обеспечения успеха мероприятий, реализуемых в рамках социально-политического процесса, в целях мониторинга и диагностики применяется ряд методов. Используя методы коммуникации с населением, такие как социологические опросы или общественные обсуждения, можно своевременно откорректировать курс действий. Среди же специфических методов можно выделить несколько подходов: SWOT-анализ, моделирование сценариев и использование математических моделей. Каждая из этих техник позволяет глубже взглянуть на ситуацию, выявить альтернативные способы реализации программ и выбрать наилучший по набору критериев (будь то эффективность, приемлемость или простота внедрения) метод.

Заключительной стадией формирования управленческой стратегии является внедрение и оценка результатов. Понимание, как происходят изменения в обществе под влиянием принятых решений, даёт возможность корректировать дальнейший курс действий в публичной сфере.

В итоге, формирование стратегий управленческих решений — это многогранный процесс, основанный на исследовании, командной работе и эмоциональной чуткости, и, только сочетая все эти факторы, политический лидер может добиться выдающихся результатов и сделать значимый вклад в развитие общества.

Коммуникация с населением представляет собой один из ключевых факторов влияния на политического лидера и его действия в процессе управления обществом. В условиях современного политического климата, характеризующегося молниеносным распространением информации до общества и повышенного уровня вовлеченности граждан в политические процессы, игнорирование мнения общества может привести к значительным ошибкам со стороны власти имущих. Коммуникация с населением выполняет несколько важных функций, среди которых выделяются: выявление общественных потребностей, мониторинг социальных настроений, а также оценка эффективности принимаемых решений. В первую очередь, обратная связь служит каналом для получения актуальной информации о потребностях и ожиданиях населения. Активно взаимодействующий с гражданами политический лидер может оперативно реагировать на возникающие проблемы и предлагать их адекватные решения. Как пример, организации общественных опросов, проведение прямых эфиров и симпозиумов предоставляет жителям выразить свои мнения о происходящих в регионе или стране событиях. Таким образом, коммуникация с населением в публичной сфере становится индикатором настроений населения, позволяя также предотвратить возможные социальные протесты.

Важным аспектом коммуникации, помимо прочего, является её способность влиять на процесс принятия решений политическим лидером. Наличие информации о реальных потребностях общества может стать основой для формирования новых управленческих стратегий и альтернативных подходов к решению проблем. Здесь физическая и психологическая дистанция между лидером и населением играет принципиальную роль: чем более доступен и открытым будет политик, тем выше вероятность получения информативной и конструктивной обратной связи в публичной сфере. Однако стоит отметить, что обратная связь не всегда является однозначным показателем благополучия. Неопределённость в интерпретации полученной информации может привести к неправильным выводам, что в свою очередь создаёт риск неэффективной политики. Политический лидер, опираясь на общественные мнения, должен уметь фильтровать, адаптировать и интерпретировать информацию с учётом различных факторов: исторического контекста, культурных особенностей и специфики социального устройства страны. К тому же следует учесть, что коммуникация политика с населением не сводится только к позитивным откликам. Граждане, недовольные действиями власти, способны создать

атмосферу в публичной сфере, в которой политик вынужден отправляться на поиски новых путей, чтобы вернуть доверие электората. Игнорирование же процессов коммуникации с электоратом способно привести к утрате легитимности власти.

Таким образом, коммуникационный процесс с населением представляет собой эффективный инструмент воздействия на общество и способ влияния на политическое лидерство. Элементы открытости к диалогу, готовность к восприятию критики, желание активно слушать и учитывать мнение людей играет ключевую роль в создании доверительных отношений между лидером и обществом. Необходимо рассматривать этот процесс как двусторонний: политический лидер, взаимодействуя с гражданами, не только декларирует свои инициативы, но также получает отклик населения, формирующий его стиль правления. В долгосрочной перспективе такая открытость и способность к слушанию может обеспечить стабильность и устойчивость политической системы.

Особую же значимость политический актор приобретает во времена социальных кризисов и потрясений. Политические лидеры, обладающие необходимыми компетенциями, могут обернуть конфликт в конструктивный диалог. Во времена социальных потрясений их личные качества приобретают чрезвычайное значение, а эмпатия становится основой создания доверия, возвращения социальной системы к бесперебойному функционированию. Лидеры, способные выразить понимание кризисной ситуации, гораздо более эффективны на поприще социального управления. Также роль играет и характер вербальной коммуникации (проявляющейся в языковой личности политика [14]) актора с народом: чёткая, спокойная и уверенная коммуникация может успокоить общественные волнения, в то время как неуместные или запутанные заявления могут их и разжечь. Из этого вытекает ещё один аспект деятельности политического актора — перманентная необходимость в принятии решений, диктуемых обстоятельствами как внешними, так и внутренними. Нужно уметь принимать сложные решения, которые могут не всегда пользоваться всеобъемлющей народной поддержкой, но в конечном итоге способствуют восстановлению и стабильности. Это особенно актуально в контексте управления кризисом: в таких случаях вызывающие недовольство решения, непопулярные управленческие интенции могут быть управленческой необходимостью, а не прихотью.

Помимо кризисных ситуаций, свои коррективы в деятельность актора вносит и технический прогресс. Век информации предоставляет новые площадки для коммуникации между политическими лидерами и электоральными группами: социальные сети, мессенджеры и др. (наравне с традиционными, например, газетами и журналами [4]). Они, в свою очередь, могут быть как подспорьем в деятельности политика, так и источниками проблем. Быстрое распространение информации в публичной сфере иногда приводит к слухам и панике, и именно от лидера зависит, как этим правильно управлять. В кризисное время граждане хотят видеть лидера не только как человека, принимающего решения, но и как защитника их интересов. Это обуславливает необходимость адекватного сопоставления действий актора с общественными ожиданиями. В подобном контексте кризис становится не только испытанием, но и шансом для инновации и преобразований. Важно помнить, что именно от качеств лидера зависит, приведёт ли кризис к сохранению и укреплению выстроившихся в социальной системе процессов, или же приведёт к ещё большему хаосу и разобщённости в обществе.

Воспринимаемая обществом степень легитимности власти — это краеугольный камень, на котором строится устойчивость политической системы. Признание обществом авторитета и адекватности политических полномочий за лидером создаёт прочный фундамент для функционирования власти и стабильности социальной системы. Чем выше уровень легитимности, тем легче лидеру принимать решения, проводить реформы и предлагать новые инициативы. На практике это означает, что легитимность может проявляться через поддержку граждан, выборные процессы и даже через мнение ключевых групп в обществе. Отсутствие же легитимности за политическим институтом приводит к социальному хаосу; в этот момент прекращают работать многие регулирующие выполнение

законов и норм социальные механизмы.

Степень легитимности власти коррелирует со степенью социальных и экономических изменений. Политик, который имеет доверие общества, может внедрять реформы, не опасаясь массового сопротивления. Следовательно, как только возникает сомнение в легитимности, в стране начинают возникать кризисные ситуации.

Легитимность может быть усилена внедрением популистских лозунгов или проведением общественных мероприятий, формирующих мнение граждан о положительном воздействии власти. Но, несмотря на все манипуляции, подлинная легитимность базируется на признании и поддержке со стороны граждан. К тому же, важным аспектом является то, что легитимность власти не является статичным признаком; она подвергается изменениям в соответствии с обстоятельствами. Здесь же важную роль играет адекватность принимаемых решений по отношению к вызвавшим их социальным явлениям, их обоснованность и вовлеченность граждан. Молодёжь, например, имеет особое значение: их недовольство может служить катализатором массовых движений, способных подорвать стабильность. Взаимодействие между государством и обществом всегда должно учитывать ожидания и потребности населения. Ввиду этого легитимность власти является не столько инструментом, сколько процессом, постоянно находящимся в движении.

Таким образом, значимость фигуры политического лидера в контексте социального управления обозначается рядом его функциональных полномочий и особенностями своего положения в системе социальных отношений.

Политический лидер выполняет стратегическую функцию — он не только формирует видение развития общества, но и обеспечивает его реализацию. Лидер, обозначающий чёткую стратегию развития и функционирования социальной системы, способен адаптироваться к сложным условиям и изменяющимся обстоятельствам, что является жизненно важным в условиях современного мира, где политические, социальные и экономические реалии могут меняться молниеносно.

Дискурс-анализ показывает, что весомой является роль политического лидера как основного связующего звена между властью и обществом. Он должен не только учитывать интересы граждан, но и привносить их в процесс принятия решений. Общественное доверие, в свою очередь, становится важнейшим ресурсом для осуществления любых управленческих инициатив, интенций. Кроме того, нельзя игнорировать нравственные и этические аспекты политического лидерства. Лидер, действующий согласно высоким моральным стандартам, сможет создать атмосферу, в которой доверие и сотрудничество станут нормой. Примеры тех случаев, когда лидеры не справлялись с этими требованиями, показывают, как быстро может произойти утрата поддержки со стороны населения, что в свою очередь ведёт к социальным волнениям и не всегда предсказуемым последствиям.

Значительной также становится необходимость для лидера проявлять инициативу и оперативную реакцию на возникающие вызовы. В условиях кризисов способность принимать эффективные и своевременные решения становится определяющей для сохранения общественной стабильности.

Таким образом политический лидер представляет собой не только основную движущую силу управленческих процессов, но и необходимое условие для обеспечения стабильного и гармоничного развития общества в целом.

Обозначив функциональную значимость политического лидера в социальной системе, мы переходим к рассмотрению и обоснования значимости дефиниции политического имиджа в политической деятельности.

Политический имидж — это комплексное социальное явление, охватывающее то, как воспринимается политический лидер обществом, и, наоборот, каким образом этот лидер сам конструирует свой транслируемый социуму образ [11].

Как показал дискурс-анализ, основополагающим аспектом формирования политического имиджа является обилие визуальных, вербальных и невербальных элементов, которые коллективно воздействуют на восприятие и оценку лидера. Зачастую имидж

создаётся не только через действия или речи самого лидера, но и через деятельность его команды, каналов массовой коммуникации, медиа, а также других сторонних факторы. Следовательно, процесс формирования имиджа представляет собой сложную сетевую динамику, зависящую от множества условий. Важное место в данном контексте занимает явление общественного мнения. Оно, в свою очередь, является принципиально изменчивым и учитывает не только текущие события, но и исторический контекст, культурные особенности и социальные тренды.

Политический имидж — явление не статичное; в своей сущности он подразумевает в себе возможности к адаптации, эволюции и кардинальным имиджевым изменениям в зависимости от внешних обстоятельств, а само формирование имиджа — это прямое следствие взаимодействия с различными аудиториями. Вместе с тем политический имидж обладает рядом особенностей, делающих его использование крайне значимым в процессе социального управления [12].

Прежде всего, это его функция манипулирования общественным сознанием. В социально-политическом контексте политический имидж может служить как орудием воздействия на электорат, так и средством формирования общественного мнения. Воплощая в себе некие значимые для общества символы и идеалы, он способен привлекать сторонников или создавать образ врага.

Формирование политического имиджа — комплексный процесс, требующий значительных вложений ресурсов. Под ресурсами здесь подразумеваются не только финансовые затраты, но и человеческие ресурсы, время, а также специальные технологии и инструменты. Прежде всего, стоит отметить, что в условиях высококонкурентной политической среды политические лидеры стремятся создать в публичной сфере уникальный и запоминающийся имидж, который позволит им выделиться на фоне оппонентов. И именно для этого требуется значительное количество средств. Финансирование специализированных PR-агентств, медийных кампаний, рекламных стратегий требуют ощутимых бюджетов. Как правило, затраты на формирование имиджа могут достигать миллионов, в то время как влияние на общественное восприятие зачастую может быть неопределённым. Поскольку имидж формируется на пересечении разных медиаплатформ, от телевидения до интернет-ресурсов, политик должен инвестировать в разнообразные каналы коммуникации [6; 13]. Но финансы — не единственный аспект, важный в данном контексте. Существуют также человеческие ресурсы: сотрудники, отвечающие за пиар, аналитики, исследующие общественное мнение, и специалисты, создающие контент. Каждый из этих участников процесса играет свою важную роль, и их работа также требует затрат. Дискурс-анализ показал, что формирование имиджа — это командный труд, где успех зависит от взаимодействия множества людей, а атмосферу внутри команды нужно создавать и поддерживать. Не менее значимой является временная составляющая. Процесс создания устойчивого имиджа занимает месяцы, а то и годы. Политический лидер должен постоянно работать над своей репутацией, адаптироваться к изменяющимся условиям и прислушиваться к запросам общества. Это требует постоянного мониторинга, анализа и корректировок. Ретранслирование определённых образов и сообщений в публичную сферу может быть длительным и требует терпения и стратегического подхода.

На фоне всего этого нельзя оставить без внимания современные технологии. В условиях цифровизации имидж становится более «гибким», однако это подразумевает дополнительные затраты на цифровой маркетинг [15; 16].

Социальные сети и онлайн-платформы, хотя и предлагают низкие затраты на рекламу при высоком охвате, также требуют разнообразного креативного контента, который должен быть свежим и актуальным. Кроме того, в процессе создания имиджа нередко возникает необходимость в кризисных коммуникациях, которые требуют дополнительных вложений.

Следовательно, чем выше статус и амбиции политического лидера, тем больше ресурсов требуется. Каждый шаг, каждое публичное выступление, каждая новая инициатива в конечном итоге становятся частью общего имиджа и требуют системного подхода в

планировании и реализации.

Таким образом, затраты на формирование политического имиджа охватывают широкий спектр ресурсов и требуют комплексного подхода. Эти усилия, как правило, могут принести значительные дивиденды, но риск неудачи также присутствует, создавая неуправляемую динамику, когда речь идёт о доверии избирателей и общественном восприятии в публичной сфере. Имидж, созданный при помощи сложного механизма затрат, может как взлететь до небывалых высот, так и обрушиться от малейших ошибок или неверных шагов.

Дискурс-анализ показал, что имидж как инструмент политической коммуникации является одним из ключевых элементов, формирующих общественное восприятие политического лидера. Грамотно выстроенный имидж позволяет не просто передавать информацию, но и создать доверительные отношения с электоратом, а также выступать в роли своеобразного моста между властью и обществом. В условиях современного медийного ландшафта, где информацию можно мгновенно донести до широкой аудитории, значимость имиджа возрастает в разы.

Имидж, как показал дискурс-анализ, помогает установить нужный контекст для коммуникации в публичной сфере. Он формирует не только то, как воспринимается политик, но и какие идеи ассоциируются с его личностью. Таким образом, имидж становится своего рода «упаковкой» для политических посланий, управленческих интенций, которые лидер стремится донести. Правильная интерпретация сообщений, управленческих интенций, основанная на созданном имидже, может значительно усиливать или ослаблять их восприятие. Здесь мы сталкиваемся с феноменом, когда эмоции, вызываемые имиджем, оказываются даже важнее самого содержания заявлений. С учётом глобализации и быстрых изменений в общественном мнении становится все более актуальным не только создание, но и поддержание имиджа. Политический лидер должен быть готов к изменениям в восприятии, которое может меняться на основе событий, социальных протестов или даже круглогодичных опросов общественного мнения. В этом контексте имидж становится не статичным, а динамичным инструментом, который требует постоянного мониторинга и адаптации к новым вызовам.

Отличительной чертой политического имиджа, согласно дискурс-анализу, является и его функция влияния на восприятие степени легитимности политического актора. Когда имидж политического лидера отвечает ожиданиям и требованиям общества, это позволяет избежать многих проблем в процессе диалога между властью и народом. В условиях кризиса, например, недостаточная чёткость и уверенность в предлагаемом имидже могут вызвать недовольство и даже противодействие со стороны электората.

Не следует упускать из виду и влияние новых медиа, которые кардинально изменили способы формирования и распространения имиджа. Социальные сети позволяют не только распространять информацию, но и устанавливать прямую связь с населением, создавая пространства для взаимодействия. Таким образом, коммуникация идёт не только от лидера к обществу, но и наоборот – люди могут высказывать свои мнения, замечания и ожидания, что безусловно влияет на восприятие имиджа политика.

Резюмируя, можно утверждать, что имидж как инструмент политической коммуникации представляет собой многофункциональный механизм, способный как продвигать, так и подрывать позиции политического лидера в публичной сфере. Умелое управление своим имиджем становится краеугольным камнем успешной политической карьеры, а также основным инструментом взаимодействия с обществом. Поэтому важно не только создавать харизматичный образ, но и заботиться о его устойчивости и последовательности, что требует от политиков постоянных усилий и готовности адаптироваться к меняющимся условиям. В современном мире, где информация распространяется с поразительной скоростью, политический имидж представляет собой мощное оружие. Он формируется не только на основе реальных действий лидера, но и через медиа, социальные сети, и даже личные встречи.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Теоретическое наследие классиков социальной мысли: Эрих Фромм / Е. М. Бабосов, Э. Д. Коркия, А. К. Мамедов. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2022. – 124 с. – ISBN 978-5-317-06905-6.
2. Гостенина, В. И. Код вербальной коммуникации субъекта власти как отражение языковой личности / В. И. Гостенина, С. А. Шилина // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое : тезисы докладов IV Всероссийской научной конференции, Рязань, 09–10 декабря 2008 года. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2008. – С. 81-83.
3. Гостенина, В. И. Управленческий дискурс: кодовая технология конституирования имиджа государственной власти / В. И. Гостенина, С. А. Шилина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 2(23). – С. 29-34.
4. Ерохов, М. В. Дискурс-анализ журнала «армейский сборник»: управленческие аспекты / М. В. Ерохов // Текст в культурном, языковом, философском пространстве : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 20 мая 2024 года. – Москва: Московский финансово-юридический университет, 2024. – С. 128-133.
5. Ерохов, М. В. Образовательная коммуникация в цифровую эпоху: управленческие интенции публичной сферы для военных профессионалов / М. В. Ерохов // Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета) : XVIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2024», Москва, 19 февраля 2024 года. – Москва, 2024. – С. 321-324.
6. Киричек, П. Н. Лики медиакультуры и маски политики / П. Н. Киричек ; П. Н. Киричек ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Издательство РАГС, 2010. – 55 с. – (Серия «Точка зрения»). – ISBN 978-5-7729-0480-0.
7. Киричек, П. Н. Социальные интенции духовной культуры : Монография / П. Н. Киричек. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2024. – 276 с.
8. Киричек, П. Н. Социокультурные основы государственного управления / П. Н. Киричек // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 3-3(22). – С. 110-113.
9. Коркия, Э. Д. Когнитивный дискурс «нового» образования: информационное поле и акторы / Э. Д. Коркия, А. К. Мамедов // Глобальный научный потенциал. – 2016. – № 2. – С. 8-14.
10. Мамедов, А. К. Цивилизация стандарта как итог социального потребления / А. К. Мамедов, Э. Д. Коркия // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2015. – № 3(138). – С. 40-43.
11. Мельников, С. Л. Имидж политического лидера как социальное явление и технологии его формирования / С. Л. Мельников, Д. С. Потураев // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 1(29). – С. 62-66. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-01-62-66.
12. Мельников, С. Л. Социологическое исследование политического имиджа: индикаторы и медиа-портрет / С. Л. Мельников, В. А. Емельянов, Д. С. Потураев // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 3(31). – С. 59-67.
13. Управленческие интенции публичной сферы: влияние социальных сетей на общественное мнение / М. В. Ерохов, Т. В. Епремян, В. П. Косякова [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 51-57.
14. Шилина, С. А. Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох / С. А. Шилина // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве : материалы Международной заочной научно-практической конференции, Москва, 19 марта 2017 года. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2017. – С. 510-515.
15. Шилина, С. А. Управление субъекта власти как социолингвистический код коммуникации : монография / С. А. Шилина ; С. А. Шилина ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по высшему образованию, Гос. образовательное учреждение высш. образования Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского. – Орел : Издательство ОРАГС, 2009. – 301 с. – ISBN 978-5-93179-229-3.

16. Шилина, С. А. Управленческий дискурс как коммуникативная технология создания имиджа власти / С. А. Шилина // Язык, культура, общество : VII Международная научная конференция, Москва, 26–28 сентября 2013 года. – Москва: Институт иностранных языков, 2013. – С. 25-30.

Сведения об авторах

Мельников Сергей Леонидович – кандидат педагогических наук, профессор, проректор по комплексной безопасности, эксплуатации и развитию имущественного комплекса Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lprbgu@mail.ru. Телефон: +7 (4832)58-05-50, доб. 1124

Ерохов Михаил Васильевич – аспирант 2 курса научной специальности 5.4.7. «Социология управления» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: erokhov.mihail@yandex.ru.

Потураев Дмитрий Сергеевич – магистрант направления подготовки 39.04.01 Социология (Социология управления), факультет педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: dima.poturaev1@gmail.com

UDC 316.77

MANAGERIAL INTENTIONS OF THE PUBLIC SPHERE: DISCOURSE ANALYSIS OF THE POLITICAL IMAGE

Melnikov S.L., Erokhov M.V., Poturaev D.S.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

This article discusses the current issues of management parameters of the image of a political leader. The authors consider the factors that create the managerial effect of a powerful actor. The article substantiates the concept of a political image as a result of the interaction of many factors, including the personal qualities of the politician himself, his communication style and willingness to be open. The article says that often the image of a leader becomes his calling card, which can take weeks, and often years, to form an image of him in the minds of the public. In view of this, as the authors state, the political image cannot be considered in isolation from the necessary image features of the social system in which it functions; it is a dynamic process in which every element — from speech to appearance — becomes part of a single narrative, which is why the discourse analysis of the political image is so important. This helps not only to evaluate the effectiveness of political actions and managerial intentions, but also to understand the mechanisms of power and interaction in society. In this context, perception becomes not just a result, but also an active process: both the actions of a politician in the public sphere and the nature of their perception by society are equally important in it.

Keywords: managerial intentions, political leader, image, public sphere, discourse analysis, political communication.

References

1. Babosov, E. M. The theoretical legacy of the classics of social thought: Erich Fromm / E. M. Babosov, E. D. Korkia, A. K. Mamedov. Moscow : MAKS Press, LLC, 2022. 124 p. ISBN 978-5-317-06905-6.
2. Gostenina, V. I. The code of verbal communication of the subject of power as a reflection of linguistic personality / V. I. Gostenina, S. A. Shilina // Sorokin readings. Russian sociology: finding the future through the past : abstracts of the IV All-Russian Scientific Conference, Ryazan, December 09-10, 2008. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2008. pp. 81-83.
3. Gostenina, V. I. Managerial discourse: a code technology for the constitution of the image of state power / V. I. Gostenina, S. A. Shilina // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2012. – № 2(23). – Pp. 29-34.
4. Erokhov, M. V. Discourse analysis of the journal «Army collection»: managerial aspects / M. V. Erokhov // Text in the cultural, linguistic, philosophical space : A collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow,

May 20, 2024. – Moscow: Moscow University of Finance and Law, 2024. – pp. 128-133..

5. Erokhov, M. V. Educational communication in the digital age: managerial intentions of the public sphere for military professionals / M. V. Erokhov // Classical University: current trends and development vectors (on the way to the 270th anniversary of Moscow University) : XVIII International Scientific Conference «Sorokin Readings – 2024», Moscow, February 19, 2024 of the year. – Moscow, 2024. – pp. 321-324.

6. Kirichek, P. N. Faces of media culture and masks of politics / P. N. Kirichek ; P. N. Kirichek ; Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow : RAGS Publishing House, 2010. 55 p. («Point of View» series). – ISBN 978-5-7729-0480-0.

7. Kirichek, P. N. Social intentions of spiritual culture : A monograph / P. N. Kirichek. Moscow : Moscow University of the Humanities, 2024. 276 p.

8. Kirichek, P. N. Sociocultural foundations of Public Administration / P. N. Kirichek // International Scientific Research Journal. – 2014. – № 3-3(22). – Pp. 110-113.

9. Korkia, E. D. The cognitive discourse of «new» education: the information field and actors / E. D. Korkia, A. K. Mamedov // Global scientific potential. – 2016. – № 2. – Pp. 8-14.

10. Mamedov, A. K. The civilization of the standard as a result of social consumerism / A. K. Mamedov, E. D. Korkia // Representative government - the 21st century: legislation, comments, problems. – 2015. – № 3(138). – Pp. 40-43.

11. Melnikov, S. L. The image of a political leader as a social phenomenon and technologies of its formation / S. L. Melnikov, D. S. Poturaev // Economy. Sociology. The right. – 2023. – № 1(29). – Pp. 62-66. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-01-62-66.

12. Melnikov, S. L. Sociological study of the political image: indicators and media portrait / S. L. Melnikov, V. A. Yemelyanov, D. S. Poturaev // Economy. Sociology. The right. – 2023. – № 3(31). – Pp. 59-67.

13. Managerial intentions of the public sphere: the influence of social networks on public opinion / M. V. Erokhov, T. V. Yepremyan, V. P. Kosyakova [et al.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – pp. 51-57.

14. Shilina, S. A. The discourse of the Russian linguistic personality of the Soviet and post-Soviet eras / S. A. Shilina // Text in the cultural, historical, linguistic space : proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Moscow, March 19, 2017. – Moscow: Moscow University of Finance and Law MFUA, 2017. – pp. 510-515.

15. Shilina, S. A. Management of the subject of power as a sociolinguistic code of communication : a monograph / S. A. Shilina ; S. A. Shilina ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal Agency for Higher Education, State Educational Institution of Higher Education. education Bryansk State University named after I. G. Petrovsky. – Orel : ORAGS Publishing House, 2009. – 301 p. – ISBN 978-5-93179-229-3.

16. Shilina, S. A. Managerial discourse as a communicative technology for creating an image of power / S. A. Shilina // Language, Culture, society : The VII International Scientific Conference, Moscow, September 26-28, 2013. Moscow: Institute of Foreign Languages, 2013, pp. 25-30.

Author's information

Melnikov Sergey Leonidovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-rector for Integrated Safety, Operation and Development of the Property Complex of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: lprbgu@mail.ru. Phone: +7 (4832)58-05-50, ext. 1124

Erokhov Mikhail Vasilyevich - 2nd year postgraduate student of scientific specialty 5.4.7. «Sociology of Management» of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: erohov.mihail@yandex.ru.

Poturaev Dmitry Sergeevich – Master's student of the direction of training 39.04.01 Sociology (Sociology of Management), Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: dima.poturaev1@gmail.com.

УДК 323.2

**ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ: АНАЛИЗ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Михалко Н.Н.

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», г. Вологда

В современных условиях особую значимость приобретает деятельность общественных палат, которые выступают связующим звеном между населением и органами власти, обеспечивая реализацию государственной политики и защиту интересов граждан. Однако, несмотря на множество научных работ, посвященных данной тематике, достаточно редко рассматривается региональная специфика деятельности подобных институтов гражданского общества и общественного контроля, что и обуславливает актуальность исследования. Целью данного исследования является анализ деятельности Общественной палаты Вологодской области как института гражданского общества. Теоретическую базу исследования составила научная литература отечественных и зарубежных исследователей по развитию гражданского общества и общественного контроля. Эмпирическую базу исследования составили данные с официальных сайтов общественной палаты Вологодской области, данные с официального сайта общественной палаты Российской Федерации, а также мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН. В результате выявлено, что деятельность Общественной палаты Вологодской области акцентирована на поддержку и развитие некоммерческих организаций, мероприятия социальной направленности, поддержку демографии, института семьи и брака, традиционных ценностей, внешнее взаимодействие, что соотносится с национальными целями развития страны до 2030 года.

Ключевые слова: общественная палата, общественные советы, гражданское общество, общественный контроль.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-95-104

Введение. Гражданское общество и его институты в России являются одними из главных элементов взаимодействия между обществом и властью, которое обеспечивается деятельностью правозащитников, экологов, профсоюзов, благотворительных фондов и др. Однако среди прочих институтов Общественная палата РФ и региональные общественные палаты заслуживают отдельного внимания, так как они наделены наибольшим спектром полномочий в сфере общественного контроля. Так, значение региональных общественных палат и, соответственно, Общественной палаты Вологодской области (далее ОП ВО) определяется тем, что они выступают как площадки для широкого общественного диалога. Они проводят экспертную оценку законопроектов, что оказывает влияние на качество регионального законодательства, осуществляют общественный контроль за деятельностью органов власти и обеспечивают прямую связь с населением, участвуют в мониторинге реализации национальных проектов и важнейших государственных инициатив. Тем самым непосредственно влияют на различные аспекты жизни общества и государства, а именно: качество принимаемых управленческих решений; уровень доверия населения к власти; эффективность реализации государственной политики; развитие институтов гражданского общества в области. Отдельного внимания заслуживают вопросы адаптации деятельности палаты к современным вызовам, включая цифровизацию общественных процессов, развитие межрегионального сотрудничества и формирование новых форматов взаимодействия с населением.

Исходя из отмеченной значимости региональных общественных палат формируется цель исследования – анализ деятельности Общественной палаты Вологодской области как института гражданского общества. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы. Информационной базой послужили данные с официальных сайтов общественной палаты и Вологодской области и Российской Федерации, а также соответствующие официальные страницы в социальных сетях («ВКонтакте»). Применялся вторичный анализ данных мониторинга общественного мнения Вологодской области (объем выборки – 1500 респондентов старше 18 лет в Вологодской области, метод – анкетирование

по месту жительства, величина ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4-5%).

Теоретический обзор. В научном дискурсе тематика общественного контроля и общественных палат не теряет своей актуальности. За последние пять лет были опубликованы работы, посвященные изучению нормативно-правового обеспечения деятельности общественных палат/советов и их юридическому статусу [2]. Ряд исследователей обращали внимание на ключевую функцию ОП – осуществление общественного контроля, а также рассматривали их как институт гражданского общества в целом [10; 11, с. 102-103]. Часто анализировалась деятельность Общественной палаты Российской Федерации, или общественной палаты субъекта РФ. Встречаются работы, посвященные изучению деятельности общественного совета при исполнительном органе государственной власти региона или территориального федерального органа, например, министерства внутренних дел или министерства/департамента здравоохранения и др. [13, с.104-105; 8, с.74; 7, с. 95]. Есть и специфические работы, которые уделяют внимание современным особенностям работы общественных палат и советов, например, их деятельности в условиях цифровизации [4, с. 49-50; 11]. В ближайшем зарубежье наблюдается схожая тенденция в сфере исследования деятельности общественных палат [6, с. 32-33]. Ключевые законы федерального уровня, которые определяют статус ОП в регионах и описывают их функции – это Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Согласно законам, Общественная палата – это постоянно действующий консультативный коллегиальный совещательный орган в субъектах РФ и муниципальных образованиях Российской Федерации, осуществляющий свою деятельность на общественных началах на основе добровольного участия граждан РФ. В свою очередь, общественный совет, так же коллегиально-консультативный орган, осуществляющий свою деятельность при органах государственной и муниципальной власти на всех уровнях.

Их основные характеристики схожие: деятельность осуществляется на общественных началах; участие граждан носит добровольный характер; финансируется за счет бюджета соответствующего уровня; главная цель – это осуществление общественного контроля [16]. Вместе с тем ежегодно публикуются доклады о состоянии гражданского общества, посвященные его главным тенденциям и знаковым событиям в отчетном году. Очевидно, что понимать и мониторить текущую ситуацию крайне важно для развития гражданского общества.

Помимо вышеназванных федеральных законов деятельность ОП так же регулируется: Конституцией Российской Федерации, нормативно-правовыми актами субъекта Российской Федерации, соответствующим положением, а также внутренними документами, такими как регламент работы, кодекс этики и т.д. Несмотря на различную специфику, особенности деятельности и региональное регулирование, основные формы деятельности общественных палат и советов, следующие: пленарные заседания; заседания совета общественной палаты; деятельность всевозможных комиссий и рабочих групп; проведение форумов, конференций, круглых столов, слушаний, семинаров и других мероприятий. В результате которых принимаются различные документы и локальные нормативно-правовые акты (резолуции, рекомендации, решения, экспертные заключения, предложения и обращения), которые, что важно отметить, носят рекомендательный характер [3].

Количественный состав общественных палат/советов и способ их формирования зависит от региона. Выделению данной специфики посвящена работа А.А. Ерыгина, в которой были рассмотрены особенности формирования региональных ОП в различных субъектах Российской Федерации (в том числе и Вологодской области). В результате анализа нормативно-правовых актов регионального уровня, автор приходит к выводу, что после 2016-2017 гг. отдельные аспекты формирования, особенности взаимодействия с органами

власти, принципы образования и типовое положение регулируется именно на уровне субъекта. Как правило, общественные советы и общественные палаты формируются на конкурсной основе. Однако количество членов общественной палаты и срок их полномочий уже определяется регионом самостоятельно. Так в ряде субъектов этот срок может быть вообще не указан или быть бессрочным, в других от 3 до 5 лет, в некоторых осуществляется постепенная ротация. Далее автор рассматривает дополнительные требования для кандидатов в различных субъектах, где среди прочих и выделяет Вологодскую область, где помимо стандартных требований (быть гражданином Российской Федерации, совершеннолетие, отсутствие конфликта интересов и т.д.) существует ряд особенных, среди которых наличие опыта работы по профилю от 5 лет [2]. Продолжая тему Вологодской области, стоит отметить, что ОП ВО формируется на 3 года в составе 45 человек, 15 из которых утверждаются губернатором области, 15 других от Законодательного собрания области и остальные 15 от общественных объединений [3].

В рамках современной государственной политики публичность, открытость и сотрудничество – являются ключевыми принципами работы органов власти всех ветвей и уровней. Основными инструментами обеспечения которых являются соответствующие сайты и социальные сети. Так же Л.В. Сморгунов отмечает, общественные палаты обладают большим мобилизационным ресурсом среди населения и способны осуществлять прием граждан на более институциональной основе [11, с. 17-19]. Подробнее способы взаимодействия власти и населения рассмотрены в статье М.М. Леонтьевой и А.Г. Санины, в которой авторы отмечают, что в последние годы с развитием коммуникационных технологий каналов взаимодействия власти и населения становится все больше, в особенности различных интернет-каналов. Однако данные способы взаимодействия работают с неочевидной эффективностью. Чаще всего они являются односторонними и носят информационный характер. На их фоне, хоть и в меньшем охвате, различные оффлайн-мероприятия носят более конструктивный характер работы (обсуждения, слушания и т.д.) [4, с.51-56, 69-73].

Однако нельзя не отметить, что деятельность общественных палат сложно оценить. Изучение данного вопроса затронуто в одной из работ А.Ю. Сунгурова. Автор отмечает, что ОП представляют собой слияние как экспертного сообщества, так и организаций гражданского общества. Например, многие нормативно-правовые акты не могут быть приняты без предварительного обсуждения с консультативно-коллегиальными органами. Однако, как утверждает автор, зачастую это не приводит к улучшению качества принимаемых решений. Причины этого видятся в следующем: в состав общественных советов, зачастую, входят работники образовательных организаций, у которых сильная загруженность мешает полной самоотдаче другой деятельности; значительная часть состава общественного совета формируется законодательной и исполнительной властью; особо «острые вопросы» обсуждаются закрыто и не подаются большой огласке; со стороны общественных организаций выбираются «лояльные» или связанные с тем или иным ведомством (например, при министерстве внутренних дел отдаются предпочтение ассоциации ветеранов правоохранительных органов и т.д.) [13, с. 108-117]. Однако нельзя не отметить и положительные эффекты деятельности общественных палат и советов. Они привлекают граждан и общественные объединения к реализации государственной политики; выдвигают и поддерживают гражданские инициативы; проводят общественные экспертизы проектов законов и нормативных правовых актов; осуществляют общественный контроль за деятельностью органов исполнительной власти различного уровня и органов местного самоуправления; вырабатывают рекомендаций органам государственной власти РФ; осуществляют информационную, методическую и иную поддержку общественных палат и объединений; привлекают граждан, общественные объединения и представителей СМИ к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова в СМИ; осуществляют международное сотрудничество в соответствии с целями и задачами и участвуют в работе международных организаций. [13, с. 106-107].

Результаты исследования. Начиная с 2022 года Общественная палата Российской Федерации ведет рейтинг региональных общественных палат, который составляется по множеству критериев среди которых: нормотворческая и общественно-политическая активность, информационная открытость, взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации, медиаактивность, активность членов общественной палаты, материальная обеспеченность. Так в 2022 году Вологодская область считалась регионом, где «общественные палаты демонстрируют средний уровень эффективности» (всего в рейтинге выделялись 3 категории регионов: «Лидеры рейтинга» (топ-10), «Средний уровень эффективности» и «Отстающие регионы, обладающие максимальным потенциалом роста»). В том же году Вологодская область входила в десятку лидеров, по взаимодействию с федеральной общественной палатой. В следующем году Вологодчина заняла второе место в общем рейтинге региональных общественных палат; первое место по общественно-наблюдательной активности; первое место по нормотворческой активности; десятку лучших по материальному обеспечению; топ-6 по взаимодействию с федеральной общественной палатой. В 2024 году удержать позицию не удалось, однако сохраняется позиция в десятке лидеров в общем рейтинге; все так же входит в десятку лидеров по материальному обеспечению; положительные изменения происходят в рейтинге по взаимодействию с общественной палатой Российской Федерации, где Вологодская область находится на первом месте (табл. 1).

Таблица 1 – Позиции Вологодской области в рейтинге региональных общественных палат [9]

Год	Место в общем рейтинге	Место по критерию							
		Нормотворческая активность	Информационная открытость	Взаимодействие с ОП РФ	Медиаактивность	Активность членов палаты	Материальное обеспечение	Мнение экспертов	Общественно-наблюдательная активность
2022	«Средний уровень эффективности»	–	–	Топ-10	–	–	–	–	–
2023	2 место	1	–	Топ-6	–	–	Топ-10	–	1
2024	Топ-10	–	–	1	–	–	Топ-10	–	–

В таблице 2 представлены основные направления деятельности общественной палаты Вологодской области, а также ключевые мероприятия за обозначенный ранее период. Помимо исполнения непосредственных обязанностей общественных палат, т.е. осуществление общественного контроля в различных сферах деятельности (так, например, за 2023 год были рассмотрены такие законопроекты как: О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», «О внесении изменения в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и др.) в силу проведения муниципальных выборов было организовано общественное наблюдение за соблюдением избирательных прав граждан в период проведения муниципальных выборов (например, в дни выборов в сентябре 2022 года на избирательных участках региона работало 1 167 наблюдателей от Общественной палаты Вологодской области. В дни голосования также работал Центр Общественного наблюдения, организованный Общественной палатой) [1].

За весь период наблюдений наблюдается явная тенденция в сфере поддержки НКО. Новая политическая реальность так же отразилась на деятельности общественной палаты. В итоге с 2022 года началась и не прекращается работа в сфере поддержки регионов и

населенных пунктов, на территории которой проводится специальная военная операция, организации гуманитарной помощи. Так же активно поддерживаются военнослужащие и их семьи. Активно развивается направление работы с подрастающим поколением. Так за рассматриваемый период помимо поддержки школ и музеев, организовывались встречи с молодёжью с целью патриотического воспитания и формированию полезных привычек, пропаганде здорового образа жизни.

Таблица 2 – Основные направления деятельности Общественной палаты Вологодской области 2022-2024 гг. [1;15]

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Основные направления деятельности	1) осуществление общественного контроля; 2) проведение общественных экспертиз НПА федерального и регионального уровня; 3) Оказание поддержки при проведении мероприятий по сбору гуманитарной помощи для российских военнослужащих, жителей ЛНР и ДНР; 4) Мониторинг реализации задач, обозначенных национальными проектами, на территории ВО; 5) Развитие социальных сетей; 6) Ценностно-патриотическая работа со школьниками.	1) Организация общественного контроля в различных сферах деятельности; 2) Оказание помощи военнослужащим, исполняющим долг на территории СВО, их семьям, а также гуманитарной помощи жителям Донбасса; 3) Проведение общественной экспертизы проектов федеральных, региональных НПА; 4) Выявление успешных практик общественных советов, НКО, СО НКО, гражданских активистов и СМИ в рамках Премии ОП ВО; 5) Мониторинг реализации задач, обозначенных национальными проектами, на территории ВО.	1) Привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной политики на территории области; 2) Выдвижение и поддержка гражданских инициатив; 3) Поддержка военнослужащих, членов их семей, восстановление освобожденных территорий, оказание гуманитарной помощи их жителям; 4) Общественная экспертиза проектов НПА регионального и федерального уровня; 5) организация общественного контроля; 6) Выявление успешных практик общественных советов, НКО, СО НКО, гражданских активистов и СМИ в рамках Премии ОП ВО.

В свою очередь, за 2022-2024 года разовые организованные мероприятия так же посвящены темам патриотизма, развитию гражданского общества, осуществления общественного контроля и поддержке гражданских инициатив. Нельзя не отметить, что в 2023 году общественная палата Вологодской области продемонстрировала тесное взаимодействие с различными организациями как внутри, так и за пределами области (что коррелирует с результатами рейтинга). Так, например были заключены соглашения о сотрудничестве с: государственным фондом поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»; ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (сотрудничество в рамках реализации программы «Обучение служением»), общественной палатой Республики Крым, комиссией ОП РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей по соглашению о взаимодействии по сохранению и укреплению традиционных семейных ценностей в Вологодской области, комиссией ОП РФ по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции (табл.3) [15].

Подводя итоги деятельности Общественной палаты Вологодской области за период 2022-2024 гг. можно выделить ряд положительных региональных особенностей, среди которых: активное взаимодействие с Правительством и Законодательным собранием области, с общественными объединениями, с общественными палатами других регионов и общественной палатой Российской Федерации. В деятельности палаты прослеживается акцент на поддержку и развитие некоммерческого сектора. Нормотворческая деятельность следует современной политической повестке и/или имеет социальную направленность. Однако с 2023 года в докладах перестает фигурировать отчеты об информационной деятельности общественной палаты. Текущее состояние медиактивности влечет за собой так же и проблемы с информационной открытостью палаты. Так, в современных реалиях основным каналом остается официальная страница в социальной сети Вконтакте. Однако с

2022 года активность на странице остается неизменной – количество постов составляет в среднем до 3 в день, активность среди пользователей: от 10 до 40 «лайков», до 3 комментариев и от 5 до 20 репостов. Положительная динамика наблюдается только в количестве подписчиков – на май 2025 года составляет 6 300 человек, что на 1 500 больше, чем в 2022 году (4800 подписчиков) [7].

Таблица 3 – Основные мероприятия, организованные Общественной палатой Вологодской области 2022-2024 гг. [1;15]

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Основные мероприятия	1) Организация общественного наблюдения за соблюдением избирательных прав граждан в период проведения муниципальных выборов; 2) пленарное заседание ОПВО «Сильное гражданское общество: возможности и перспективы»; 3) 100 лет Всесоюзной пионерской организации. 4) Акция «Помогаем нашим»; 5) Торжественный концерт Россия. Крым. Донбасс #СВОИХНЕБРОСАЕМ; 6) Проект «НКО в эфире». 7) Акселератор социальных проектов; 8) Совместная инициатива ОПВО и Уполномоченного по правам ребенка в ВО по увеличению полномочий регионов в сфере надзора за бездомными животными; 9) создание Центра консультирования НКО На базе ОПВО.	1) Организация общественного наблюдения за соблюдением избирательных прав граждан в период проведения муниципальных выборов; 2) Проект «выдающиеся государственные деятели России»; 3) Проект «Разговоры о важном». 4) Премия «НАШЕ ДОБРО»; 5) Взаимодействие с различными организациями как внутри, так и за пределами области.	1) Организация Выездных сессий ОП ВО «Роль общественных советов в построении гражданского общества». 2) Акция «помогаем нашим». 3) Обсуждение стратегии развития Вологодчины; 4) Учреждение государственной награды – почетный знак «за верность родительскому долгу».

Информационная открытость деятельности достигается размещением информации на официальном сайте. На нем расположена актуальная информация о действующем составе палаты, размещаются доклады о деятельности и т.д., однако ряд документов не обновлялись или утратили свою актуальность. Например, в разделе документов размещены различные доклады, отчеты с 2008 по 2017 гг. В разделе общественного контроля выложены только памятки для граждан. Последняя новость об общественно-наблюдательной комиссии датируется 2021 годом, об общественном наблюдении 2024 годом, а об акции помогаем нашим 2022 годом (хотя она действует на данный момент). Последняя экспертиза законопроектов, расположенная на сайте, датируется 2018 годом. Создается впечатление, что некоторые разделы или направления «заброшены». Данную проблематику подтверждают результаты опроса общественного мнения ВолНЦ РАН. Так, доля респондентов, которые ответили, что она оказывает большое влияние наименьшая – 7,3%. Больше всего затруднялись ответить – 40,1%. Однако следующим по популярности ответом следует «не оказывают никакого влияния» – 31,5% (рис. 1).

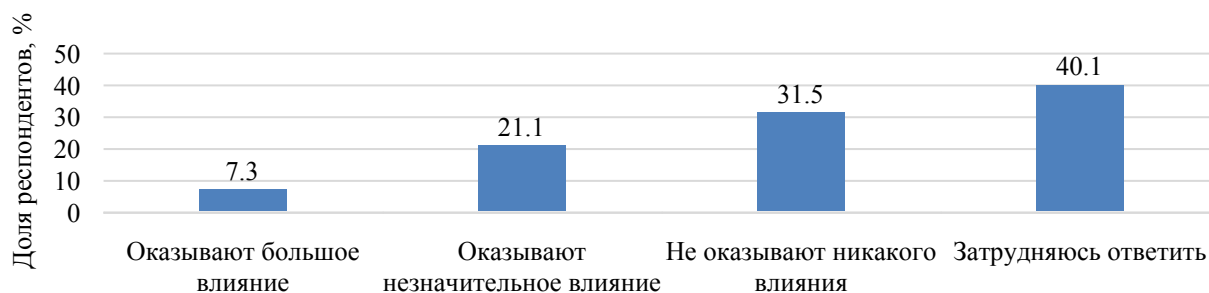

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в какой степени общественная палата Вологодской области влияет на жизнь области?», в % от опрошенных

В свою очередь, основным информационным каналом получения информации об Общественной палате Вологодской области респонденты указали телевидение и интернет (35,8% и 19,0% соответственно). Однако стоит отметить, что значительная доля респондентов ответила, что не интересуется подобной информацией – 32,5% (рис. 2).

Рисунок 2 - Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы узнаете о деятельности общественной палаты Вологодской области?», в % от опрошенных

Однако стоит отметить устойчивую положительную динамику уровня доверия к Общественной палате РФ и Общественной палате ВО. За период с 2010 по 2025 год показатели выросли с 27% до 42% и с 25% до 40% соответственно. Таким образом, за 15 лет доля респондентов, доверяющих этим институтам, увеличилась более чем в 1,5 раза. Особенно значительный рост произошел в 2022–2024 годах, что может свидетельствовать об усилении роли общественных институтов в этот период (табл. 4).

Таблица 4 - Уровень доверия в Общественной палате Российской Федерации и Общественной палате Вологодской области (варианты ответа «полностью доверяю» и «в основном доверяю»), в % от опрошенных

Общественный институт	Год											
	2010	2013	2014	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Общественная палата РФ	27,3	29,9	32,8	31,7	31,0	27,4	27,8	28,3	32,4	34,8	41,2	41,8
Общественная палата области	24,8	29,2	29,4	27,0	28,3	25,6	25,9	27,6	30,9	33,2	39,1	39,5

Важно отметить, что уровень доверия к Общественной палате РФ и Общественным палатам субъектов все еще остается ниже, чем к другим государственным институтам, таким как Президент РФ (67%) и Правительство РФ (46%). Однако положительная динамика свидетельствует о том, что эти институты постепенно завоевывают доверие граждан и становятся все более важными игроками в политической системе России. Для дальнейшего укрепления доверия к Общественной палате РФ и Общественным палатам субъектов необходимо продолжать работу по повышению эффективности их деятельности, обеспечению прозрачности и открытости, а также активному вовлечению граждан в процесс принятия решений. Важным направлением является развитие сотрудничества с другими институтами гражданского общества и органами государственной власти.

Заключение. Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что общественные палаты регионов – это важный институт не только общественного контроля, но и гражданского

общества в целом. Они являются эффективной платформой взаимодействия власти и населения, поддерживают развитие институтов гражданского общества не только тематическими конкурсами и мероприятиями, но и организуют различные форумы, конференции, встречи и лекции.

Каждый субъект Российской Федерации обладает уникальными особенностями, которые находят отражение в работе региональной общественной палаты. Примером служит Вологодская область, где ключевыми направлениями деятельности стали поддержка некоммерческих организаций, реализация социальных инициатив, укрепление демографии, защита института семьи и брака, а также сохранение традиционных ценностей, что соотносится с национальными целями развития страны до 2030 года и на перспективу до 2036 года [14]. Палата активно развивает сотрудничество с различными структурами, включая органы государственной власти (как исполнительной, так и законодательной), общественные объединения, НКО, а также общественные палаты других регионов и федерального уровня. Однако существует запрос на усиление присутствия в медиапространстве. В частности, требует актуализации информация на официальном сайте, а также системная работа над контентом в социальных сетях. Для повышения вовлеченности аудитории можно перенять опыт лидеров медиаактивности: увеличить долю интерактивных публикаций (опросы, обсуждения, сбор мнений и т. д.).

Кроме того, результаты исследований указывают на необходимость расширения взаимодействия с различными группами населения. Важно организовывать мероприятия не только для узкого круга заинтересованных лиц, но и для широкой аудитории, чтобы вовлекать в общественную деятельность больше граждан.

Список использованных источников

1. Доклад о состоянии и развитии институтов гражданского общества в Вологодской области. – Официальный портал Общественной палаты Вологодской области. – URL: <https://op35.ru/deyatelnost/doklady/>
2. Ерыгин А. А. новеллы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов российской федерации // Юридическая техника. – 2021. – №15.
3. Закон Вологодской области об общественной палате вологодской области № 4097- ОЗ от 23.01.2017. – Официальный портал Общественной палаты Вологодской области. – URL: <https://op35.ru/o-palate/dokumenty/>
4. Леонтьева М. М., Санина А. Г. От информирования к взаимодействию? Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России // Мир России. – 2025. – № 34(2). – С. 49-74.
5. Майоров В. И., Занина Т. М. Общественные советы при органах внутренних дел как один из институтов гражданского общества: современное состояние и перспективы развития // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – №. 1. – С. 95-100.
6. Муратова М., Онучко М. Основные тенденции развития Общественных советов в Республике Казахстан // Кронос. – 2021. – №. 2 (52). – С. 32-41.
7. Официальная страница Вконтакте общественной палаты Вологодской области. – URL: <https://vk.com/civicchamber35>
8. Петренко Е. Г. и др. Общественные советы при Федеральной налоговой службе России и ее территориальных подразделениях: современные проблемы и перспективы развития // Налоги и налогообложение. – 2023. – №. 6. – С. 74-85.
9. Результаты специального проекта Общественной палаты Российской Федерации в партнёрстве с рейтинговым агентством «РАЭК-Аналитика»: Рейтинг региональных общественных палат. – Сайт рейтинговой группы RAEX. – URL: https://raex-rr.com/NKO/regional_public_chambers/public_chambers_russia/2024/?ysclid=md60pjtlkw228111831
10. Сморгунов Л. В., Игнатьева О. А., Быков И. А., Кондратенко К. С., Барышкин А.

Г. Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2021. – №2.

11. Сморгун Л. В. Совместное управление и сотрудничество в системе публичной власти / Л. В. Сморгун // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – № 1. – С. 14-20.

12. Сморгун Л. В. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 101-112. – DOI 10.31857/S013216250013854-2.

13. Сунгуров А. Ю. Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития // Общественные науки и современность. – 2021. – № 6. – С. 104-118. – DOI 10.31857/S086904990017877-6.

14. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – Сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

15. Успешные практики общественных палат Российской Федерации. – Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. – URL: https://www.oprf.ru/public_chamber_materials

16. Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации». – Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199983/

Информация об авторах

Михалко Николай Николаевич – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук. E-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru)

UDC 323.2

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE REGION: AN ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE VOLOGDA OBLAST CIVIC CHAMBER

Mikhalko N.N.

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda

In modern conditions, the activities of public chambers, which act as a link between the population and government authorities, ensuring the implementation of public policy and the protection of citizens' interests, are of particular importance. However, despite the many scientific papers devoted to this topic, the regional specifics of the activities of such institutions of civil society and public control are rarely considered, which determines the relevance of the study. The purpose of this study is to analyze the activities of the Vologda Oblast Civic Chamber as an institution of civil society. The theoretical basis of the study was the scientific literature of domestic and foreign researchers on the development of civil society and public control. The empirical base of the study was made up of data from the official websites of the Vologda Oblast Civic Chamber, data from the official website of the Civic Chamber of the Russian Federation, as well as monitoring of public opinion by the VolSC RAS. As a result, it was revealed that the activities of the Vologda Oblast Public Chamber are focused on the support and development of non-profit organizations, social activities, support for demography, the institution of family and marriage, traditional values, and external interaction, which correlates with the national development goals of the country until 2030.

Keywords: public chamber, public councils, civil society, public control.

References

1. Report on the state and development of civil society institutions in the Vologda Oblast. – The official portal of the Vologda Region Public Chamber. – URL: <https://op35.ru/deyatelnost/doklady/>

2. Yerygin A. A. novelties of the legal status of public councils under the executive

authorities of the subjects of the Russian Federation. *Legal technology*, 2021, No. 15.

3. The Law of the Vologda region on the Public Chamber of the Vologda region No. 4097-OZ dated 23.01.2017. – The official portal of the Public Chamber of the Vologda region. – URL: <https://op35.ru/o-palate/dokumenty/>

4. Leontieva M. M., Sanina A. G. From information to interaction? Features of the development of digital channels of communication between citizens and authorities in the regions of Russia. *The world of Russia*, 2025, No 34(2), pp. 49-74.

5. Mayorov V. I., Zanina T. M. Public councils under the internal affairs bodies as one of the institutions of civil society: current state and development prospects *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, No. 1, pp. 95-100.

6. Muratova M., Onuchko M. The main trends in the development of Public councils in the Republic of Kazakhstan. *Kronos*, 2021, No. 2 (52), pp. 32-41.

7. The official Vkontakte page of the Vologda Region Public Chamber. – URL: <https://vk.com/civicchamber35>

8. Petrenko E. G. and others. Public Councils under the Federal Tax Service of Russia and its territorial divisions: current problems and development prospects. *Taxes and Taxation*, 2023, No. 6, pp. 74-85.

9. Results of a special project of the Civic Chamber of the Russian Federation in partnership with the rating agency "RAEX-Analytics": Rating of regional civic chambers. – The website of the RAEX rating group. – URL: https://raex-rr.com/NKO/regional_public_chambers/public_chambers_russia/2024/?ysclid=md60pjtlkw228111831

10. Smorgunov L. V., Ignatieva O. A., Bykov I. A., Kondratenko K. S., Baryshkin A. G. Public communication of citizens and public authorities: the formation of judgments on digital platforms *Bulletin of Perm University Series: Political Science*, 2021, No. 2.

11. Smorgunov L. V. Joint management and cooperation in the system of public power. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2022, No. 1, pp. 14-20.

12. Smorgunov L. V. Factors of civic participation on electronic platforms. *Sociological research*, 2021, No. 7, pp. 101-112, DOI 10.31857/S013216250013854-2.

13. Sungurov A. Y. The Civic Chamber of the Russian Federation: the emergence and stages of development. *Social Sciences and modernity*, 2021, No. 6, pp. 104-118, DOI 10.31857/S086904990017877-6.

14. Decree of the President of the Russian Federation "On the national development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036". – Website of the President of Russia. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

15. Successful practices of public chambers of the Russian Federation. – The official website of the Civic Chamber of the Russian Federation. – URL: https://www.oprf.ru/public_chamber_materials

16. Federal Law No. 183-FZ dated 06/23/2016 "On the General Principles of the Organization and Activities of Public Chambers of the Subjects of the Russian Federation". – ConsultantPlus legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199983/

Author's information

Mikhalko Nikolay Nikolayevich – research engineer, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Scientifics Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru

УДК 35.07

**ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНАХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ**

Савченко И.А., Галкина А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва

Целью статьи выступает анализ современного состояния процесса формирования корпоративной культуры и ценностей в органах государственной власти Российской Федерации. На основе теоретического обзора и эмпирического социологического исследования выявлены ключевые проблемы в построение единой системы корпоративной культуры.

Ключевые слова: формирование корпоративной культуры, проблемы корпоративной культуры, авторитарный стиль управления, государственная служба.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-105-111

Сегодня заметно возрастают требования к уровню профессиональности, качеству и результативности, устанавливаются более стандарты деятельности гражданских служащих. В этой связи интерес представляют управленческие практики реализации кадровой политики в контексте ценностно-мотивационного подхода [1].

Современная риторика государства в отношении государственной службы, говорит нам о том, что высшее руководство страны нацелено на дальнейшее ее развитие, что во многом упирается в работу с сотрудниками данных организаций. В данном случае корпоративная культура выступает одним из важнейших факторов, влияющих на эффективность работы органов власти и качество государственного управления в целом.

Ценностно-мотивационный подход, который направлен на построение сильной корпоративной культуры, особенно актуален для государственных организаций по ряду причин. Первая и самая главная из них – это ограниченность бюджета организаций государственного сектора. Таким образом, методы материальной мотивации могут использоваться не так активно, как, например, в частном сектор экономики: государственные учреждения не всегда могут предложить конкретную зарплату, особенно начинающим специалистам, а также могут иметь устаревшее техническое оснащение. Еще одна причина – курс на сохранение и поддержку традиционных ценностей, а также современные попытки разработать долгосрочную систему по сохранению этих ценностей. Очевидно, что стараясь сохранить и актуализировать национальные ценности среди населения, именно государственные органы в первую очередь должны активно транслировать их через осуществление своей деятельности.

Так, сформировав грамотную и сильную корпоративную культуру в организации, базисом которой будут выступать также традиционные ценности, которые помогут государственным служащим достичь основных целей, стоящих перед органами государственной власти, можно будет не только повысить эффективность деятельности сотрудников, но и способствовать повышению их вовлеченности и мотивации.

Большинство исследователей и специалистов в сфере управления отмечают, что под корпоративной культурой понимается «единый дух» в организации, единство ценностей и убеждений, которые формируют нормы поведения сотрудников.

Корпоративная культура – это совокупность ценностей и убеждений, которые определяют нормы поведения сотрудников, а также влияют на процесс управления организацией. Именно корпоративная или, как ее еще называют, организационная культура определяет ряд важнейших для функционирования учреждения факторов: подход к управлению персоналом, взаимодействие сотрудников внутри коллектива и с начальством, методы мотивации эффективность деятельности сотрудников.

Корпоративная культура организации имеет ряд основных элементов, среди которых:

1. Ценностные ориентации сотрудников. Именно ценности выступают ориентиром для развития организации и задают основу для определения норм поведения сотрудников организации. Они не только помогают рядовым сотрудникам и руководителям принимать различные решения по мере осуществления профессиональной деятельности, но также помогают при мотивации сотрудников. Организации с развитой системой ценностей более привлекательны для сотрудников, так как представляются более стабильными и этичными.

2. Нормы поведения сотрудников. При правильно сформированных ценностных установках, сотрудники будут легче идентифицировать себя с организацией. Например, в контексте государственной службы, госслужащие, разделяющие такие ценности, как ответственность и служение народу, с большей вероятностью достигнут большей эффективности труда. Более того, при возникновении непредвиденных ситуаций на рабочем месте они с большей вероятностью смогут принять правильное для организации решение.

3. Миссия и видение организации. Данные элементы должны отражать ценности, декларируемые в организации, а также быть постоянным напоминанием и ориентиром для сотрудников. Миссия должна приносить смысл в повседневную рутинную деятельность сотрудников, вдохновлять и мотивировать их. При грамотном отражении ценностей и норм поведения организации в миссии и видении, организация может улучшить свой имидж на рынке труда и повысить свою привлекательность перед потенциальными сотрудниками.

Стоит отметить, что только грамотно построенная, сильная и развитая корпоративная культура станет преимуществом и позитивно отразится в деятельности организации. Даже если руководитель не прикладывает никаких усилий для «возвращения» определенной культуры в организации, между сотрудниками все равно сложатся те или иные нормы поведения. Ценностные ориентации либо уйдут на второй план, что негативно скажется на мотивации работников, либо сложатся ценности, которые будут мешать эффективной деятельности сотрудников. Именно поэтому руководителю важно обращать внимание на развитие наиболее подходящей для специфики деятельности организации корпоративной культуры.

Корпоративная культура в системе государственного управления определяет поведение и мотивы госслужащих, что проявляется в том, насколько они лояльны целям организации и способны внедрять инновации в процесс своей деятельности [2]. В современных условиях в нашей стране акцент смещается на формирование единой корпоративной культуры для сотрудников госучреждений. Данный процесс важен, поскольку это должно позволить сформировать некий стандарт профессионализма и повысить этическую устойчивость государственных органов.

Современная корпоративная культура госслужбы в России унаследовала ряд отрицательных черт, присущих как дореволюционной, так и советской госслужбе [3]. Сюда можно отнести такие характерные черты, как: высокий уровень зависимости методов управления и самих государственных служащих от руководителя, относительно низкая оплата труда (что может повышать вероятность развития коррупции), закрытость и консервативность системы государственного управления в целом. Более того, корпоративная культура на государственной службе имеет ряд особенностей, среди которых принято отмечать ее бюрократический характер, ориентированность на устойчивые ценности, пропагандируемые государством и элемент высокой социальной ответственности перед обществом.

В России уже были предприняты определенные действия для развития корпоративной культуры и формирования определенных ценностей у госслужащих. К примеру, в рамках последних дополнений и изменений, внесенных в указ Президента РФ №885 от 12.08.2002, были проведены меры по внедрению системы наставничества в органах государственной власти, что делает преемственность и взаимопомощь частью внутренних ценностей государственных учреждений. Однако на практике корпоративная культура в органах власти все еще остается несформированной до конца и сталкивается с рядом проблем, что делает исследования в этой области довольно актуальными [4].

В данной работе выявляются и анализируются ключевые, наиболее важные и серьезные проблемы формирования корпоративной культуры в органах государственной власти и определяются дальнейшие перспективы развития данного направления. Для выполнения данной цели был проведен анализ научной литературы и различных нормативно-правовых документов за последние 5 лет в этой области. Помимо этого, проведено эмпирическое исследование мнения госслужащих в формате социологического опроса, в общей сложности в опросе приняли участие 83 сотрудника органов государственной власти. Возрастной состав выборки представляет собой государственных служащих в возрасте от 22 лет. Стоит отметить, что возраст большинства опрошиваемых составляет от 36 до 50 лет (48%), а также от 22 до 35 лет (37%). Что же касается полового соотношения, то в опросе приняло участие 39% мужчин и 61% женщин.

По итогам проведенного эмпирического исследования было выявлено, что около четверти опрошенных респондентов оценивают корпоративную культуру в своих учреждениях как низкую. Такая ситуация подтверждает выделенное утверждение о наличии проблем корпоративной культуры на государственной службе.

Большинство респондентов (92%) осведомлены о существовании кодекса этики, однако уровень его соблюдения вызывает вопросы, так как всего 38% отвечающих считают, что эти нормы строго соблюдаются. Такой высокий уровень об осведомленности наличия официального документа, закрепляющего основные ценности, и сформированные на их основе нормы поведения сотрудников – это довольно хороший показатель для организации государственного сектора. Связано это в первую очередь с тем, что чаще всего для государственных учреждений характерен тип корпоративной культуры «Роли». Данный тип культуры, по Чарльзу Хэнди [5], заключается в том, что перед каждым сотрудником стоит определенный набор полномочий и обязанностей, а любые действия строго подчинены нормативно-правовым актам организации, то есть различным инструкциям, положениям, указам. Соответственно, для внесения каких-то значительных изменений в такие организации, их нужно принимать официально, подписывая соответствующие документы. Только тогда для сотрудников данные изменения приобретут важный характер.

И все же согласно результатам исследования, 21% респондентов высказывают противоположные мысли. Они считают, что кодекс в основном игнорируется госслужащими. Данное несоответствие между официальными предписаниями и реальным поведением может заключаться в том, что сотрудники не разделяют основные организационные ценности, либо же не совсем понимают, как данные ценности отражаются в их деятельности. Остальная часть людей выбрали вариант «частично соблюдается» – 41%. Эти данные подтверждают наличие разрыва между «официальными» и реальными ценностями, что мы в свою очередь выделяем как проблему.

Таким образом, одной из главных причин возникновения данной проблемы может быть отсутствие позитивных санкций по отношению к сотрудникам, которые следуют организационным ценностям государственных органов власти. Более того, отличие ценностного подхода и корпоративной культуры – это их глубинный уровень, то есть не смотря на их формализацию, они должны приниматься и одобряться сотрудниками, влиять на их мотивы и формировать новые модели поведения при решении рабочих задач.

Несоответствие между общепринятыми принципами и фактическим поведением в органах власти является одной из ключевых проблем, так как ставит под сомнение действенность единой корпоративной культуры госслужащих. Официально в качестве утвержденных ценностей выступают: честность и порядочность, приоритет интересов общества, законность действий, профессиональное отношение к делу. Данный диссонанс между официально декларируемыми ценностями и реалиями гражданской службы не только негативно сказывается на процессе управления персоналом в целом, но также может привести к увеличению количества конфликтов, вызванных ценностными разрывами между сотрудниками и руководством или просто в коллективе.

В научных трудах последних лет исследователи отмечают случаи, когда на официальном уровне в учреждении декларируются одни ценности, а реализуются другие, иногда диаметрально противоположные: коррупция или продвижение личных интересов в ущерб интересам общества [6]. Такие ситуации подрывают доверие не только других сотрудников к руководству, обесценивая все идеалы корпоративной культуры органов власти, но и подрывает доверие граждан к институту власти как таковому.

В ходе анализа результатов ответа респондентов были выявлены и другие проблемы, которые не позволяют системе государственных органов власти развиваться должным образом, ограничивая ее потенциал (рис. 1).

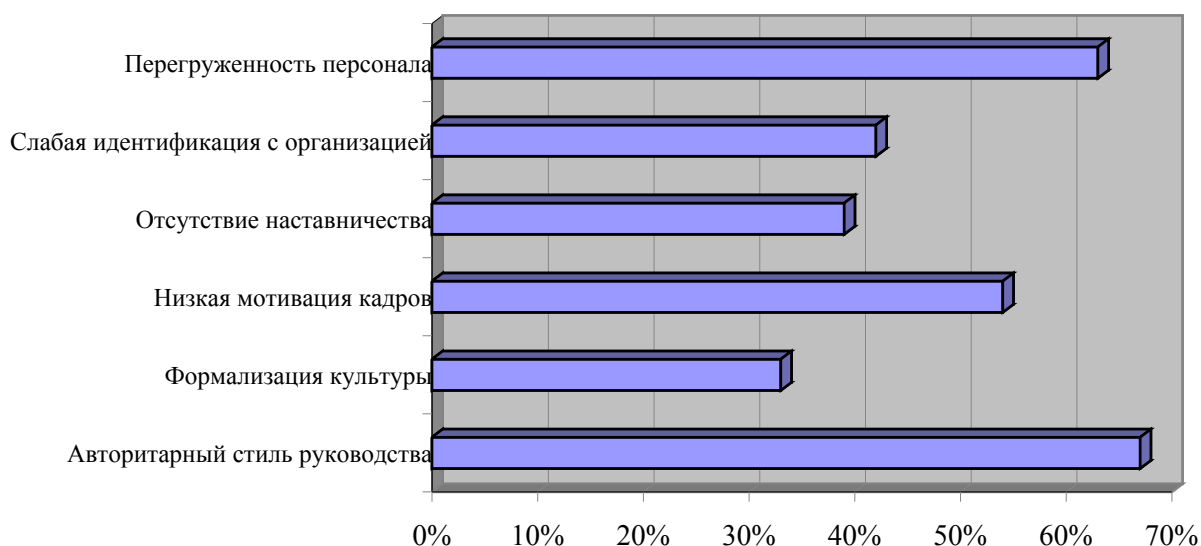

Рисунок 1 – Результаты ответа респондентов на вопрос об основных проблемах корпоративной культуры в государственных органах

Согласно представленным данным, многие респонденты выделяют как ключевую проблему низкую мотивацию кадров, так как корпоративная культура тесно связана с уровнем удовлетворенности персонала условиями работы. Если у сотрудников не закрыты базовые профессиональные потребности, то построить какую-то социальную модель поведения в организации практически невозможно, поскольку в этом случае руководство не сформировало должный фундамент и не заложило основу для формирования нужных ценностей и формирований, «воспитания» у сотрудников какой бы то ни было культуры, норм поведения.

Более того, респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале ряд качеств, присущих государственным служащим. Так, 68% опрошиваемых отмечают, что главным качеством для госслужащего является ответственность (чувство долга, умение держать свое слово). Чуть более 40% считают, что служение на пользу другим (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом) важно в их деятельности. И около 35% отмечают важность патриотизма (желания с помощью своей деятельности принести свой вклад в развитие страны, помощь гражданам).

Государственные служащие считают важным наличие единой ценностной системы для эффективной деятельности органов государственной власти, а около 87% респондентов отмечают зависимость результатов своей деятельности от уровня разделения ценностей, признанных в организации ключевыми.

В ходе теоретического анализа научной литературы последних лет удалось выявить ряд демонтирующих факторов, препятствующих формированию позитивной организационной культуры. Так, исследование, проведенное в государственных органах власти Иркутской области, показало, что многие государственные служащие не

удовлетворены условиями работы:

22% – выражают недовольство графиком работы, потому что происходит регулярные задержки из-за чего рабочий день перестает быть нормированным;

66% – недовольны системами материального стимулирования в учреждениях;

57% – считают, что система профессионального развития кадров работает не должным образом;

65% – не видят своего дальнейшего карьерного роста [7].

Вышеописанная ситуация ведет к снижению мотивации, а следовательно, к более равнодушному отношению к ценностям организации и формальному отношению к корпоративным инициативам. Если сотрудники не видят перспектив и справедливого вознаграждения, вероятность того, что они будут проникаться миссией государственного органа или участвовать во внутренних улучшениях корпоративной культуры, значительно снижается.

Ещё одной наиболее часто выделяемой проблемой является авторитарный стиль управления в государственных органах власти, что вполне логично, так как для многих государственных организаций характерна устойчивая бюрократическая традиция с доминированием командно-административных методов. Однако при этом новое поколение государственных служащих растет в эпоху, когда подобные методы считаются устаревшими, а свое предпочтение многие из них отдают демократическому стилю управления. Среди опрошенных респондентов всего 28% выбрали авторитарный стиль управления как наиболее подходящий и комфортный, при этом 65% выбрали демократический и лишь 7% не смогли определиться.

Преобладание авторитарных стратегий и методов управления (административных и организационно-регулятивных) негативно сказывается на развитии корпоративной культуры по нескольким причинам:

— Во-первых, подавляются инициативы, идущие от сотрудников, а значит, снижается вовлеченность их в процесс построения единой корпоративной культуры. Они попросту привыкают к тому, что необходимо строго следовать инструкциям, не предлагая новых идей, что сильно замедляет развитие системы государственного и муниципального управления в целом.

— Во-вторых, это приводит к проблемам с адаптацией у новых сотрудников, а также к стрессу при смене руководителя у старых, что может сказаться не только на корпоративной культуре, но и на работе всего учреждения.

— В-третьих, при таком типе управления могут искажаться ценности, заложенные органом власти, поскольку их соблюдение будет являться не личным желанием госслужащих, а строго продиктованным приказом вышестоящих руководителей.

В авторитарных учреждениях культура, основанная на общих ценностях, подменяется понятием культура «под начальника», то есть поведение сотрудников зависит прежде всего от их начальника, а не от формализованных принципов организации [8]. Именно поэтому при построении единой системы ценностей очень важно найти правильный подход к сотрудникам, при этом сами госслужащие должны не слепо следовать правилам, а разделять ценности учреждения [9].

Например, при формировании и официальном закреплении той или иной системы ценностей, можно ориентироваться на основные ценности, пропагандируемые государством, а если точнее, то на те из них, которые наиболее откликаются сотрудникам. Для этого важно:

учитывать мнение сотрудников при формировании основных ценностей, которыми впоследствии они будут руководствоваться при осуществлении своей деятельности;

следить за тем, чтобы основные организационные ценности разделялись и активно отражались в действиях руководящего звена государственного органа;

разработать систему обучения данным ценностям. Во многих органах государственной власти отсутствуют системы адаптации сотрудников и наставничества [10]. При разработке и актуализации системы адаптации сотрудников важно доносить до них

важность и место организационных ценностей в деятельности органов государственной власти.

В заключение хотелось бы отметить, что процесс формирования и укрепления позитивной корпоративной культуры в органах государственной власти имеет стратегическое значение. В данном случае речь идет не только про повышение эффективности работы учреждения, но и о связи со спецификой самих организаций, то есть в первую очередь речь идёт о повышении доверия общества к государству.

Госслужащие, обладающие высоким уровнем профессионализма и соблюдающие этические стандарты, а также разделяющие основные социально-ориентированные ценности органов государственной власти, способны лучше реализовать различные реформы и программы, а значит, могут предоставить гражданам более качественные услуги. Из всего этого следует, что необходимо не только дальнейшее совершенствование нормативно-этической базы, но практическое воплощение ее принципов в ежедневной работе.

Список использованных источников

1. Богданов, А. А. Кадровая политика на государственной гражданской службе в контексте ценностного подхода / А. А. Богданов // Личность: ресурсы и потенциал. – 2024. – № 2(22). – С. 95-108.
2. Байменов, А. М. О некоторых факторах эффективности государственного управления // Государственная служба. – 2020. – Т. 22, № 1(123). – С. 26-32. – DOI 10.22394/2070-8378-2020-22-1-26-32.
3. Калошина, Т. Ю. Ценностные ориентиры корпоративной культуры как инструмент HR-менеджмента / Т. Ю. Калошина, Ю. В. Бельская // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 139-150. – DOI 10.18334/lim.10.1.117242.
4. Ануфриенко Е. В. Теоретические аспекты формирования корпоративной культуры в органах государственной гражданской службы // Политика, экономика и инновации. 2020. №2 (31).
5. Ворошкова, Т. А. Вклад Чарльза Хэнди, Тома Питерса, Питера Сенге в менеджмент / Т. А. Ворошкова // Молодой ученый. – 2024. – № 36(535). – С. 166-167.
6. Шукюрова М. Г., Филенков О. В. Потенциал новой корпоративной культуры государственной гражданской службы // Вестник экспертного совета. 2022. №3 (30). С. 16–21.
7. Полюшкевич О. А. Особенности корпоративной культуры государственных служащих // Социология. 2023. №5. С. 134–140
8. Аксенова Т. В., Снигур А. Р., Назаров А. А., Солнцева А. С., Воронова А. С. Стили руководства. оптимизация управленческой деятельности // StudNet. 2021. №1.
9. Николаева А.А., Савченко И.А., Корецкая Е.А. корпоративная культура образовательной организации как средство разрешения и профилактики конфликтов // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 3 (24). С. 76-82.

Сведения об авторах

Савченко Ирина Алексеевна - доцент кафедры «Теория и практика управления» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» ФГБОУ Московский государственный психолого-педагогический университет кандидат политических наук. E-mail: arin76@mail.ru

Галкина Анна Алексеевна - студентка 4-го курса бакалавриата кафедры «Теория и практика управления» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета. E-mail: agalkina3113@gmail.com

UDC 35.07

FORMATION OF CORPORATE CULTURE IN GOVERNMENT AUTHORITIES

Savchenko I.A., Galkina A.A.

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow

The purpose of the article is to analyze the current state of the process of formation of corporate culture and values in the government authorities of the Russian Federation. Based on a theoretical review and empirical sociological research, key problems in building a unified corporate culture system have been identified.

Keywords: formation of corporate culture, problems of corporate culture, authoritarian management style, public service

References

1. Bogdanov, A. A. Personnel policy in the state civil service in the context of a value approach / A. A. Bogdanov // Personality: resources and potential. – 2024. – № 2(22). – Pp. 95-108.
2. Baymenov, A.M. On some factors of public administration efficiency // Public service. – 2020. – Vol. 22, No. 1(123). – pp. 26-32. – DOI 10.22394/2070-8378-2020-22-1-26-32.
3. Kaloshina, T. Y. Value orientations of corporate culture as an HR management tool / T. Y. Kaloshina, Yu. V. Belskaya // Leadership and management. – 2023. – Vol. 10, no. 1. pp. 139-150. – DOI 10.18334/lim.10.1.117242.
4. Anufrienko E. V. Theoretical aspects of corporate culture formation in public civil service bodies // Politics, economics and innovations. 2020. №2 (31).
5. Voronkova, T. A. The contribution of Charles Handy, Tom Peters, Peter Senge to management / T. A. Voroshkova // Young Scientist. – 2024. – № 36(535). – Pp. 166-167.
6. Shukyurova M. G., Filenkov O. V. The potential of a new corporate culture of the state civil service // Bulletin of the Expert Council. 2022. No. 3 (30). pp. 16-21.
7. Polyushkevich O. A. Features of corporate culture of civil servants // Sociology. 2023. No. 5. pp. 134-140
8. Aksenova T. V., Snigur A. R., Nazarov A. A., Solntseva A. S., Voronova A. S. Leadership styles. optimization of management activities // StudNet. 2021. No. 1.
9. Nikolaeva A.A., Savchenko I.A., Koretskaya E.A. corporate culture of an educational organization as a means of conflict resolution and prevention // Educational resources and technologies. 2018. No. 3 (24). pp. 76-82.

Author's information

Savchenko Irina Alekseevna - candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and practice of management of the Moscow State University of Psychology & Education. E-mail: arin76@mail.ru

Galkina Anna Alekseevna - fourth-year bachelor student of the Department of Theory and practice of management of the Moscow State University of Psychology & Education. E-mail: agalkina3112@gmail.com

УДК 316.422

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТЕНТА И ФОРМАТА УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫМ ЦЕНТРОМ ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Шилина С.А., Кыштымова А.А., Петрушин А.В., Шилин А.М.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальная проблема контента и формата управленческих параметров, направленных на эффективную работу комплексного центра социального обслуживания населения Брянской области. Важно при этом проследить, каким образом можно улучшить работу организации, предоставляющей разнообразные социальные услуги и поддержку населению в условиях современного общества. Необходимо рассмотреть методы и приемы трансформации контента и формата управления, что и предпринято авторами статьи. Приведены результаты социологических исследований в форме анкетирования и интервьюирования (методом глубинного интервью), из которых проистекает оценка формата и контента управления предоставлением социальных услуг населению, а также разработка рекомендаций по оптимизации управленческих практик для повышения эффективности работы комплексного центра социального обслуживания населения Брянской области.

Ключевые слова: управление, контент, формат, социальная сфера, трансформация, комплексный центр социального обслуживания, Брянская область.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-112-123

Актуально рассмотрение вопросов контента и формата управления в контексте предоставления социальных услуг населению для повышения эффективности центра. Очень важно проводить анализ современных тенденций в управлении социальными учреждениями, включая комплексные центры социального обслуживания населения (далее КЦСОН), изучать потребности и ожидания различных групп населения от комплексного центра социального обслуживания и сравнивать их с предоставляемыми услугами, анализировать методы управления персоналом в комплексных центрах социального обслуживания населения и оценивать их эффективность с учетом современных требований к социальным услугам [15]. Необходимо к тому же показывать пути трансформации контента и формата управления, чтобы улучшить его, а также всю работу центра в целом [9; 7; 8]. Это вызов современного общества [2; 4; 6], когда возросли требования к качеству и количеству предоставляемых услуг в социальной сфере [13].

Следует отметить, что эффективность центра социального обслуживания зависит от грамотного взаимодействия различных подразделений, адаптации структуры к специфике работы и потребностям клиентов, а также последовательного улучшения процессов на основе обратной связи и оценки результатов. Важно также, что инновационные подходы, такие как внедрение новых технологий или участие общественности в процессе принятия решений, могут значительно усилить эффективность работы центра социального обслуживания.

Грамотный анализ моделей организационной структуры и роли подразделений в центре социального обслуживания является важным инструментом для оптимизации деятельности учреждения, улучшения качества предоставляемых услуг и создания более благоприятных условий для клиентов, к которым относятся уязвимые слои населения: инвалиды [1], пожилые люди [14], алкоголики [10], люди, страдающие от семейного насилия [11] и другие. Правильно организованное взаимодействие подразделений в центре социального обслуживания способствует достижению целей учреждения, улучшению качества жизни клиентов и общему укреплению социальной сферы, что важно для построения гражданского общества [5].

Для анализа работы КЦСОН конкретного региона, а именно Брянской области, были применены методы анкетирования и интервьюирования. Они были выбраны из-за их пригодности для сбора разнообразных данных и получения глубокого понимания

исследуемой проблемы. Анкетирование позволило получить структурированные данные от большого количества респондентов и выявить широкое мнение по изучаемой теме. С другой стороны, интервьюирование позволило провести более глубокое и качественное исследование, получить детальные ответы от участников и выявить нюансы, не всегда доступные при анкетировании. Такой комплексный подход позволил получить обширную и информативную базу данных для последующего анализа и интерпретации результатов исследования.

Структура анкеты была разработана с учетом целей исследования, содержала вопросы, направленные на получение конкретной информации, а также учитывала логическую последовательность вопросов для удобства заполнения респондентами. Анкета состоит из трех разделов: вводной части с объяснением целей исследования, основной части с вопросами, касающимися ключевых аспектов исследуемой проблемы, и заключительной части с вопросами о дополнительной информации.

План глубинного интервью включает в себя тщательно разработанный список вопросов, направленных на раскрытие темы исследования, а также проработанные темы для обсуждения с участниками. План предусматривает адаптацию в зависимости от ответов интервьюируемых, чтобы глубже исследовать интересующие аспекты. Также были предусмотрены открытые вопросы для стимулирования диалога и выявления дополнительных аспектов, которые могли быть упущены в стандартных вопросах. План интервью был разработан с целью собрать максимально информативные данные для последующего анализа и получения осмысленных результатов исследования.

Проведение опросов и интервью - это процесс сбора данных, который требует внимательной организации и планирования:

1. Подготовка. Начинается с разработки целей исследования, определения целевой аудитории и разработки инструментов сбора данных (анкет, планов интервью). Выбор методики сбора данных (онлайн, офлайн, телефонные опросы и пр.) также важен.

2. Проведение опросов и интервью. Респонденты отвечают на вопросы, предложенные в анкете или плане интервью. Важно учитывать их комфорт и убедиться, что они хорошо понимают заданные вопросы.

3. Анализ данных. После сбора данных и завершения интервью происходит их анализ. Это включает в себя обработку и интерпретацию ответов для выявления закономерностей и выводов.

4. Отчетность. Результаты исследования документируются и представляются в виде отчета, который содержит анализ, выводы и рекомендации на основе полученных данных.

Эффективное проведение опросов и интервью требует тщательной планировки, точности и внимания к деталям на каждом этапе процесса сбора данных.

Подготовленная методология исследования комплексного центра социального обслуживания представляет собой важный инструмент для понимания и анализа работы и управления данного учреждения. Четкое проведение опросов и интервью, точный анализ собранных данных и обширные выводы, сделанные на основе исследования, помогли в выявлении потребностей центра, выработке эффективных рекомендаций по улучшению работы и повышению качества предоставляемых услуг. В целом, использование методологии исследования в данном контексте является ключевым шагом к повышению эффективности управления и успеху комплексного центра социального обслуживания.

Социологический анализ эффективности управления комплексным центром социального обслуживания населения играет важную роль в понимании внутренних процессов и взаимодействия между персоналом данного центра.

Анкетирование и интервьюирование сотрудников центра социального обслуживания позволяют выявить их мнения, оценки и ощущения относительно работы организации, процессов управления, качества внутреннего взаимодействия и предоставляемых услуг. Эти методы помогают собрать детальные данные о восприятии коммуникации, структуры руководства, профессионального развития, а также предоставления возможностей для

саморазвития и обратной связи.

Имея доступ к мнениям и отзывам сотрудников через анкетирование и интервьюирование, можно провести анализ состояния внутренних процессов и оперативно выявить области, требующие улучшений. Полученные данные будут использоваться для дальнейших исследований и разработки стратегий повышения эффективности контента и формата управления и улучшения условий работы в комплексном центре социального обслуживания населения.

Рассмотрим результаты социологического исследования «Анализ эффективности управления комплексным центром социального обслуживания населения с позиции сотрудника», проведенного с сотрудниками комплексного центра социального обслуживания населения методом анкетирования. Данное исследование было направлено на оценку внутренних процессов, условий труда, организации взаимодействия между сотрудниками, а также профессиональных возможностей, предоставляемых руководством. В опросе принимали участие сотрудники ГБУ Брянской области «Комплексный центр социального обслуживания населения г. Брянска».

В рамках опроса сотрудникам были предложены вопросы, касающиеся их взглядов на качество управления, степень удовлетворенности работой, принятые организационные решения, а также возможности роста и развития в рамках центра. Результаты данного исследования предоставляют ценные инсайты, позволяющие оценить текущее состояние управления и выявить потенциальные области для улучшения.

На базе ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска» было проведено социологическое исследование методом опроса среди сотрудников центра. Всего респондентами стали 62 человека, имеющие разный опыт работы в организации: 19% имеют опыт работы менее 1 года; 31% респондентов выбрали вариант «1-3 года»; 50% респондентов работают в организации более 3 лет.

Уровень удовлетворенности условиями работы в центре респонденты оценили следующим образом: высокий - 55%, удовлетворительный - 34%, низкий - 11%. Почти 90% опрошенных сотрудников в той или иной степени удовлетворены условиями работы.

Респонденты поделились тем, насколько четко определены их обязанности и полномочия в центре. Распределение ответов : 76% выбрали вариант «полностью удовлетворены»; остальные 24 % отметили вариант «удовлетворены частично».

Респондентам также было предложено оценить эффективность внутреннего взаимодействия в коллективе центра. 55% отметили очень эффективное взаимодействие, 40% определили его как среднее и 5% опрошенных заявили о неэффективности взаимодействия в коллективе.

Ответы на вопрос «Считаете ли вы, что в центре обеспечивается своевременное решение возникающих проблем?» распределились следующим образом: вариант «да, всегда» отметили 76% респондентов, ответ «иногда» выбрали 18% респондентов, вариант «нет, никогда» был выбран 6% респондентов. Данное распределение можно оценить как позитивное.

Уровень поддержки со стороны руководства центра респонденты оценили следующим образом: вариант «высокий» выбрали 56% респондентов, ответ «удовлетворительный» отмечено 31% респондентов, вариант «низкий» выбрали 13% от общего количества респондентов.

Ответы на вопрос «Есть ли в центре возможности для профессионального развития?» были распределены неудовлетворительно: лишь 47% опрошенных сотрудников отмечают, что таковых много, еще 34 % заявляют о недостаточности возможностей для профессионального развития, а 19% респондентов заявили об отсутствии таких возможностей.

Ответы на вопрос «Считаете ли вы, что центр хорошо адаптируется к изменениям в области социального обслуживания?»: 8% респондентов выбрали вариант «нет, совсем не адаптируется»; 19% респондентов отметили вариант «частично»; 73% выбрали ответ «да,

полностью».

Анализируя ответы на вопрос «Оцените свою готовность к совместной работе с другими специалистами в центре», можно сделать вывод, что все сотрудники в той или иной степени готовы к совместной работе с другими специалистами центра («высокая» 76%; «средняя» 24%).

Исходя из ответов на десятый вопрос анкеты «Получаете ли вы достаточное количество обратной связи от руководства и коллег?» можно отметить, что связь в коллективе налажена в достаточной степени (34 % респондентов выбрали ответ «иногда»; 63% респондентов отметили вариант «да, всегда»; 3% респондентов отметили вариант «никогда»).

Респонденты оценили процесс принятия управленческих решений в центре следующим образом: «прозрачный и эффективный» - 48%, «слабо структурированный» - 39 %, «неудовлетворительный» - 13%, что говорит о необходимости работы над данным процессом.

На вопрос «Чувствуете ли вы поддержку со стороны коллег в центре?» ответы респондентов были распределены так: «да, всегда» - 78%, «иногда» - 19%, «никогда» - 3%. Исходя из полученных данных, можно сказать, что коллектив в целом сплоченный.

Общую атмосферу работы в центре всего 7 % опрошенных оценили как стрессовую и негативную, еще 32 % отметили нейтральную атмосферу и 61% респондентов оценил атмосферу работы в центре как поддерживающую и дружелюбную.

Заключительным вопросом анкеты стал вопрос «Считаете ли вы, что ваше мнение учитывается при принятии управленческих решений в центре?». Мнения респондентов разделились: 39% опрошенных отметили, что их мнение учитывается всегда, 30% заявили, что при принятии управленческих решений их мнение учитывается лишь иногда и 31% респондентов никогда не влияет на управленческие решения.

В результате проведенного анкетирования сотрудников комплексного центра социального обслуживания населения для анализа эффективности контента и формата управления были выявлены как положительные аспекты, так и слабые стороны.

Сотрудники высоко оценили условия работы в центре, четкое определение обязанностей и полномочий, эффективное внутреннее взаимодействие, своевременное решение проблем, а также поддержку со стороны руководства и коллег. Они также положительно отзывались о готовности к совместной работе с другими специалистами, обратной связи и общей атмосфере в центре.

Слабые стороны, такие как ограниченные возможности для профессионального развития сотрудников и проблемы в процессе принятия управленческих решений, требуют дальнейшей работы и улучшения для повышения эффективности контента и формата управления комплексным центром социального обслуживания населения.

С руководителями четырех подразделений ГБУ Брянской области «Комплексный центр социального обслуживания населения г. Брянска» было проведено глубинное интервью для оценки эффективности управления центром.

В ходе анализа результатов проведенного интервью, состоящего из шести блоков, были сделаны выводы об управлении КЦСОН с позиции руководителя.

Центр социального обслуживания ставит своей целью обеспечение комплексного и качественного социального обслуживания уязвимых групп населения. Основные задачи руководителя включают в себя предоставление социальной поддержки, консультирование, организацию социокультурных мероприятий, помощь в решении социальных проблем, развитие партнерств с организациями и муниципалитетами, повышение качества услуг через обучение персонала, создание удобных условий для клиентов, стимулирование профессионального развития сотрудников и внедрение инноваций в работу центра.

Сильными сторонами центра являются присутствие квалифицированных специалистов, готовых предоставить социальную поддержку и консультации, а также хорошо развитая сеть партнерств с другими организациями. Кроме того, центр имеет опыт

организации мероприятий и помощи в решении социальных проблем своих клиентов.

Однако существуют и слабые стороны. Некоторые из них включают ограниченный доступ к некоторым видам социальных услуг из-за финансовых ограничений, а также возможные недостатки в обучении персонала и использовании современных методик в работе центра. Еще одной слабой стороной может быть необходимость улучшения взаимодействия с клиентами и создания более комфортной среды для них.

Участовавшие в глубинном интервью руководители подчеркнули, что практика участия всех сотрудников в разработке и принятии тех или иных решений благотворно влияет на коллектив, создавая дух коллективизма и повышая мотивацию персонала. Очень позитивным является и то, что существует система оценки качества предоставляемых услуг. Обратная связь от клиентов помогает постоянному улучшению контента и формата управления центром.

Помимо положительных моментов интервьюируемые отметили существующие в процессах и методах управления негативные явления, такие как недостаточно качественная система мониторинга и оценки производительности сотрудников организации, отсутствие программы обучения и развития персонала для повышения образованности и приобретения новых компетенций (роль образования увеличивается в цифровую эпоху [12; 17]). Еще одним недостатком является медленное внедрение инноваций, современных информационных технологий в управление организацией.

Далее в ходе интервью был обозначен такой положительный момент, как проведение регулярных тренингов, семинаров. Хорошей практикой также является прохождение сотрудниками курсов повышения квалификации не реже одного раза в три года. Интервьюируемые также подчеркнули, что стремятся поощрять самообразование сотрудников, стимулируют проявление профессиональной инициативы.

Одновременно были отмечены и те сферы, которые могут быть улучшены. Руководитель одного из подразделений считает, что центр способен разработать более индивидуализированные планы развития для сотрудников, которые более точно учитывали бы их потребности и личные цели.

В ходе глубинного интервью были выявлены амбициозные планы руководства центром по расширению спектра услуг и улучшению качества обслуживания, а также по дальнейшему развитию партнерских отношений с другими организациями, чтобы подход к решению социальных проблем был комплексным.

Исходя из проведенного интервью, можно сказать, что центр социального обслуживания обладает потенциалом для дальнейшего развития и реализации поставленных целей по улучшению услуг и эффективности деятельности.

Для улучшения качества услуг, учитывая выявленные недостатки в областях профессионального развития, процесса принятия управленческих решений и учета мнения сотрудников, следует разработать стратегию, охватывающую несколько ключевых шагов.

Обучение и развитие персонала:

- проведение оценки потребностей в профессиональном развитии сотрудников и разработка индивидуальных планов обучения,
- организация тренингов, семинаров и курсов для повышения квалификации сотрудников,
- содействие в прохождении сертификации и профессиональной аккредитации.

Улучшение процесса принятия управленческих решений:

- внедрение системы сбора, анализа и передачи информации для более прозрачного и эффективного принятия решений,
- обучение представителей управления методам анализа данных и принятия обоснованных решений,
- создание процедур для мониторинга и оценки эффективности принятых решений.

Учет мнения сотрудников при принятии управленческих решений:

- организация регулярных встреч и обмена мнениями между руководством и

сотрудниками,

- внедрение механизмов обратной связи от сотрудников и учет их мнения при принятии стратегических решений,
- повышение уровня доверия и коммуникации в организации для поощрения инициативности и участия сотрудников в управленческом процессе.

Мониторинг и анализ результатов:

- установление системы мониторинга и оценки результатов внедренных изменений,
- проведение контрольных аудитов для оценки эффективности стратегии и корректировки подходов при необходимости,
- постоянное обновление стратегии улучшения качества услуг на основе полученных результатов и обратной связи.

Применение вышеописанных шагов поможет центру социального обслуживания населения улучшить качество предоставляемых услуг, повысить профессиональный уровень сотрудников, оптимизировать процессы управления и учета мнений сотрудников, а также улучшить уровень удовлетворенности клиентов.

Для организации системы мониторинга и контроля за внедрением изменений в центре социального обслуживания населения необходимо реализовать следующие шаги:

1. Установление ключевых показателей успеха (KPI):

- определение основных показателей, отражающих качество услуг, профессиональное развитие сотрудников, процесс принятия управленческих решений и учет мнения персонала,
- разработка конкретных KPI, которые будут использоваться для оценки эффективности внедрения изменений.

2. Создание механизмов сбора данных:

- определение методов сбора информации, включая анкеты, интервью, отчеты, системы отслеживания процессов и т.д.,
- разработка форматов отчетности с четко определенными полями для данных и результатов мониторинга.

3. Установление временных интервалов для мониторинга:

- определение графика проведения оценочных мероприятий и контрольных аудитов для каждого направления улучшения,
- введение регулярных обновлений KPI и пересмотра частоты мониторинга в зависимости от динамики изменений.

4. Анализ данных и оценка эффективности:

- проведение анализа полученных данных согласно установленным KPI,
- оценка степени достижения поставленных целей и выявление областей, требующих корректировки и улучшения,
- сравнение текущих результатов с исходными данными и установление тенденций развития.

5. Разработка отчетности и представление результатов:

- подготовка структурированных отчетов о результатах мониторинга и контроля за внедрением изменений,
- проведение презентаций и обсуждение результатов с руководством, сотрудниками и заинтересованными сторонами,
- использование полученных данных для корректировки стратегии путем внесения необходимых изменений и улучшений.

6. Постоянное улучшение и оптимизация системы мониторинга:

- регулярное обновление KPI и методов сбора информации в соответствии с изменяющимся окружением и потребностями организации,
- постоянный анализ эффективности системы мониторинга и внесение улучшений для повышения эффективности контроля за внедрением изменений.

Эффективная система мониторинга и контроля улучшений поможет обеспечить постоянное развитие и совершенствование деятельности центра социального обслуживания

населения в соответствии с поставленными целями и ожиданиями клиентов и сотрудников.

Для организации оценки результатов улучшения качества услуг с учетом установленных критериев и показателей необходимо провести следующие действия:

Определение ключевых критериев оценки:

- должны быть установлены ясные и специфические критерии, позволяющие оценить качество услуг центра социального обслуживания населения,
- критерии могут включать удовлетворенность клиентов, качество услуг, профессиональный уровень сотрудников, эффективность управленческих решений и другие релевантные аспекты.

Выбор подходящих показателей:

- необходимо выбрать конкретные количественные и качественные показатели для каждого критерия,
- показатели должны быть измеримыми, достоверными и отражать действительное положение дел в организации.

Создание системы сбора данных:

- определение методов сбора информации для каждого показателя, включая опросы, анкетирование, отчеты, статистические данные и другие подходы,
- разработка плана сбора данных и четкого графика оценочных мероприятий.

Анализ и интерпретация данных:

- проведение анализа собранных данных с учетом установленных критериев и показателей,
- интерпретация результатов оценки для выявления уровня достижения поставленных целей и выявления областей для улучшений.

Оценка результатов и выработка рекомендаций:

- сравнение полученных данных с начальными показателями и оценка эффективности улучшений,
- формулирование рекомендаций для дальнейших действий на основе анализа результатов оценки.

Представление результатов и обратная связь:

- подготовка отчетов о результатах оценки и презентация данных руководству, сотрудникам и заинтересованным сторонам,
- обеспечение обратной связи для участников процесса улучшения качества услуг на основе выявленных результатов.

Постоянное совершенствование процесса оценки:

- регулярное обновление критериев и показателей для учета изменяющихся потребностей и контекста,
- постоянный мониторинг эффективности системы оценки и внесение корректировок для оптимизации процесса.

Через систематическую и структурированную оценку результатов улучшения качества услуг с учетом установленных критериев и показателей центр социального обслуживания населения сможет успешно измерять достигнутые результаты, выявлять области для улучшений и обеспечивать постоянное совершенствование контента и формата своей деятельности.

Так, четкое определение критериев оценки и выбор подходящих показателей позволяет более эффективно измерить качество услуг социального обслуживания. Создание системы сбора данных и их последующий анализ помогают выявить сильные и слабые стороны в предоставлении услуг. Оценка результатов на основе собранных данных позволяет оценить эффективность предпринятых мер и определить области, требующие улучшений. Представление результатов и обратная связь стимулируют дальнейшее совершенствование качества услуг и улучшение взаимодействия с клиентами. Постоянное совершенствование процесса оценки необходимо для адаптации к изменяющимся потребностям и обеспечения высокого уровня обслуживания. Таким образом,

систематическое и целенаправленное улучшение качества предоставляемых услуг, основанное на результатах исследования, является ключевым фактором для успешного развития организации.

Нами была разработана программа профессионального развития сотрудников комплексного центра социального обслуживания населения для повышения квалификации и эффективности работы:

1. Оценить текущее состояние:

- проанализировать текущие методы работы и процессы в центре (провести структурированные собеседования с сотрудниками для выявления слабых мест в существующих методах обслуживания и управления),
- идентифицировать области, где могут быть внедрены улучшения или новые методы (провести анкетирование с клиентами для выявления областей, где центр может улучшить свою работу).

2. Запланировать обучение:

- определить цели и ожидания от профессионального развития персонала для повышения эффективности работы центра (например, улучшение качества обслуживания клиентов или оптимизация внутренних процессов центра),
- создать индивидуальные планы развития для каждого сотрудника, учитывая их функциональные обязанности (провести встречи с руководителями и сотрудниками для обсуждения и утверждения индивидуальных планов развития).

3. Обучить сотрудников:

- провести обучающие сессии либо тренинги, направленные на усвоение новых методов и навыков работы (организовать обучающие семинары по новым методам работы и эффективному взаимодействию с клиентами),
- обеспечить доступ к специализированным курсам или конференциям для дополнительного обучения и развития (предоставить сотрудникам возможность профессионального обучения за пределами центра посредством сети интернет).

4. Практически реализовать новые методы:

- провести сотрудникам демонстрации и тренировки для практического освоения новых методов работы (организовать практические мастер-классы по новым методам работы),
- поддерживать сотрудников в процессе адаптации и применения новых методов на практике (назначить наставников для помощи сотрудникам при внедрении новых методов).

5. Получить обратную связь и оценить результаты:

Итак, сотрудники центра были опрошены с использованием анкеты, чтобы получить их мнение о контенте и формате текущего управления, о рабочих процессах и предлагаемых трансформациях контента и формата. Этот метод сбора данных дал представление о внутренних мнениях и оценках сотрудников.

Руководители центра были подвергнуты глубинному интервью, позволяющему раскрыть их точку зрения на ключевые проблемы и потенциальные трансформации в контенте и формате управления и работе центра.

Используя совокупность этих методов исследования, были получены данные, необходимые для разработки конкретных практических рекомендаций, направленных на улучшение управления и работы центра на практике.

В ходе комплексного социологического исследования были выявлены слабые стороны в управлении КЦСОН: недостаток возможностей для профессионального развития, плохо скоординированный процесс принятия управленческих решений и учёт мнения сотрудников при принятии управленческих решений, недостаточность использования современных методик в работе центра, а также слабая система мониторинга и оценки производительности сотрудников.

Одним из авторов статьи (А.А. Кыштымовой) были разработаны практические рекомендации для улучшения управления и работы комплексного центра обслуживания

населения на практике:

1. Создание программы профессионального развития:

- реализация регулярных курсов и тренингов по развитию навыков обслуживания и коммуникации для сотрудников,
- предоставление возможности участия в конференциях и семинарах для обмена опытом с коллегами.

Пример: Организация ежемесячных внутренних семинаров по обмену опытом между отделами центра.

2. Улучшение процесса принятия управленческих решений:

- внедрение системы регулярных обзоров с руководством для анализа текущих проблем и поиска решений вместе с персоналом,
- использование онлайн-платформ для сбора обратной связи от сотрудников по управленческим решениям.

Пример: Еженедельные собрания команды для обсуждения текущих задач и проблем, а также совместного принятия решений.

3. Интеграция современных методик работы:

- автоматизация процессов обслуживания клиентов с помощью CRM системы для улучшения взаимодействия с клиентами,
- внедрение онлайн-консультаций для клиентов и системы записи на услуги через веб-платформу (в эпоху цифровизации это является жизненно важным и востребованным [16]).

Пример: Внедрение чат-бота на сайте центра для быстрого решения стандартных запросов клиентов.

4. Усовершенствование системы мониторинга производительности сотрудников центра, заключающееся, например, в ежедневном отслеживании статистики выполненных заявок и времени, потраченном каждым сотрудником на выполнение той или иной задачи.

5. Поддержка и развитие корпоративной культуры.

Как представляется, реализация данных рекомендаций позволит трансформировать в лучшую сторону контент и формат [3] управления Комплексным центром обслуживания населения в Брянской области.

Список использованных источников

1. Гостенина, В. И. Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность / В. И. Гостенина, Т. В. Епремян, С. А. Шилина // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 116-130. – DOI 10.14258/SSI(2025)1-08.

2. Киричек, П. Н. Дискурс о настоящем в реперах прошлого и контурах будущего / П. Н. Киричек // Журналист. Социальные коммуникации. – 2022. – № 1(45). – С. 116-127.

3. Киричек, П. Н. Контент или формат - вот в чём вопрос / П. Н. Киричек // Новые тренды журналистики и медиакоммуникаций : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 06 апреля 2022 года / Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. – С. 76-80.

4. Киричек, П. Н. Культура и социальные противоречия / П. Н. Киричек // Духовная сфера общества. – 2012. – № 9. – С. 17-22.

5. Киричек, П. Н. Медиа в аксиологии гражданского общества / П. Н. Киричек // Моисеевские чтения: Стратегическое целеполагание, формирование нового мировоззрения и образование, Москва, 21–23 апреля 2022 года. Том 1. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2022. – С. 315-321.

6. Киричек, П. Н. Медиа региона в условиях рынка: проблемы контента и формата / П. Н. Киричек // Региональная журналистика в фокусе времени : по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 19–20 мая 2022 года. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2022. – С. 129-139.

7. Киричек, П. Н. Социокультурные основы государственного управления / П. Н. Киричек // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 3-3(22). – С. 110-113.
8. Киселев, А. Г. Формы и методы кадровой политики в органах власти в современной России / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Вопросы управления. – 2017. – № 1(44). – С. 30-35.
9. Контент и формат трендового социологического исследования управленческой деятельности в социальной сфере / О. В. Голенкова, Т. В. Епремян, А. М. Кирпиченко [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 59-65.
10. Лифанова, Т. Е. Диахронный и синхронный аспекты социальной проблемы алкоголизма: контент и формат / Т. Е. Лифанова, М. И. Горошко, А. В. Петрушин // Экономика. Социология. Право. – 2025. – № 1(37). – С. 64-74. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-01-64-74.
11. Лифанова, Т. Е. Изучение проблемы насилия в семье как фактор профессиональной компетентности специалистов социальной сферы / Т. Е. Лифанова, О. В. Голенкова, А. А. Кыштымова // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 1(59). – С. 166-177. – DOI 10.25726/v7844-1101-9292-j.
12. Мамедов, А. К. Новый взгляд на прежние маркеры социальной стратификации: образование в обществе потребления / А. К. Мамедов, Э. Д. Коркия, С. Г. Малашонок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 777-788.
13. Мамедов, А. К. Реальность будущего или кризис социальных теорий? / А. К. Мамедов // Социология образования. – 2011. – № 2. – С. 17-25.
14. Образовательный аспект социально-психологического консультирования в работе с пожилыми людьми / Т. Е. Лифанова, М. В. Стаканова, О. В. Голенкова, А. А. Кыштымова // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 1-1. – С. 147-156. – DOI 10.25726/g1940-7567-8909-c.
15. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/1.>
16. Шилина, С. А. Коммуникативное поле дискурса культурного кода в условиях цифровизации / С. А. Шилина // Роль социологии в конструировании России будущего. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2023. – С. 502-506.
17. Шилина, С. А. Цифровые технологии как фактор трансформации вузовского образования / С. А. Шилина, В. П. Косякова // Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета). – Москва, 2024. – С. 352-355.

Сведения об авторах

Шилина Светлана Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231).

Кыштымова Анна Александровна – магистрант направления подготовки 39.04.01 Социология (Социология управления), факультет педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: anna.kyshtymova@mail.ru.

Петрушин Александр Викторович – аспирант 2 курса научной специальности 5.4.7. «Социология управления» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: petrushin.aleksandr@gmail.com.

Шилин Андрей Михайлович – магистрант направления подготовки «Менеджмент в образовании» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: supershilin2012@yandex.ru.

**TRANSFORMATION OF THE CONTENT AND MANAGEMENT FORMAT OF A
COMPREHENSIVE PUBLIC SERVICE CENTER IN THE BRYANSK REGION**

Shilina S.A., Kyshtymova A.A., Petrushin A.V., Shilin A.M.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current problem of the content and format of management parameters aimed at the effective operation of the integrated center for social services of the Bryansk region. At the same time, it is important to see how the work of an organization providing a variety of social services and support to the population can be improved in modern society. It is necessary to consider the methods and techniques of content transformation and management format, which is undertaken by the authors of the article. The results of sociological research in the form of questionnaires and interviews (using the in-depth interview method) are presented, which lead to an assessment of the format and content of managing the provision of social services to the population, as well as the development of recommendations for optimizing management practices to improve the efficiency of the integrated center for social services in the Bryansk region.

Keywords: management, content, format, social sphere, transformation, integrated social service center, Bryansk region.

References

1. Gostenina, V. I. Employment of people with disabilities: social expectations and reality / V. I. Gostenina, T. V. Yepremyan, S. A. Shilina // Society and Security Insights. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – pp. 116-130. – DOI 10.14258/SSI(2025)1-08.
2. Kirichek, P. N. The discourse about the present in the rappers of the past and the contours of the future / P. N. Kirichek // Journalist. Social communication. – 2022. – № 1(45). – Pp. 116-127.
3. Kirichek, P. N. Content or format - that's the question / P. N. Kirichek // New trends in journalism and media communications : proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 06, 2022 / Russian State University for the Humanities. – Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022. – pp. 76-80.
4. Kirichek, P. N. Culture and social contradictions / P. N. Kirichek // Spiritual sphere of society. – 2012. – No. 9. – PP. 17-22.
5. Kirichek, P. N. Media in the axiology of civil society / P. N. Kirichek // Moiseevsky readings: Strategic goal setting, formation of a new worldview and education, Moscow, April 21-23, 2022. Volume 1. – Moscow: Moscow University of the Humanities, 2022. – pp. 315-321.
6. Kirichek, P. N. Regional media in market conditions: problems of content and format / P. N. Kirichek // Regional journalism in the focus of time : based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Izhevsk, May 19-20, 2022. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2022. pp. 129-139.
7. Kirichek, P. N. Sociocultural foundations of public administration / P. N. Kirichek // International Scientific Research Journal. – 2014. – № 3-3(22). – Pp. 110-113.
8. Kiselev, A. G. Forms and methods of personnel policy in government in modern Russia / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Management issues. – 2017. – № 1(44). – Pp. 30-35..
9. Content and format of a trending sociological study of management activities in the social sphere / O. V. Golenkova, T. V. Yepremyan, A.M. Kirpichenko // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – pp. 59-65.
10. Lifanova, T. E. Diachronic and synchronous aspects of the social problem of alcoholism: content and format / T. E. Lifanova, M. I. Goroshko, A.V. Petrushin // Economy. Sociology. The right. – 2025. – № 1(37). – Pp. 64-74. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-01-64-74. .
11. Lifanova, T. E. Studying the problem of domestic violence as a factor of professional competence of social sphere specialists / T. E. Lifanova, O. V. Golenkova, A. A. Kyshtymova // Education management: theory and practice. – 2023. – № 1(59). – Pp. 166-177. – DOI

10.25726/v7844-1101-9292- J.

12. Mammadov, A. K. A new look at the former markers of social stratification: education in the consumer society / A. K. Mammadov, E. D. Korkia, S. G. Malashonok // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2016. – Vol. 16, №. 4. – pp. 777-788.

13. Mammadov, A. K. The reality of the future or the crisis of social theories? / A. K. Mammadov // Sociology of education. – 2011. – No. 2. – pp. 17-25.

14. The educational aspect of socio-psychological counseling in working with the elderly / T. E. Lifanova, M. V. Stakanova, O. V. Golenkova, A. A. Kyshtymova // Education management: theory and practice. – 2024. – No. 1-1. – pp. 147-156. – DOI 10.25726/g1940-7567-8909- c.

15. The official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation [electronic resource] // Access mode: <https://mintrud.gov.ru/1> . \

16. Shilina, S. A. The communicative field of the discourse of the cultural code in the context of digitalization / S. A. Shilina // The role of sociology in designing Russia of the future. – Moscow: MAX Press LLC, 2023. – pp. 502-506. – EDN LEUGVL.

17. Shilina, S. A. Digital technologies as a factor in the transformation of university education / S. A. Shilina, V. P. Kosyakova // Classical University: current trends and development vectors (on the way to the 270th anniversary of Moscow University). – Moscow, 2024. – pp. 352-355.

Author's information

Shilina Svetlana Alexandrovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Work phone: + 84832 580520 (1231)

Kyshtymova Anna Alexandrovna – Master's student of the direction of training 39.04.01 Sociology (Sociology of Management), Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: anna.kyshtymova@mail.ru.

Petrushin Alexander Viktorovich - 2nd year postgraduate student of scientific specialty 5.4.7. «Sociology of Management» of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: petrushin.aleksandr@gmail.com.

Shilin Andrey Mikhailovich - Master's student in the field of Management in Education, Faculty of Pedagogy and Psychology, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershilin2012@yandex.ru.

ПРАВО

УДК 347.1

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Быков Д.И.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Статья посвящена комплексному анализу принципа добросовестности и института злоупотребления правом в гражданском праве, раскрывая их теоретико-правовую природу, историческую эволюцию и практическую значимость. На основе сравнительно-правового метода выявлены ключевые подходы к пониманию злоупотребления правом в континентальной и англо-американской традициях, подчеркнута специфика российской доктрины, где злоупотребление трактуется как парадокс формально законного, но социально вредного действия. Особое внимание уделено дискуссиям в науке: интегративной, дуалистической и «зеркальной» теориям соотношения добросовестности и злоупотребления правом, а также проблеме оценочных категорий в контексте их адаптационной и балансирующей функций. Теоретически обоснованы вызовы цифровой эпохи, включая конфликт между алгоритмической формальностью и требованиями справедливости в смарт-контрактах. Практическая значимость работы заключается в предложениях по совершенствованию законодательства: легализация критериев добросовестности, внедрение «этических модулей» в цифровые системы, развитие методологии судебного толкования. Исследование вносит вклад в теорию гражданского права, предлагая синтез догматического и социологического подходов для преодоления пробелов в регулировании.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, оценочные категории, социальная справедливость, цифровизация права, сравнительно-правовой анализ.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-124-129

Принцип добросовестности, закрепленный в статье 1 Гражданского кодекса РФ, является фундаментальным элементом гражданско-правовых отношений. Его суть заключается в требовании к участникам правоотношений действовать честно, ответственно и с учетом интересов других лиц при установлении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Данный принцип выступает ключевым инструментом обеспечения баланса между индивидуальной свободой и общественными интересами, что подчеркивает его роль в формировании справедливого правопорядка. Законодатель подчеркивает недопустимость извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, что отражает социально-этическую направленность гражданского права [7, с. 196]. В российской доктрине добросовестность рассматривается как метапринцип, пронизывающий все стадии правоотношений — от их возникновения до прекращения. Однако отсутствие законодательно закрепленных критериев добросовестности порождает проблемы в правоприменении, особенно в условиях роста злоупотреблений в цифровой среде и корпоративных конфликтах. Например, в спорах о банкротстве суды нередко сталкиваются с искусственным созданием долговых обязательств, что формально соответствует закону, но противоречит духу добросовестности. Это требует не только теоретического осмысления, но и разработки практических механизмов предотвращения злоупотреблений.

Эволюция принципа добросовестности отражает трансформацию правовых систем под влиянием социально-экономических изменений. В римском праве *_bona fides_* применялась преимущественно в договорных отношениях, обеспечивая справедливость при разрешении споров о качестве товаров или сроках исполнения обязательств. Римские юристы разработали концепцию «доброй совести» (*_bona fides_*) как критерия оценки справедливости действий сторон, что позже стало основой для формирования европейских правовых традиций. В эпоху Просвещения И. Кант связал добросовестность с

категорическим императивом, подчеркивая, что правовые нормы должны быть универсальными и не противоречить моральному долгу. Кантовский подход акцентировал этическую составляющую права, что повлияло на интеграцию принципа добросовестности в современные кодификации. В дореволюционной России принцип добросовестности получил развитие в институте приобретательной давности, где владелец имущества, действующий открыто и без умысла нарушить права собственника, мог легализовать свои права. В советский период, несмотря на доминирование классового подхода, С.Н. Братусь отмечал, что добросовестность выполняет функцию «социального амортизатора», смягчая противоречия между плановой экономикой и интересами граждан.

Статья 10 ГК РФ конкретизирует запрет на злоупотребление правом, выделяя его ключевые формы:

1. Действия, направленные исключительно на причинение вреда (шикана). Шикана, как крайняя форма злоупотребления, демонстрирует конфликт между формальной законностью и этической недопустимостью поведения. Пример: подача иска в суд с целью банкротства конкурента без правовых оснований.

2. Обход закона с противоправной целью. Такие действия часто маскируются под легальные схемы, что требует от судов глубокого анализа фактических обстоятельств. Например, использование офшорных компаний для уклонения от налогов.

3. Ограничение конкуренции через злоупотребление доминирующим положением. Яркий пример — дело «Google против ФАС России», где компания была оштрафована за навязывание невыгодных условий производителям Android-устройств.

4. Иные формы заведомо недобросовестного осуществления прав. Сюда относят, например, рейдерские захваты предприятий через поддельные документы.

Интересно, что законодатель не только запрещает злоупотребление, но и устанавливает презумпцию добросовестности (ч. 5 ст. 10 ГК РФ). Это создает парадокс: добросовестность предполагается, но ее нарушение влечет серьезные последствия, включая отказ в судебной защите (ст. 10 ГК РФ) и возмещение убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ).

В науке гражданского права отсутствует единство мнений относительно природы злоупотребления правом. В.В. Молчанов трактует его как осуществление права в противоречии с его социальным назначением, что причиняет вред личности, обществу или государству [6, с. 29]. При этом он выделяет два вида злоупотреблений:

- правомерные (легальные) — например, использование права на расторжение договора для давления на контрагента;
- противоправные — такие как мошенничество в корпоративных конфликтах.

О.Н. Бармин акцентирует внимание на причинах злоупотреблений, связывая их с низким уровнем правосознания, пробелами в законодательстве и несовершенством правовых норм [2, с.50]. Например, неопределенность в регулировании криптовалют способствует злоупотреблениям в сфере блокчейн-технологий. Эта позиция подчеркивает необходимость системного подхода к правотворчеству, учитывающего динамику экономических отношений.

Зарубежные подходы также влияют на доктрину. Немецкая школа (К. Ларенц) рассматривает добросовестность как «справедливый баланс интересов», тогда как американская доктрина «чистых рук» делает акцент на процессуальной добросовестности истца. В Японии принцип *_shingi_* (добросовестность) интегрирован в концепцию «гири» — социальной обязанности, что отражает коллективистские ценности общества. Во Франции *_abus de droit_* (злоупотребление правом) признается деликтом, даже если действие формально законно. Этот подход расширяет границы ответственности, ориентируясь на последствия, а не формальное соблюдение норм.

Теория злоупотребления правом сформировалась в XIX веке в рамках критики юридического позитивизма. Если Дж. Остин утверждал, что «право есть повеление суверена», то Р. Иеринг в работе «Борьба за право» обосновал, что осуществление права в противоречии с его социальной целью является антиправовым. Ключевая сложность при

разграничении добросовестности и злоупотребления правом кроется в двойственной природе самой категории добросовестности. Как справедливо отмечает А.С. Шевчук, осуществление права включает:

- объективный критерий — соответствие действий закону и принципам права;
- субъективный критерий — осознание лицом правомерности своих действий [3, с.

187].

Современная теория, вслед за В.П. Грибановым, акцентирует, что злоупотребление правом всегда представляет собой парадокс: формально законное действие превращается в противоправное вследствие нарушения системной связи между правом и его социальным назначением [4, с. 49].

Пример с посадкой дерева, затеняющего соседний участок, иллюстрирует эту дихотомию. Если собственник дерева не осознает причинения вреда, его действия, хотя и нарушающие объективный принцип добросовестности, не могут квалифицироваться как злоупотребление правом. Однако с момента получения информации о вреде (например, через судебный иск) бездействие превращается в осознанное нарушение, что влечет гражданско-правовую ответственность [5, с. 7]. Этот пример демонстрирует, как субъективный фактор (осведомленность) трансформирует правовую оценку поведения.

Данная концепция коррелирует с теорией «ожиданий» (Р. Дворкин), согласно которой участники правоотношений должны действовать в соответствии с нормативно ожидаемым поведением. Однако, как отмечает Д. Кеннеди, в условиях плюрализма ценностей определение «разумных ожиданий» становится проблемой, требующей учета культурного и экономического контекста.

Гражданское законодательство изобилует оценочными понятиями («добросовестность», «разумность», «справедливость»), что, по мнению С.Д. Радченко, обусловлено их многофункциональностью [8, с. 19]. Они выполняют четыре ключевые роли:

1. Формируют основные начала гражданского права.
2. Служат ориентирами для участников правоотношений.
3. Выступают критериями оценки поведения в судебной практике.
4. Оказывают этическое влияние на правовую систему.

Однако отсутствие четких дефиниций создает риски правового нигилизма. Теория «субсидиарности оценочных категорий» (М.И. Брагинский) утверждает, что их применение допустимо лишь при невозможности использования четких критериев, что требует от законодателя минимизировать оценочность через детализацию норм.

Например, в споре по банковской гарантии (пример со справкой об отсутствии средств у принципала) суд сталкивается с необходимостью отличать небрежность от недобросовестности, что требует глубокого анализа обстоятельств дела и мотивов сторон [1, с. 187]. В подобных случаях суды часто прибегают к экспертизе, что увеличивает сроки рассмотрения дел.

В.А. Белов критикует редакцию статьи 10 ГК РФ за излишнюю декларативность, отмечая, что норма не обязывает суд, а лишь позволяет отказать в защите прав при их недобросовестном осуществлении [2, с. 51]. Это создает неравенство в правоприменении: в аналогичных ситуациях суды могут принимать противоположные решения.

В зарубежном праве (например, в § 242 ГГУ Германии) принцип добросовестности («Treu und Glauben») также используется для ограничения злоупотреблений. Однако, как и в России, он остается абстрактным, предоставляя судам широкие дискреционные полномочия. Интересен опыт Франции, где *abus de droit* (злоупотребление правом) признается деликтом, даже если действие формально законно. В США аналогичные функции выполняет доктрина «чистых рук», требующая от истца добросовестности при обращении в суд.

Теория конвергенции правовых систем (Р. Давид) позволяет выделить два подхода к добросовестности:

1. Континентальный (Германия, Франция): добросовестность — императивный принцип, интегрированный в нормы права (§ 242 ГГУ, ст. 1134 ФГК).

2. Англо-американский: добросовестность (*_good faith_*) применяется ограниченно, преимущественно в договорном праве, через прецеденты (например, *_Wood v. Lucy, Lady Duff-Gordon_*).

Интересна позиция японского права, где добросовестность (*_shingi_*) сочетается с концепцией «гири» (социальной обязанности), подчеркивая коллективистские корни принципа.

В науке гражданского права доминируют три подхода к соотношению добросовестности и злоупотребления правом:

1. Интегративная теория (О.С. Иоффе): добросовестность — общий принцип, а злоупотребление правом — его нарушение в конкретных действиях.

2. Дуалистическая теория (Е.А. Суханов): добросовестность регулирует этап реализации прав, тогда как злоупотребление относится к способам их осуществления.

3. Концепция «зеркальности» (В.В. Витрянский): запрет злоупотребления правом является обратной стороной принципа добросовестности, обеспечивая симметрию прав и обязанностей.

Дискуссионным остается вопрос о природе злоупотребления. Представители нормативизма (Г. Кельзен) отрицают его самостоятельность, сводя к пробелам в законодательстве, тогда как социологическая школа (П.А. Сорокин) трактует злоупотребление как конфликт между правовой нормой и социальной практикой.

К общим последствиям злоупотребления правом относятся:

- отказ в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Например, отказ во взыскании долга, если кредитор намеренно ввел должника в заблуждение;
- возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ);
- компенсация морального вреда (ст. 151 ГК РФ), что особенно актуально в спорах с участием граждан.

Теоретической основой для преодоления пробелов служит доктрина «свободного права» (Е. Эрлих), признающая за судами право создавать нормы в процессе толкования. В российской традиции это реализуется через аналогию права (ст. 6 ГК РФ), где добросовестность выступает ориентиром. Однако, как подчеркивает В.Ф. Яковлев, избыточное усмотрение судов подрывает принцип правовой определенности, что требует разработки методологии применения ст. 10 ГК РФ на основе системного и телеологического толкования.

Можно выделить следующие рекомендации по совершенствованию законодательства:

1. Легализация критериев добросовестности. Введение в ГК РФ примерного перечня (учет интересов контрагентов, отсутствие конфликта интересов, прозрачность действий).
2. Создание методических рекомендаций ВС РФ. Обобщение практики по делам о злоупотреблении правом для снижения судебного усмотрения.
3. Внедрение превентивных мер. Обязательность досудебного урегулирования споров в корпоративных конфликтах.
4. Правовое просвещение. Курсы по корпоративной этике для предпринимателей и госслужащих.

Теория «цифровой добросовестности» (Л. Лессиг) акцентирует необходимость адаптации традиционных принципов к условиям алгоритмического регулирования. В контексте смарт-контрактов возникает проблема «криптографической этики»: формальное исполнение кода может противоречить принципу справедливости, если не учитывает скрытые условия (форс-мажор, изменение обстоятельств). Теоретики (К. Верт) предлагают внедрять в алгоритмы «этические модули», оценивающие последствия исполнения контрактов для общественных интересов.

Таким образом, добросовестность и злоупотребление правом образуют систему «сдержек и противовесов» в гражданском праве. Их эффективное взаимодействие зависит как от качества законодательства, так и от правовой культуры общества. Современные вызовы, включая цифровизацию и глобализацию, требуют переосмысления традиционных

подходов. Дальнейшее исследование должно быть направлено на поиск баланса между защитой прав субъектов и предотвращением их эгоистического использования в ущерб публичным интересам. Как отмечал В.П. Грибанов, «право существует не для формального соблюдения, а для достижения социальной справедливости», что особенно актуально в условиях динамично меняющегося правового ландшафта [4, с. 50].

Теоретический анализ принципа добросовестности и злоупотребления правом демонстрирует их роль как «живого права» (Э. Эрлих), связующего формальные нормы с социальной реальностью. Разрешение существующих противоречий требует синтеза догматического, социологического и аксиологического подходов. Перспективным направлением является развитие «динамической теории добросовестности», учитывающей трансформацию общественных отношений в цифровую эпоху. Как отмечал Р. Познер, эффективность права зависит от его способности снижать транзакционные издержки, что невозможно без гармонизации этических и экономических аспектов добросовестности.

Список использованных источников

1. Арановский, К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право / К. В. Арановский // Правоведение. — 2003. — № 6. — С. 185–194. — ISSN 0131-8039. — Текст : непосредственный.
2. Белов, В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права / В. А. Белов // Законодательство. — 2008. — № 8. — С. 49–52. — ISSN 0869-4405. — Текст : непосредственный.
3. Вердиян, Г. В. Понятие добросовестности в системе принципов гражданского права и основных начал гражданского законодательства / Г. В. Вердиян // Образование и право. — 2011. — № 9. — С. 186–193. — ISSN 2073-8944. — Текст : непосредственный.
4. Грибанов, В. П. Моральное содержание основных начал гражданского законодательства / В. П. Грибанов // Современное право. — 2014. — № 5. — С. 47–51. — ISSN 0869-4456. — Текст : непосредственный.
5. Егоров, А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы / А. В. Егоров // Legal Insight. — 2013. — № 2. — С. 4–10. — ISSN 2311-9933. — Текст : непосредственный.
6. Молчанов, В. В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве / В. В. Молчанов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2010. — № 10. — С. 28–31. — ISSN 2072-8970. — Текст : непосредственный.
7. Радченко, С. Д. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования / С. Д. Радченко // Вестник Костромского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 195–199. — ISSN 2073-0946. — Текст : непосредственный.
8. Радченко, С. Д. Закон «О Конституционном Суде РФ»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. / С. Д. Радченко // Журнал российского права. — 2011. — № 10. — С. 17–26. — ISSN 1605-6590. — Текст : непосредственный.

Сведения об авторах

Быков Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: wolf7153@yandex.ru

UDC 347.1

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AND ABUSE OF LAW IN CIVIL LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Bykov D.I.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the principle of good faith and the institution of abuse of law in civil law, revealing their theoretical and legal nature, historical evolution and practical significance. The author explores the dualistic nature of good faith, which combines objective standards of justice and subjective criteria for the legality of behavior, as well as its role as a meta-principle integrating ethical and legal principles. Based on the comparative legal method, key approaches to understanding the abuse of law in the continental and Anglo-American traditions are identified, and the specifics of the Russian doctrine are emphasized, where abuse is interpreted as a paradox of a formally legitimate but socially harmful action. Special attention is paid to the discussions in science: integrative, dualistic and "mirror" theories of the relationship between good faith and abuse of law, as well as the problem of evaluation categories in the context of their adaptive and balancing functions. The challenges of the digital age are theoretically justified, including the conflict between algorithmic formality and the requirements of fairness in smart contracts. The practical significance of the work lies in proposals for improving legislation.: legalizing the criteria of good faith, introducing "ethical modules" into digital systems, and developing the methodology of judicial interpretation. The research contributes to the theory of civil law by offering a synthesis of dogmatic and sociological approaches to overcome regulatory gaps.

Keywords: principle of good faith, abuse of law, evaluative categories, social justice, digitalization of law, comparative legal analysis.

References

1. Aranovsky, K. V. Axiology of truth in the Russian worldview and state law / K. V. Aranovsky // Jurisprudence. - 2003. — No. 6. — pp. 185-194. — ISSN 0131-8039. — Text : direct.
2. Belov, V. A. Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law / V. A. Belov // Legislation. - 2008. — No. 8. — pp. 49-52. — ISSN 0869-4405. — Text : direct.
3. Verdiyana, G. V. The concept of good faith in the system of principles of civil law and the basic principles of civil legislation / G. V. Verdiyana // Education and Law. - 2011. — No. 9. — pp.186-193. — ISSN 2073-8944. — Text : direct.
4. Griбанov, V. P. The moral content of the basic principles of civil legislation / V. P. Griбанov // Modern law. — 2014. — No. 5. — pp. 47-51. — ISSN 0869-4456. — Text : direct.
5. Egorov, A.V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform / A.V. Egorov // Legal Insight. — 2013. — № 2. — pp. 4-10. — ISSN 2311-9933. — Text : direct.
6. Molchanov, V. V. On responsibility in civil proceedings / V. V. Molchanov // Arbitration and civil procedure. — 2010. — No. 10. — pp. 28-31. — ISSN 2072-8970. — Text : direct.
7. Radchenko, S. D. The principle of good faith in civil doctrine and judicial practice: problems of interpretation / S. D. Radchenko // Bulletin of Kostroma State University. — 2015. — No. 2. — pp. 195-199. — ISSN 2073-0946. — Text : direct.
8. Radchenko, S. D. The Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": novelties of constitutional court proceedings in 2010 / S. D. Radchenko // Journal of Russian Law. - 2011. — No. 10. — pp. 17-26. — ISSN 1605-6590. — Text : direct.

Author's information

Bykov Dmitry Igorevich - postgraduate student at the Department of Criminal Law, Theory and History of State and Law of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: wolf7153@yandex.ru

УДК 347.261

**СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ВОПРОСАХ
УСТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ СЕРВИТУТОВ**

Иванин А.А., Тяпина Д.А.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье анализируется вопрос о правовой природе сервитута, устанавливаемого в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. В работе обосновывается самостоятельность рассматриваемого правового института, при этом анализируются аспекты, роднящие его с классическими формами ограниченного вещного права на чужой земельный участок. Итогом исследования является предложение авторов о включении понятия «квазичастный сервитут» в теоретическую классификацию сервитутов и в правоприменительную практику.

Ключевые слова: частный сервитут; публичный сервитут; частно-публичный сервитут; земельный участок; квазичастный сервитут.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-130-137

Сервитут традиционно является одним из наиболее значимых и востребованных ограниченных вещных прав на недвижимое имущество, прежде всего - на земельные участки, - обеспечивая необходимую гармонизацию публичных и частных интересов. Земельный сервитут воспринимается как важнейшее средство организации землепользования [8, с. 132].

Сервитут появился как результат взаимодействия географических и экономических факторов, а также как ответ на хозяйственные потребности владельцев участков. Существует историческое мнение, согласно которому предпосылками появления сервитутов является тот факт, что Римская империя имела неровную, рельефную местность, пустынные участки. Как следствие земельные участки с более лучшим географическим положением имели большую ценность, чем участки, которые, к примеру, не имели источников воды, что не позволяло их эксплуатировать в полной мере. Отсюда возникла необходимость в закреплении за собственниками так называемых «невыгодных» земельных участков ограниченных прав на соседние земельные участки с улучшенными условиями [11, с. 147].

Истоки российских сервитутов уходят в дореволюционный период, когда они назывались "правом на чужие угодья". В ту эпоху, когда пахотная земля была основой сельского хозяйства, другие земельные участки, такие как луга и леса, имели схожий правовой статус с пашней. Парадоксально, но собственник пашни не имел права препятствовать ее использованию третьими лицами, например, для сенокоса на соседних лугах. Это несоответствие привело к появлению концепции "права на чужие угодья".

В советский период, с целью изъятия земли из гражданского оборота, это право было полностью исключено. Возвращение к возможности ограничения прав собственника в пользу третьих лиц произошло только с принятием Земельного кодекса РСФСР в 1991 году.

В российском законодательстве сервитут определяется как ограниченное вещное право, предоставляющее возможность ограниченного пользования чужим земельным участком. Эта концепция, позволяющая использовать чужую собственность для определенных нужд, восходит еще к римскому праву.

Сервитуты обладают двойственной природой. С одной стороны, для лица, в пользу которого установлен сервитут, это вещное право, дающее определенные возможности. С другой стороны, для собственника обремененного участка, частный сервитут является ограничением его прав собственности, своего рода обременением [5, с. 141]. Это ограничение может возникнуть добровольно, на основании договора, или быть установлено судом. Публичный сервитут, устанавливаемый на основании правового акта, также является ограничением прав собственника, но уже в публично-правовой сфере.

С принятием Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) в 2001 году и введением в действие главы 17 ГК РФ возникли вопросы, касающиеся земельных сервитутов, ЗК РФ закрепил деление сервитутов на частные и публичные [1].

Частный сервитут устанавливается в интересах конкретного лица или определенной группы лиц, как правило, собственника смежного (господствующего) земельного участка, для обеспечения его потребностей, которые не могут быть удовлетворены иным способом согласно ст. 274 Гражданского кодекса РФ (далее ГК – РФ) [2].

Публичный сервитут, в свою очередь, устанавливается для обеспечения общественных интересов и защиты прав неопределенного круга лиц, а не в пользу конкретного субъекта гражданского права. неопределенный круг лиц может воспользоваться таким сервитутом без каких-либо дополнительных условий [10, с. 141]. В отличие от частных сервитутов, публичные сервитуты представляют собой ограничения права собственности, установленные в силу закона в соответствии с ст. 23 ЗК РФ [13, с. 72].

Российское законодательство существенно модернизировало конструкцию публичного сервитута [9, с. 125]. В ЗК РФ с 1 марта 2015 года были внесены изменения, в результате которых появился новый тип сервитута, распространяющийся на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. Для удобства мы предлагаем использовать термин «частно-публичный сервитут» для обозначения этого вида.

Этот конкретный тип сервитута примечателен тем, что его характеристики не соответствуют традиционным категориям, таким как частный или публичный сервитут. Это обстоятельство заставляет нас рассматривать его гражданско-правовую природу как уникальную форму ограниченного пользования чужой землей.

Ученые-правоведы, подходя к определению места сервитута, устанавливаемого в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, используют термины «квазичастный» либо «квазипубличный», тем самым отмечая схожесть данного сервитута с классическими частным либо публичным, не отрицая при этом специфики нового феномена [12, с. 80]. Когда возникает неопределенность, к какому типу отнести сервитут – «квазичастному» или «квазипубличному» – решение принимается на основе преобладающих характеристик. Анализируется, больше ли он соответствует признакам частного или публичного сервитута, и на основании этого делается вывод.

Основное влияние государства на установление публичного сервитута проявляется в наличии специальной административной процедуры. Эта процедура является отличительной чертой публичного сервитута по сравнению с другими способами оформления прав на землю под линейными объектами. В то время как установление частного сервитута или оформление аренды требует учета множества индивидуальных обстоятельств собственников (кадастровый статус, наличие прав, земельные споры, сособственность), публичный сервитут опирается на единую, относительно независимую от конкретных ситуаций процедуру. Эта процедура полностью соответствует понятию административной процедуры и включает все ее элементы. Поскольку публичный характер отношений, связанных с установлением публичного сервитута, общепризнан, мы далее сосредоточимся на тех аспектах, которые реже обсуждаются в специальной литературе.

При анализе ситуации необходимо четко разграничивать частный и публичный сервитут. Частный сервитут служит удовлетворению частных интересов конкретного лица, предоставляя ему право пользования. Публичный же сервитут направлен на обеспечение доступа и пользования для неопределенного круга лиц. Федеральный закон № 341-ФЗ, вступивший в силу в 2018 году, ввел институт публичного сервитута с целью упростить процедуру выделения земли под линейные объекты, особенно для нужд электросетей, необходимых для реализации государственных и муниципальных задач. Однако, глава V.3 Земельного кодекса РФ, регулирующая установление сервитутов под линейные объекты, не требует, чтобы эти объекты обязательно служили государственным или муниципальным

целям. Ключевое отличие публичного сервитута от частного заключается в том, что он устанавливается в интересах широкого круга лиц, таких как жители, организации, муниципальные образования, регионы или государство [4]. Существует также промежуточный вариант – «частно-публичный сервитут», который устанавливается в интересах определенных лиц, но для достижения общественно значимых целей, объединяя черты обоих типов.

Вторая мысль строится вокруг понятия, что «частно-публичный сервитут», как пишет А. П. Ушакова, это субъективное публичное право, которое принадлежит частному лицу и служит его интересам, но деятельность которого важна для благосостояния общества и поэтому подлежит государственному регулированию и стимулированию, в отличие от частного сервитута, направленного исключительно на удовлетворение потребностей сервитутария [15, с. 105]. В поддержку этого утверждения можно привести следующие аргументы. Хотя охотник, стоматолог и избиратель – это частные лица, их возможности (охотиться, лечить зубы, голосовать) напрямую зависят от государства. Для реализации этих возможностей необходимо получить разрешение, лицензию или избирательное право, соответственно. Эти права, возникающие из взаимодействия частного лица с государством и реализуемые в публичной сфере, являются примерами субъективных публичных прав. При осуществлении этих прав лицо может действовать в своих собственных, личных интересах. К примеру, охотник может заниматься охотой с намерением продать свою добычу или для отдыха. Его мотивы являются частными, в то время как цель государства, которое выдает ему разрешение на охоту, носит публичный характер – это регулирование охотничьей деятельности для обеспечения рационального использования природных ресурсов.

Важно понимать, что правовая природа рассматриваемого сервитута напрямую зависит от того, на каком основании он был установлен. «Частно-публичный сервитут» устанавливается на основании соглашения, которое заключается только в случаях, когда это прямо разрешено ЗК РФ, другими федеральными законами и нормами гражданского права (согласно статье 39.23 ЗК РФ). В отличие от публичного сервитута, который устанавливается решением уполномоченного органа (согласно статье 39.43 ЗК РФ), сервитут, рассматриваемый в данном контексте, имеет больше общего с частным сервитутом. Как и частный сервитут, он может быть установлен либо по соглашению сторон, либо по решению суда. Возможность обращения в суд возникает в связи с тем, что пункт 4 статьи 39.26 ЗК РФ предусматривает основания для отказа в установлении сервитута, и заинтересованное лицо может оспорить необоснованный отказ. Ссылка на гражданское законодательство в ЗК РФ указывает на определенную взаимосвязь между «частно-публичными» и частными сервитутами, однако не означает их полного тождества.

Следует учитывать, что «частно-публичный сервитут» предоставляет не только право пользования чужим земельным участком, но и право владения им [6, с. 72]. Закон определяет конкретные цели, при которых на государственные или муниципальные земли может быть наложен сервитут, при этом список этих целей не является исчерпывающим. Согласно подпункту 7 пункта 5 статьи 27 ЗК РФ, «размещение объекта» включает в себя его строительство, реконструкцию или эксплуатацию. Возникает важный вопрос: достаточно ли соглашения о сервитуте для получения разрешения на строительство? Согласно статье 51 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ), обязательным условием для выдачи разрешения является наличие у заявителя правоустанавливающего документа на земельный участок, в частности, свидетельства о праве собственности или договора аренды [3]. Однако, изменения в ЗК РФ вносят коррективы, расширяя перечень документов, дающих право на строительство, и сближая правовые режимы аренды и сервитута. В итоге, действующий сервитут на публичных землях значительно расширяет права сервитутария, предоставляя ему, помимо права ограниченного пользования, еще и право владения чужим земельным участком.

Следующий момент исходит из целей установления сервитута на государственных или муниципальных землях, как это определено в статье 39.23 ЗК РФ. Эта статья

примечательна тем, что выделяет три конкретные цели: (1) размещение линейных объектов, сооружений связи, специальных информационных знаков и защитных сооружений, не препятствующих разрешенному использованию земельного участка, (2) проведение изыскательских работ, (3) ведение работ, связанных с пользованием недрами. Однако, статья также допускает и другие основания для установления сервитута, предусмотренные гражданским законодательством и другими нормативными актами. В статье 274 ГК РФ цели сервитута сформулированы более широко, включая «иные нужды», которые невозможно удовлетворить без установления обременения. В этом отношении новый вид сервитута ближе к частному сервитуту, который позволяет более гибко определять цели обременения. В отличие от этого, цели публичного сервитута четко определены в пункте 4 статьи 23 и статье 39.37 ЗК РФ.

В дальнейшем акцент делается на том, что предметом рассматриваемого сервитута являются земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, что указывает на его связь с публичными землями. Несмотря на это, квалифицировать его как исключительно публичный сервитут затруднительно, поскольку пункт 4 статьи 39.39 ЗК РФ допускает установление публичного сервитута вне зависимости от формы собственности земельного участка. Вместе с тем, отнесение данного сервитута к частному также не представляется возможным, поскольку сфера его действия может охватывать земли, принадлежащие гражданам или юридическим лицам на праве собственности, а также распространяться на иные объекты недвижимости.

Ключевой особенностью заключения соглашения о публичном сервитуте является полное отсутствие у сторон возможности свободно выбирать контрагента. Владелец публичного сервитута вынужден взаимодействовать только с теми собственниками земельных участков, чьи владения входят в утвержденные границы сервитута. Если участок не был включен в эти границы компетентным органом, то отношения по публичному сервитуту между ним и собственником не возникнут (возможны лишь отношения частного сервитута). Границы публичного сервитута, предложенные потенциальным владельцем, подлежат утверждению уполномоченным органом, который имеет право их корректировать. Утвержденные границы прилагаются к решению об установлении публичного сервитута. Собственник земельного участка оказывается практически лишенным права выбора контрагента и возможности самостоятельно решать, вступать ли в договорные отношения. Его отказ от заключения договора или несогласие с его условиями не станут препятствием для использования участка: отношения по использованию возникнут в силу закона по истечении установленного срока для заключения договора. Единственным способом предотвратить использование участка является оспаривание самого решения об установлении публичного сервитута. Следовательно, воля собственника на заключение договора об использовании его земельного участка полностью подменяется волей публичной власти, что делает невозможным говорить о добровольном и выгодном для собственника соглашении. В данном случае в ходе детального рассмотрения процесса осуществления публичного сервитута становятся очевидными принципиально значимые отклонения от принципа координации, обусловленные приоритетом государственного управления.

Далее речь пойдет о сторонах, которые имеют право устанавливать сервитут. Если земельный участок, принадлежащий государству, передан в пользование на длительный срок (постоянное пользование, пожизненное наследуемое владение, аренда или безвозмездное пользование более года), то соглашение о сервитуте заключает не государство, а тот, кто пользуется землей (землепользователь, землевладелец или арендатор). Как обоснованно указывает Лесных А. В. «Введение указанной нормы представляется вполне логичным, поскольку при установлении сервитута неудобства, связанные с ограничением пользования земельным участком, несет именно его владелец либо пользователь, а не собственник. Именно титульный владелец либо пользователь стеснен в своих правах, именно ему должна поступать и плата за сервитут как некая компенсация ограничения права. При этом титульные владельцы (пользователи) вправе заключать соглашение о сервитуте на срок, не

превышающий срока действия договора аренды либо договора безвозмездного пользования земельным участком, а в случае их досрочного расторжения, соглашение об установлении сервитута прекращается» [14, с. 103].

В последующем будут проанализированы причины, по которым может быть прекращен «частно-публичный сервитут». Прекращение сервитута возможно по истечении установленного срока. Также он может завершиться при досрочном прекращении аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования этим участком (п. 5 статьи 39.24 ЗК РФ). Учитывая, что статья 39.23 ЗК РФ допускает возможность установления сервитута на основании, указанных в гражданском законодательстве, прекращение данного сервитута может происходить в соответствии с пунктом 1 статьи 48 ЗК РФ согласно ГК Российской Федерации. Это может происходить по требованию собственника земельного участка в случае утраты оснований, по которым сервитут был создан (п. 1 статьи 276 ГК РФ). Таким образом, основания для прекращения данного сервитута подчеркивают его статус частного сервитута. Это проявляется в положениях о прекращении сервитута в связи с истечением установленного срока, а также в использовании общей нормы о частном сервитуте, содержащейся в гражданском законодательстве, которая устанавливает, что сервитут может быть прекращен при отсутствии цели его установления.

Необходимо также учитывать, что если соглашение о сервитуте заключается на срок менее трех лет, закон позволяет не регистрировать его в Едином государственном реестре недвижимости в качестве обременения. Автор, анализируя "квазипубличный сервитут", приходит к обоснованному выводу: «...Сервитут на публичные земли сближает с частным сервитутом то, что они устанавливаются на основании соглашения, являются возмездными, однако можно констатировать, что сервитут на публичные земли является "слабым" видом сервитута: отсутствие права следования и отмена государственной регистрации в случае, если он заключен на срок менее трех лет» [14 с. 103]

Необходимо также прояснить некоторые моменты, касающиеся порядка оплаты при установлении публичного сервитута, поскольку этот процесс имеет свои особенности по сравнению с частным сервитутом. Для частного сервитута действует следующее правило: владелец земельного участка, на который наложен сервитут, имеет право требовать от лиц, в чьих интересах этот сервитут установлен, справедливую компенсацию. Размер этой компенсации и порядок ее выплаты должны быть четко прописаны в договоре (соглашении). В некоторых случаях, если сервитут устанавливается через суд, размер платы может быть определен непосредственно в судебном решении (согласно статьям 274 ГК РФ и 23 ЗК РФ). При установлении публичного сервитута правообладатель обремененного участка, как правило, может требовать соразмерную плату от органа государственной власти или органа местного самоуправления, установивших сервитут, если установление сервитута существенно затрудняет использование земельного участка. Размер такой платы определяется в установленном порядке. Размер платы, порядок и срок ее внесения указываются в соглашении (пункт 13 статьи 23, статья 39.46, подпункт 8 пункта 1 статьи 39.47 ЗК РФ; пункт 1 Методических рекомендаций, утв. Приказом Минэкономразвития России от 04.06.2019 № 321) [7, с. 42].

Итак, проведенный анализ позволяет нам увидеть принципиальные различия между частным, публичным и, так называемым, «частно-публичным сервитутом». Разграничение этих понятий – ключ к пониманию современной практики земельных отношений и эффективному применению земельного законодательства. «Частно-публичный сервитут», являясь относительно новым юридическим феноменом, занимает промежуточное положение между классическими частным и публичным сервитутами. Он сочетает в себе элементы частного интереса и публичного регулирования, что требует особого внимания при его установлении и реализации. Однако, мы считаем, что анализ конкретных критериев и положений главы V.3 Земельного кодекса РФ позволяет утверждать, что рассматриваемый сервитут более характеризуется как частный, а с учетом его специфических черт, его можно определить, как «квазичастный». Четкое определение этого правового отношения поможет

избежать разногласий в его интерпретации и обеспечит более точное и краткое обозначение в юридической практике. В конечном счете, понимание сущности и особенностей каждого вида сервитута – необходимое условие для обеспечения баланса частных и публичных интересов в земельной сфере, а также для эффективного использования земельных ресурсов в интересах общества и государства. Дальнейшие исследования и правоприменительная практика позволят более четко определить место «частно-публичного сервитута» в системе земельного права и оптимизировать его применение.

Список использованных источников

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 23.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30. 11. 1994 № 51-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 274.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. №1. Ст. 51.
4. Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов» // СПС «Консультант Плюс».
5. Анисимов А. П., Болтанова Е. С. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. - 2020. - № 4. - С. 141 - 152.
6. Вагина О. В. Новый вид права ограниченного пользования чужим земельным участком - сервитут на публичные земли // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 71-73.
7. Воробьева, В. С. Вопросы соотношения правового регулирования сервитутов и публичных сервитутов / В. С. Воробьева, К. Ю. Кулинкович // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2025. – № 1(36). – С. 39-44.
8. Горбачев, А. Н. Земельное право: Учебник – Москва: КноРус, 2022. – 234 с.
9. Горбачев, А. Н. Земельные правоотношения: Учебник – Москва: КноРус, 2024. – 178 с.
10. Горбачев, А. Н. Классификация земельных участков в российском законодательстве // Общество и право. – 2021. – №. 2 (76). – С. 139-143.
11. Жуляева, О. Г. Соотношение частных и публичных интересов при установлении публичного сервитута // Вестник науки. – 2023. – № 11. – 151 с.
12. Киль Ю. Э., Синицына В. А. Правовая природа сервитута, устанавливаемого в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности // Уральский журнал правовых исследований. - 2018. - №1 (1). – С. 78-89.
13. Кокурин В. А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2023. - № 4. - С. 71-76.
14. Лесных А. В. Проблемы соотношения интересов при установлении земельных сервитутов // Аграрное и земельное право. - 2017. - №4 (148). – С. 99-106.
15. Ушакова А. П. «Новый» публичный сервитут в дихотомии «частное и публичное» // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – №. 12. – С. 99-109.
16. Жуляева О.Г. Соотношение частных и публичных интересов при установлении публичного сервитута / О.Г. Жуляева // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2023. - №11 (68). – С. 147-151

Сведения об авторах

Иванин Александр Александрович – к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail:

ivanin.aleck@yandex.ru. Телефон рабочий: +7(4832)58-05-16 (1414).

Тяпина Дарья Алексеевна - студент 3 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: dasha.tyapina@bk.ru.

UDC 347.261

THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE ESTABLISHMENT OF LAND EASEMENTS

Ivanin A.A., Tyapina D.A.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article analyzes the issue of the legal nature of an easement established in relation to a land plot owned by the state or municipal authorities. The paper substantiates the independence of the legal institution under consideration, while analyzing aspects that relate it to the classical forms of limited property rights to someone else's land. The result of the study is the authors' proposal to include the concept of «quasi-partial easement» in the theoretical classification of easements and in law enforcement practice.

Key words: private easement; public easement; private-public easement; land plot; quasi-private easement.

References

1. The Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 N 136-FZ (as amended on March 20, 2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 23.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 274.
3. The Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on December 26, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1. Art. 51.
4. Federal Law No. 341-FZ dated August 3, 2018, "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Simplification of the Placement of Linear Facilities" // Consultant Plus.
5. Anisimov A.P., Boltanova E. S. Restriction of private property right by establishing public land easers: search for a balance of interests // Journal of Russian Law. - 2020. - No. 4. - P. 141 - 152.
6. Vagina O. V. A new type of right to limited use of someone else's land plot - easement to public lands // Business, Management and Law. -2015.-No. 1.- P. 71-73.
7. Vorobyeva, V. S. Issues of the Correlation of Legal Regulation of Servitudes and Public Servitudes / V. S. Vorobyeva, K. Yu. Kulinkovich // Economic Justice in the Russian Far East. – 2025. – No. 1(36). – P. 39-44.
8. Gorbachev A. N. Land Law: Textbook - Moscow: KnoRus, 2022. - 234 p.
9. Gorbachev A. N. Land Legal Relations: Textbook - Moscow: KnoRus, 2024. - 178 p.
10. Gorbachev A. N. Classification of Land Plots in Russian Legislation // Society and Law. - 2021. - No. 2 (76). - P. 139-143.
11. Zhulyayeva, O.G. The Relationship between Private and Public Interests in the Establishment of a Public Servitude // Bulletin of Science. – 2023. – No. 11. – 151 p.
12. Kil Yu. E., Sinitsyna V. A. The legal nature of the easement established in relation to a land plot located in state or municipal property // Ural Journal of Legal Research. - 2018. - No. 1 (1). - P. 78-89.
13. Kokurin V. A. The problem of ensuring the balance of private and public interests in determining the term of public easement // Property relations in the Russian Federation. - 2023. - No. 4. - P. 71-76.
14. Lesnov A.V. Problems of the ratio of interests in the establishment of land easements //

Agrarian and land law. - 2017. - No. 4 (148). - P. 99-106.

15. Ushakova A.P. «New» public easement in the dychotomy «Private and Public» // Property relations in the Russian Federation. - 2020. - No. 12. - P. 99-109.

16. Zhulyaeva O.G. The ratio of private and public interests in the establishment of a public easement / O.G. Zhulyaeva // International scientific journal "Bulletin of Science". – 2023. - №11 (68). – Pp. 147-151

Author's information

Ivanin Alexander Alexandrovich - candidate of Law, Associate Professor of the Department of State-Legal and Civil-Legal Disciplines, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: ivanin.aleck@yandex.ru. Work phone: +7(4832)58-05-16 (1414),

Tyapina Daria Alekseevna - 3rd year student of the Faculty of Law of the Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail: dasha.tyapina@bk.ru.

УДК 343.1

**ОХРАНА ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Мальцева Я.В.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Целью статьи выступает анализ охраны прав участников уголовного процесса при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения как правового института. Анализируются теоретические подходы к пониманию сущности и структуры данного правового института, его место в системе уголовно-процессуального права. Раскрываются особенности нормативно-правового регулирования охраны прав участников уголовного процесса на международном и национальном уровнях.

Ключевые слова: охрана прав участников уголовного процесса, уголовно-процессуальное принуждение, правовой институт, принцип охраны прав, уголовный процесс, права участников, иные меры процессуального принуждения, охрана прав.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-138-144

Современная правовая система Российской Федерации отличается сложной организационной структурой, основанной на нормах права, сгруппированных по отраслям и институтам. Существенным компонентом этой системы является правовой институт. В рамках уголовного процесса таким институтом, на наш взгляд, является охрана прав его участников. На наш взгляд, охрана прав участников при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения необходимо рассматривать именно как самостоятельный правовой институт. Такая позиция обусловлена как природой данного явления, так и его значением для соблюдения законности, справедливости и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. Чтобы подтвердить этот тезис, рассмотрим, почему охрану прав участников следует квалифицировать именно как институт, а не как принцип или категорию.

В юридической доктрине для описания и объяснения правовых явлений применяются специальные понятия, получившие название правовых (юридических) категорий. Категория права представляет собой базовое теоретическое понятие, фиксирующее ключевые, сущностные черты определённого феномена [1, с.80].

Категория «охрана» охватывает совокупность мер и механизмов, предназначенных для обеспечения прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, а также для поддержания законности. В зависимости от отрасли права она проявляется по-разному и включает разные элементы. Не углубляясь в дискуссию о соотношении понятий «охрана» и «защита», примем точку зрения, согласно которой «защита» выступает составляющей «охраны», поскольку защита представляет собой ответ на конкретное нарушение либо ограничение прав. Охрана же охватывает более широкий спектр деятельности, объединяя как профилактические (превентивные) меры, так и собственно защитные действия [4, с.86].

По М. В. Парфеновой, охрана прав в уголовном судопроизводстве — это совокупность превентивных и восстановительных мер, обеспечивающих реализацию и восстановление субъективных прав [10, с. 59].

На наш взгляд, охрана прав участников в уголовном процессе особенно важна при применении процессуального принуждения (задержание, арест, арест имущества), поскольку ограничения свобод требуют строгих гарантий. Категория охраны прав в свою очередь и теоретически обосновывает институт защиты, определяя его значение, механизмы (например, судебный контроль над следствием) и принципы.

Как юридическую категорию, А.С. Сидоркин, рассматривает принципы, через которую законодательство раскрывает сущность права [11, с.16]. Эти фундаментальные идеи фиксируются в нормах либо проявляются в правоприменении и правосознании. Принципы

задают цели и вектор развития правовой системы, одновременно служа стандартом поведения для государственных органов и частных участников правоотношений.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, закреплённый в ст. 11 УПК РФ, лежит в основе уголовного процесса: он гарантирует правовую защиту прав всех участников, справедливость и законность. Л. Ю. Таова называет его стержнем системы принципов, поскольку он обеспечивает законность действий властных органов, соблюдение прав частных лиц и возмещение вреда [12, с. 9].

Принцип защиты прав и свобод человека нельзя сводить лишь к набору юридических норм. Правовые принципы представляют собой не только правила, но прежде всего фундаментальные идеи, на которых зиждется вся правовая система. Эти идеи определяют вектор развития законодательства и правоприменительной практики, служат опорой для выработки новых предписаний и обеспечивают единый подход к защите личности в уголовном процессе. Следовательно, ограничивать принципы исключительно нормативным содержанием неправомерно: их влияние выходит за рамки действующего права и охватывает более широкие концептуальные основы охраны прав человека.

По одной из позиций принцип охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве обладает двойственной природой. В узком смысле он охватывает конкретные законодательные предписания — например, предоставление свидетельского иммунитета и обеспечение безопасности участников процесса, закреплённые в ст. 11 УПК РФ. В широком же смысле принцип включает совокупность концептуальных положений, ориентированных на реализацию международно-правовых и конституционных норм о защите личности, а также унифицированные механизмы их применения [13, с. 10].

Существует иное мнение, согласно которому охрана прав и свобод личности в широком понимании не совпадает по содержанию с одноимённым принципом уголовного судопроизводства: охране подлежат все без исключения права личности, а не только процессуальные [9, с. 89].

Другая точка зрения настаивает на строгом толковании указанного принципа, без искусственного расширения его объёма, подчёркивая, что его нормативное выражение уже, чем общий институт охраны прав личности в уголовном процессе [3, с.20].

Принимая положение о том, что охрана прав личности в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность норм, предотвращающих и устраняющих нарушения прав участников, а также деятельность государственных органов, обеспечивающую реализацию этих норм и восстановление прав при их нарушении, можно заключить: рассматриваемый принцип задаёт фундаментальную основу функционирования института охраны прав участников уголовного процесса, определяя его идеологию и цели — обеспечение справедливости и защиту законных интересов всех вовлечённых лиц.

Правовые институты являются фундаментальными элементами правовой системы, которые интегрируют различные правовые нормы в целостные нормативные образования. Они выполняют функцию «моста» между отдельными правовыми предписаниями и целыми отраслями права, упорядочивая и систематизируя акты, предназначенные для регулирования конкретных сфер общественных отношений [6, с.80].

В большинстве научных трактовок под правовым институтом понимается обособленный комплекс взаимосвязанных норм, который посредством специфических методов и приёмов регулирует однородный вид или аспект общественных отношений. Тем самым подчёркивается, что это не случайный набор предписаний, а структурированная совокупность, имеющая общую цель и логически выстроенную внутреннюю организацию. Несмотря на различия в формулировках, все определения сходятся на ключевых признаках правового института: комплекс правовых норм, регулирование однородных общественных отношений, внутренняя организованность норм и наличие общей цели и законодательного замысла.

Как самостоятельный правовой институт, охрана прав участников уголовного процесса, при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения включает в

себя совокупность норм, регулирующих процессуальные отношения всех категорий участников, что позволяет говорить о её комплексности, системности и целенаправленности. Рассмотрим их подробнее.

К нормам, регулирующим охрану прав участников уголовно процесса при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения, относятся международные стандарты и национальные нормы, в которых закрепляются основные стандарты охраны прав. Статья 1 УПК РФ закрепляет примат международных обязательств России, что обеспечивает приоритет международного права, его прямое действие и конституционные гарантии интеграции в национальную правовую систему.

Международные стандарты выполняют четыре ключевые функции:

- 1) устанавливают минимальный перечень прав и свобод;
- 2) раскрывают их содержание;
- 3) возлагают на государства обязанности по обеспечению этих прав и вводят международные гарантии;
- 4) определяют пределы и условия возможных ограничений.

Базовыми источниками выступают Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и Конвенция против пыток (1984), содержащие требования о справедливом суде, презумпции невиновности, праве на защиту и абсолютном запрете жестокого обращения.

Как подчёркивает Д. А. Гришин, международные стандарты не подменяют национальное законодательство, а задают ориентиры его развития, формируя правовую среду, в которой защита прав человека признаётся высшей ценностью демократического государства [5, с. 66].

Национальное законодательство в сфере регулирования института охраны прав участников уголовного процесса берет свое начало в Конституции РФ. Статья 2 Конституции РФ провозглашает права и свободы человека высшей ценностью и возлагает на государство обязанность их соблюдения, задавая базовый ориентир для всей правовой системы. Конкретные гарантии охраны прав участников уголовного судопроизводства раскрыты в УПК РФ: он закрепляет право на защиту, справедливое разбирательство и обжалование действий дознавателя, следователя, прокурора и суда, одновременно возлагая на эти органы корреспондирующие обязанности. Тем самым формируется комплексный институт охраны прав участников процесса при применении иных мер процессуального принуждения.

Всесторонний подход к защите прав человека в уголовном судопроизводстве обеспечивает более полноценное и действенное соблюдение интересов всех участников, что выступает одной из ключевых задач правовой системы. Нормы, регулирующие охрану прав участников при использовании иных мер уголовно-процессуального принуждения, ориентированы на упорядочение однородных общественных отношений, связанных с обеспечением их субъективных прав, что свидетельствует о системном и целенаправленном характере данного правового регулирования.

Применение мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве порождает специфические уголовно-процессуальные правоотношения, главная цель которых — защита жизненно важных ценностей и интересов участников дела. Суть этих правоотношений состоит в том, что государственные органы и должностные лица, ведущие расследование и рассмотрение уголовного дела, обязаны создать условия для полноценной реализации прав и свобод граждан: своевременно разъяснить им процессуальные права и обязанности и обеспечить реальный доступ к их использованию. Нормативную основу названных гарантий образуют положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направленные на охрану прав и свобод личности при применении мер государственного принуждения [2, с.11].

Институт охраны прав участников уголовного судопроизводства при применении иных мер процессуального принуждения отличается чёткой внутренней структурой и

иерархией, благодаря чему нормы дополняют друг друга и учитывают особенности правового положения каждого участника, поддерживая баланс интересов сторон.

Так, статья 47 УПК РФ конкретизирует процессуальные гарантии обвиняемого — право на защиту, обжалование действий и решений органов расследования и др. Статья 42 УПК РФ, в свою очередь, закрепляет права потерпевшего как равноправного и значимого субъекта процесса. Значительное место в системе занимают и положения статьи 56 УПК РФ о защите свидетелей, которые, будучи носителями сведений о фактических обстоятельствах дела, нередко подвергаются давлению.

Внутренняя организованность института охраны прав участников уголовного процесса проявляется в том, что его нормы образуют строгую систему и учитывают особенности применения мер процессуального принуждения на каждом этапе производства по делу. Иные меры уголовно-процессуального принуждения могут использоваться на любой стадии процесса, а порядок их применения регламентируется УПК, который устанавливает как общие правила, так и специальные гарантии, направленные на охрану прав всех участников.

Как отмечает В.В. Ершов, защита прав участников обеспечивается на каждом этапе расследования и разбирательства, причём регулирование взаимоотношений строится с учётом процессуального статуса конкретного лица [7, с.314].

Охрана прав участников уголовного процесса преследует цель не только предупреждать возможные, но и устранять уже допущенные нарушения их конституционных прав, свобод и законных интересов. Совокупность норм, регулирующих защиту этих прав в контексте применения иных мер уголовно-процессуального принуждения, подчинена указанной цели и образует обособленный правовой институт. Его нормативный массив отличается внутренней целостностью и системностью, поскольку положения взаимосвязаны и ориентированы на достижение общего результата [8, с.418]. Одновременно наблюдается относительная автономия: будучи частью уголовно-процессуального права, данные нормы регулируют специфическую сферу — обеспечение прав участников при использовании принудительных средств, отличных от мер пресечения. Институт носит универсальный характер, распространяясь на широкий круг субъектов уголовного судопроизводства — от подозреваемых и обвиняемых до потерпевших, свидетелей и иных лиц. Его основное функциональное предназначение состоит в гарантии и защите конституционных прав и свобод личности в условиях применения иных мер процессуального принуждения.

Таким образом, институт охраны прав участников уголовного процесса при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения занимает ключевое место в системе российского уголовного процесса: содержащиеся в его рамках нормы служат гарантией строгого соблюдения законности при реализации названных мер и тем самым предупреждают произвольное ограничение конституционных прав и свобод. Функционально данный институт ориентирован на охрану базовых ценностей, закреплённых в Конституции Российской Федерации, — права на свободу и личную неприкосновенность, права на защиту, права на справедливое судебное разбирательство и другие, обеспечивая необходимый баланс между публичными интересами государства и частными интересами личности. Эволюция соответствующих правовых положений демонстрирует способность современного российского уголовно-процессуального права адаптироваться к изменяющимся социальным условиям и новым вызовам.

Категория охраны прав служит научным фундаментом для разработки норм, образующих институт защиты участников уголовного судопроизводства, и одновременно обеспечивает его методологическое осмысление. Принцип охраны прав выполняет идейно-ценностную функцию, формулируя приоритетную цель — обеспечение и защиту законных интересов всех участников процесса при применении альтернативных мер уголовно-процессуального принуждения. Практическая реализация как указанной категории, так и принципа достигается через совокупность положений УПК РФ, формирующих механизм функционирования названного института. Таким образом, категория и принцип задают

концептуальные рамки института охраны прав, тогда как его нормативное содержание воплощает эти исходные установки в конкретных правовых предписаниях.

Список использованных источников

1. Архипова, Е. Ю. К вопросу о сущности и назначении правовых категории/ Е. Ю. Архипова, П.С. Баринов. – Текст : непосредственный //Право и государство: теория и практика. – 2023. – №. 11 (227). – С. 78-81
2. Ахиджанов, В. М. Проблемные вопросы правоприменительной практики иных мер уголовно-процессуального принуждения и пути их решения / В. М. Ахиджанов, Я. В. Мальцева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных : Материалы Национальной научно-практической студенческой конференции, Брянск, 18–19 декабря 2024 года. – Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2024. – С. 9-13.
3. Базюк, М. Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 "Уголовный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Базюк Мария Леонидовна. – Иркутск, 2009. – 226 с.
4. Бутылин, В. Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан/ В.Н. Бутылин. – Текст : непосредственный //Журнал российского права. – 2001. – №. 12. – С. 80-91
5. Гришин, Д. А. Международные стандарты уголовного судопроизводства/ Д.А. Гришин. – Текст : непосредственный //Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – №. 1 (51). – С. 65-74.
6. Ерзнкян, Б. А. Исследование институциональных понятий и характерных особенностей формальных и неформальных институтов/ Б.А. Ерзнкян. – Текст : непосредственный //Вестник университета. – 2012. – №. 20. – С. 76-83.
7. Ершов, В. В. Регулирование правоотношений / В. В. Ершов. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2020. – 564 с. – ISBN 978-5-93916-840-3.
8. Мальцева, Я. В. К вопросу о понятии иных мер уголовнопроцессуального принуждения в РФ / Я. В. Мальцева. – Текст : непосредственный // Право и управление. – 2024. – № 5. – С. 415-420.
9. Мельников, В. Ю. Охрана и защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства/ В.Ю. Мельников. – Текст : непосредственный //Северо-Кавказский юридический вестник. – 2010. – №. 3. – С. 87-92.
10. Парфенова, М. В. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России : науч.-метод. пособие / М. В. Парфенова ; М. В. Парфенова ; под ред. А. Б. Соловьева. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 184 с.– (Библиотека криминалиста). – ISBN 5-93295-134-6
11. Сидоркин, А. С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сидоркин Александр Сергеевич. – Москва, 2010. – 206 с.
12. Таова, Л. Ю. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в ходе предварительного расследования : специальность 12.00.09 "Уголовный процесс" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Таова Лилия Юрьевна. – Волгоград, 2008. – 28 с.
13. Челохсаев, О. З. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 "Уголовный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Челохсаев Олег Заурович. – Москва, 2017. – 158 с.

Сведения об авторах

Мальцева Яна Васильевна - старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: yana.fatowa@yandex.ru

UDC 343.1

**PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS
WHEN APPLYING OTHER MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION:
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS**

Maltseva Ya.V.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The purpose of the article is to analyze the protection of the rights of participants in criminal proceedings when applying other measures of criminal procedural coercion as a legal institution. The article analyzes theoretical approaches to understanding the essence and structure of this legal institution, its place in the system of criminal procedure law. The article reveals the features of the legal regulation of the protection of the rights of participants in criminal proceedings at the international and national levels.

Keywords: protection of the rights of participants in criminal proceedings, criminal procedural coercion, legal institution, principle of protection of rights, criminal proceedings, rights of participants, other measures of procedural coercion, protection of rights.

References

1. Arkhipova, E. Y. On the question of the essence and purpose of legal categories / E. Y. Arkhipova, P.S. Barinov. – Text : direct // Law and the State: theory and practice. – 2023. – №. 11 (227). – Pp. 78-81
2. Akhizdzhinov, V. M. Problematic issues of law enforcement practice of other measures of criminal procedural coercion and ways to solve them / V. M. Akhizdzhinov, Ya. V. Maltseva. – Text : direct // Actual problems of modern science: the view of young scientists : Proceedings of the National Scientific and Practical Student Conference, Bryansk, December 18-19, 2024. Bryansk: Bryansk State University named after Academician of I.G. Petrovsky, 2024, pp. 9-13.
3. Bazyuk, M. L. Protection of human and civil rights and freedoms as a principle of Russian criminal justice : specialty 12.00.09 "Criminal procedure" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Bazyuk Maria Leonidovna. Irkutsk, 2009. 226 p. (in Russian)
4. Butylin, V. N. Institute of State and Legal protection of constitutional rights and freedoms of citizens/ V.N. Butylin. – Text : direct // Journal of Russian Law. – 2001. – №. 12. – Pp. 80-91
5. Grishin, D. A. International standards of criminal procedure/ D.A. Grishin. – Text : direct // Legal science and law enforcement practice. – 2020. – №. 1 (51). – Pp. 65-74.
6. Yernzkyan, B. A. Research of institutional concepts and characteristic features of formal and informal institutions/ B.A. Yernzkyan. – Text : direct // Bulletin of the University. – 2012. – No. 20. – pp. 76-83.
7. Yershov, V. V. Regulation of legal relations / V. V. Yershov. Moscow : Russian State University of Justice, 2020. 564 p. ISBN 978-5-93916-840-3.
8. Maltseva, Ya. V. On the concept of other measures of criminal procedural coercion in the Russian Federation / Ya. V. Maltseva. – Text : direct // Law and Management. – 2024. – No. 5. – pp. 415-420.
9. Melnikov, V. Yu. Protection and protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings/ V.Yu. Melnikov. – Text : direct // North Caucasian Law Bulletin. – 2010. – №. 3. – Pp. 87-92.
10. Parfenova, M. V. Protection of the constitutional rights of suspects and accused in the pre-trial stages of the criminal process in Russia : scientific method. manual / M. V. Parfenova ; M. V. Parfenova ; edited by A. B. Solovyov. Moscow : Yurlitinform, 2004. 184 p. (Criminologist's

Library). – ISBN 5-93295-134-6

11. Sidorkin, A. S. Principles of law: concept and implementation in Russian legislation and judicial practice : specialty 12.00.01 "Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Sidorkin Alexander Sergeevich. – Moscow, 2010. – 206 p.

12. Taova, L. Y. The principle of protection of human and civil rights and freedoms and its implementation during the preliminary investigation : specialty 12.00.09 "Criminal procedure" : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law / Taova Lilia Yurievna. – Volgograd, 2008. – 28 p.

13. Chelokhsaev, O. Z. The principle of protection of human and civil rights and freedoms and its implementation in criminal proceedings : specialty 12.00.09 "Criminal procedure" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Chelokhsaev Oleg Zaurovich. – Moscow, 2017. 158 p.

Author's information

Maltseva Yana Vasilyevna - Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Theory and History of State and Law of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: yana.fatowa@yandex.ru

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Эл. № ФС77-65142 от 28.03.2016 г.**

Главный редактор журнала:
доктор экономических наук, доцент
О.В. Бабич

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Дата выхода журнала в свет 06.10.2025 г. **16+**